

ISSN 2313-8912

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ

ВОПРОСЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ И ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

RESEARCH RESULT. THEORETICAL AND APPLIED LINGUISTICS

Том 6 № 3
Volume 6 2020

16+

Сайт журнала:
rilinguistics.ru

сетевой научный рецензируемый журнал
online scholarly peer-reviewed journal

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ. ВОПРОСЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ И ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

RESEARCH RESULT. THEORETICAL AND APPLIED LINGUISTICS

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор) Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл. № ФС77-69052 от 13 марта 2017 г.
The journal has been registered at the Federal service for supervision of communications information technology and mass media (Roskomnadzor)
Mass media registration certificate El. № FS 77-69052 of March 13, 2017

Том 6, № 3. 2020
СЕТЕВОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ
Издается с 2014 г.
ISSN 2313-8912

Volume 6 (3). 2020
ONLINE SCHOLARLY PEER-REVIEWED
JOURNAL
First published online: 2014
ISSN 2313-8912

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР: **Дехнич О.В.**, кандидат филологических наук, доцент, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»), г. Белгород, Россия

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ: **Остапова Л.Е.** г. кандидат филологических наук, доцент, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»), г. Белгород, Россия

РЕДАКТОР АНГЛИЙСКИХ ТЕКСТОВ: **Ляшенко И.В.**, кандидат филологических наук, доцент, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»), г. Белгород, Россия

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ:

Алефиренко Н.Ф., доктор филологических наук, профессор, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»), г. Белгород, Россия

Аматов А.М., доктор филологических наук, профессор, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»), г. Белгород, Россия

Багана Ж., доктор филологических наук, профессор, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»), г. Белгород, Россия

Вальтер Г., доктор филологических наук, профессор, университет им. Эрнста Морица Арндта г. Грайфсвальда, Философский факультет, Институт славистики, Германия

Вишнякова О.Д., доктор филологических наук, профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

Воложнев С.Г., доктор филологических наук, профессор, ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный технологический университет», г. Краснодар, Россия

Златев Дж., доктор философии, профессор, Лундский университет, г. Лунд, Швеция

Карасик В.И., доктор филологических наук, профессор, ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет», г. Волгоград, Россия

Клепикова Т.А., доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский федеральный государственный бюджетный университет экономики и финансов, г. Санкт-Петербург, Россия

Магировская О.В., доктор филологических наук, профессор, Институт филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета, г. Красноярск, Россия

Огнева Е. А., доктор филологических наук, профессор, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»), г. Белгород, Россия

Панасенко Н.И., доктор филологических наук, профессор, Университет Свв. Кирилла и Мефодия в Трнаве, г. Трнава, Словакия

Порхомовский В.Я., доктор филологических наук, профессор, Институт языкознания РАН, г. Москва, Россия

Риё Ж., доктор филологических наук, профессор, университет Ниццы-Софии Антиполис, г. Ницца, Франция

Соколова Я., кандидат филологических наук, профессор, Университет Константина Философа, г. Нитра, Словакия

Хлебда В., доктор филологических наук, профессор, Ополский университет, г. Ополе, Польша

Чекулай И.В., доктор филологических наук, профессор, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»), г. Белгород, Россия

Шарифиан Ф., доктор филологических наук, профессор, Университет Монаша, г. Мельбурн, Австралия

EDITORIAL TEAM:

EDITOR-IN-CHIEF: **Olga V. Dekhnich, Ph.D. in Philology**, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Belgorod State National Research University", Associate Professor, Belgorod, Russia

EXECUTIVE SECRETARY: **Lyudmila Ye. Ostapova, Ph.D. in Philology**, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Belgorod State National Research University", Associate Professor, Belgorod, Russia

ENGLISH TEXT EDITOR: **Igor V. Lyashenko, Ph.D. in Philology**, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Belgorod State National Research University", Associate Professor, Belgorod, Russia

EDITORIAL BOARD:

Alexandr M. Amatov, Doctor of Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Belgorod State National Research University", Professor, Belgorod, Russia

Baghana Jerome, Doctor of Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Belgorod State National Research University", Professor, Belgorod, Russia

Elena A. Ogneva, Doctor of Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Belgorod State National Research University", Professor, Belgorod, Russia

Farzad Sharifian, Doctor of Philology, Professor, Monash University, Melbourne, Australia

Harry Walter, Doctor of Philology, Professor, University of Greifswald, Greifswald, Germany

Igor V. Chekulai, Doctor of Philology, Professor, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Belgorod State National Research University", Professor, Belgorod, Russia, Belgorod, Russia

Jana Sokolova, Ph.D. in Philology, Professor, Constantine the Philosopher University in Nitra, Nitra, Slovak Republic

Jordan Zlatev, Doctor of Philosophy, Professor of General Linguistics, Lund University, Lund, Sweden

Josiane Rieu, Doctor of Philology, Professor, Nice Sophia Antipolis University, Nice, France

Nataliya I. Panasenka, Doctor of Philology, Professor, University of St. Cyril and Methodius in Trnava, Trnava, Slovak Republic

Nikolai F. Alefirenko, Doctor of Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Belgorod State National Research University", Professor, Belgorod, Russia

Oksana V. Magirovskaya, Doctor of Philology, Professor, School of Philology and Language communication of the Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

Olga D. Vishnyakova, Doctor of Philology, Professor, Federal State Budget Educational Institution of Higher Education M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Sergey G. Vorkachev, Doctor of Philology, Professor, Kuban State Technological University, Krasnodar, Russia

Tatiana A. Klepikova, Doctor of Philology, professor, Saint-Petersburg State University of Economics, Saint-Petersburg, Russia

Victor Ya. Porkhomovskiy, Doctor of Philology, professor, Linguistics Institute Moscow, Moscow, Russia

Vladimir I. Karasik, Doctor of Philology, Professor, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Volgograd State National Research University", Volgograd, Russia

Wojciech Chlebda, Doctor of Philology, Professor, University of Opole, Opole, Poland

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»

Издатель: НИУ «БелГУ». Адрес издателя: 308015 г. Белгород, ул. Победы, 85. Журнал выходит 4 раза в год

Founder: Federal state autonomous educational establishment of higher education «Belgorod State National Research University»

Publisher: Belgorod State National Research University
Address of publisher: 85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia
Publication frequency: 4/year

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

**ЯЗЫКОЗНАНИЕ
РАЗДЕЛ I. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА**

**LINGUISTICS
SECTION I. THEORY OF LANGUAGE**

Аверина А.В. Эпистемическая модальность и синтаксическая неподчинимость в немецком и русском языках	4	Averina A.V. Epistemic modality and syntactical insubordination in German and Russian	4
Дроздова Е.А. Речевой этикет: понятие, сравнение границ явления в английском и русском языках	25	Drozдова E. A. Speech etiquette: the concept and comparison of the borders of the phenomenon in English and Russian	25
Чиршева Г. Н., Коровушкин П. В. Структурные характеристики переключений кодов в русских высказываниях детей-билингвов в России и США	33	Chirsheva G.N., Korovushkin P.V. Structural characteristics of code-switching in Russian utterances of bilingual children in Russia and the USA	33
Шустова С.В., Хорошева Н.В. Функциональный потенциал предлогов и их классификационные основания	48	Shustova S.V., Khorosheva N.V. The functional potential of prepositions and their classification grounds	48
Marabini A., Mezzina Angela A. Categorization of phraseological units: Russian/Italian expressions	58	Marabini A., Mezzina Angela A. Categorization of phraseological units: Russian/Italian expressions	58

**РАЗДЕЛ II.
СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ**

**SECTION II.
COMPARATIVE LINGUISTICS**

Будаев Э.В. Кино как сфера-источник прецедентных имен в СМИ Великобритании (2010-2019 гг.)	72	Budaev E.V. Cinema as a source domain of precedent names in the UK mass media (2010-2019)	72
Жирова И.Г. Структура высказывания и система языковых коммуникативных средств: на материале современных художественных произведений	85	Zhirova I.G. The structure of utterance and the system of language communication tools: based on contemporary literary works of art	85
Михайлова Т.А. О семантической эволюции латинских дублетных заимствований в древнеирландском: <i>sén</i> vs <i>sign</i> (Серия статей «Литературные языки и литературные традиции: контакты и влияния» под руководством д.ф.н., профессора В. Я. Порхомовского и д.ф.н., профессора И. И. Чельшевой, Институт языкознания РАН, г. Москва)	99	Mikhailova T.A. Semantic evolution of Latin doublet borrowings in Old Irish: <i>sén</i> vs <i>sign</i> (Series of Papers "Standard Languages and Literary Traditions: Contacts and Influences" directed by Professor Irina I. Chelysheva and Professor Viktor Ya. Porkhomovsky, Institute of Linguistics RAS, Moscow)	99

**РАЗДЕЛ II.
ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ СТРАН
ЗАРУБЕЖЬЯ**

**SECTION II.
LITERATURE OF PEOPLES
AND NATIONS OF THE WORLD**

Додыхудоева Л. Р. Интертекстуальный диалог в ираноязычном фольклоре Центральной Азии: источники сложения и особенности описания персонажей волшебных сказок (Серия статей «Литературные языки и литературные традиции: контакты и влияния» под руководством д.ф.н., профессора В. Я. Порхомовского и д.ф.н., профессора И. И. Чельшевой, Институт языкознания РАН, г. Москва)	112	Dodykhudoeva L.R. Intertextual dialogue in the Iranian- language folklore of Central Asia: sources of formation and specific features of the characters in fairy tales (Series of Papers “Standard Languages and Literary Traditions: Contacts and Influences” directed by Professor Irina I. Chelysheva and Professor Viktor Ya. Porkhomovsky, Institute of Linguistics RAS, Moscow)	112
Яковенко Е. Б. Древнеанглийско-латинские языковые контакты (на материале «Грамматики» Эльфрика) (Серия статей «Литературные языки и литературные традиции: контакты и влияния» под руководством д.ф.н., профессора В. Я. Порхомовского и д.ф.н., профессора И. И. Чельшевой, Институт языкознания РАН, г. Москва)	127	Yakovenko Ye.B. Old English-Latin Language Contacts (a case of Ælfric’s <i>Grammar</i>) (Series of Papers “Standard Languages and Literary Traditions: Contacts and Influences” directed by Professor Irina I. Chelysheva and Professor Viktor Ya. Porkhomovsky, Institute of Linguistics RAS, Moscow)	127

**ЯЗЫКОЗНАНИЕ
LINGUISTICS
РАЗДЕЛ I. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА
SECTION I. THEORY OF LANGUAGE**

УДК 811.11-112

DOI: 10.18413/2313-8912-2020-6-3-0-1

Аверина А. В.

**Эпистемическая модальность и синтаксическая неподчинимость
в немецком и русском языках**

Московский государственный
областной университет
ул. Радио 10а, г. Москва, 105005 Россия
E-mail: av.averina@mgou.ru
ORCID: 0000-0002-3117-6362

*Статья поступила 22 июля 2020г.; принята 10 сентября 2020г.;
опубликована 30 сентября 2020г.*

Аннотация

В статье проанализировано соотношение таких феноменов как 'синтаксическая неподчинимость' – 'внутренняя перспектива' – 'дейктичность' – 'эпистемическая модальность'. Эпистемическая модальность трактуется как дейктическая модальность, а алетическая – как недейктическая модальность. Дейктическая модальность – это оценка фактичности ситуации с позиции Ориго. Недейктическая модальность не содержит оценок степени вероятности с позиции Ориго, а констатирует объективную возможность/невозможность существования факта. Дейктическая модальность отражает внутреннюю перспективу говорящего / пропозиционального субъекта, т. е. содержит оценку говорящим/ пропозициональным субъектом нефактичности ситуации, алетическая модальность – внешнюю перспективу. Показано, что модальные слова в немецком языке могут передавать значения эпистемической и алетической модальности, способны кодировать внешнюю и внутреннюю перспективу и обладают одноплановым дейксисом. Их можно рассматривать как лексические единицы. Модальные глаголы *sollen* и *müssen* во вторичном значении и модальные частицы обладают многоплановой дейктичностью. Их семантика может быть определена только по контексту, они синтаксически неподчинимы и несут эпистемическое значение в сочетании с эвиденциальным, что в совокупности позволяет говорить об их принадлежности к системе грамматики. На фактическом материале раскрывается феномен синтаксической неподчинимости: она зависит, в первую очередь, от типа выражаемого модального значения. Эпистемические маркеры неподчинимы; показатели алетической модальности способны занимать позицию в иллокутивно несамостоятельном придаточном предложении. Показана специфика немецкого и русского языков в выражении эпистемической модальности и эвиденциальности: двуплановая дейктичность в русском языке передается в системе модальных частиц, в немецком языке – в системе модальных глаголов.

Ключевые слова: эпистемичность; алетическая модальность; эвиденциальность; внутренняя перспектива; модальные частицы; модальные слова; модальные глаголы; грамматикализация.

Информация для цитирования: Аверина А.В. Эпистемическая модальность и синтаксическая неподчинимость в немецком и русском языках // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2020. Т.6, №3. С. 4-24. DOI: 10.18413/2313-8912-2020-6-3-0-1

A.V. Averina

**Epistemic modality and syntactical insubordination
in German and Russian**

Moscow Region State University
10a Radio St., Moscow, 105005 Russia
E-mail: av.averina@mgou.ru
ORCID: 0000-0002-3117-6362

Received 22 July 2020; accepted 10 September 2020; published 30 September 2020

Abstract. The article analyzes the correlation of such phenomena as 'syntactical insubordination' – 'the inner perspective' – 'deicticity' – 'epistemic modality'. Epistemicity is interpreted as deictic modality, whereas alethic modality is treated as a non-deictic modality. Deictic modality is an assessment of the factuality of a situation from Origo's position. The nondeictic modality does not contain estimates of the degree of probability from the position of Origo, but states the objective possibility / impossibility of the existence of a fact. The deictic modality reflects the internal perspective of the speaking / propositional subject, i.e. it contains the assessment by the speaking / propositional subject of the irrelevance of the situation, the alethic modality – the external perspective. It is shown that modal words in the German language can convey the meanings of epistemic and alethic modality, are able to encode external and internal perspective, and have a one-sided deixis. They can be viewed as lexical units. The modal verbs *sollen* and *müssen* in the secondary meaning and modal particles have multifaceted deicticity. Their semantics can only be determined by context, they are syntactically insubordinate and carry epistemic meaning in combination with evidential meaning, which together allows us to speak about their belonging to the grammar system. Based on factual material, the phenomenon of syntactic insubordination is revealed: first of all, it depends on the type of expressed modal meaning. Epistemic markers are irreconcilable; indicators of alethic modality are able to occupy a position in the illocutionary dependent clause. The specificity of the German and Russian languages is shown in the expression of epistemic modality and evidentiality: two-dimensional deicticity in Russian is transmitted in the system of modal particles, in German - in the system of modal verbs.

Key words: epistemicity; alethic modality; evidentiality; the inner perspective; modal particles; modal words; modal verbs; grammaticalization.

How to cite: Averina A.V. (2020). Epistemic modality and syntactical insubordination in German and Russian. *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, 6 (3), 4-24, DOI: 10.18413/2313-8912-2020-6-3-0-1

Введение (Introduction)

В лингвистическом обиходе принято оперировать терминами 'пространственный дейксис', 'временной дейксис' и 'персональный дейксис', - три вида дейксиса, о которых впервые написал еще К. Бюлер (Бюлер 1934). В германистике рассматривают и другие типы дейксиса. Так, Э. Хенчель указывает на то, что целесообразно говорить не только об указании на лицо, но и на роль собеседника в социальном дискурсе. Эта роль находит свое выражение в использовании местоимений второго лица – *ты*, *вы* или *Вы*. Соответственно, по ее мнению, совершенно оправданно использовать такое понятие как дейктический модус «социальное указание» («*soziales Zeigen*») (Hentschel 1986: 29). Г. Дивальд пишет о модальном (Diewald 1991, 1999) и эвиденциальном (Diewald 2013) дейксисе. Идею Г. Дивальд о модальном дейксисе развивают В. Абрахам (Abraham 2011, 2013) и Э. Лайсс (Leiss 2011).

Не все исследователи разделяют позицию, что модальность дейктична. Так, Е.В. Падучева пишет, что модальность не относится к дейктическим категориям. К последним относятся единицы, которые выражают идентификацию объекта – предмета, места, момента времени, свойства, ситуации. Наклонение, модальность, показатели иллокутивной функции (утвердительность – вопросительность и пр.) можно рассматривать как эгоцентрические, а не дейктические элементы (Падучева 2010, с. 245). В работе Е.В. Падучевой описаны первичные и вторичные эгоцентрики и показано, что первичные эгоцентрики обладают свойством синтаксической неподчинимости (Падучева 2010), а сама по себе синтаксическая неподчинимость – это «основание для того, чтобы считать лексическую единицу с модальным значением объектом грамматики» (Падучева 2016). Продемонстрируем

феномен синтаксической неподчинимости на следующих примерах:

(1) а. *Die Linken werden jetzt sagen, dass sie ja gegen die großen Kapitalgesellschaften handeln* (DECOW 16A).

'Левые теперь будут говорить, что они ведь действуют против крупных капиталистических обществ'

б. *Die Linken bedauern, dass sie (*ja) gegen die großen Kapitalgesellschaften handeln.*

'Левые сожалеют, что они действуют против крупных капиталистических обществ'

(2) а. [...] *я вспомнил, что ведь десятки раз видел я эту барку [...]* (НКРЯ).

б. *Я сожалею, что (*ведь) десятки раз я видел эту барку.*

Объектные придаточные с фактивными предикатами в главной части (1а) и (2а) не имеют модальные частицы в своей структуре, объектные придаточные с нефактивными предикатами в главной части, напротив, допускают использование модальных частиц. Фактивные предикаты – это глаголы типа *bedauern*, *leugnen* (нем.), *сожалеть*, *лгать* (рус.), нефактивные предикаты – это глаголы типа *говорить*, *считать* и т. д. (об отличии фактивных и нефактивных предикатов (см. Kiparsky & Kiparsky 1974).

Модальные частицы как элементы грамматики рассматривает В. Абрахам, объясняя их синтаксическую неподчинимость тем, что им свойственна дейктичность (Abraham 2011). Многоплановая дейктичность считается признаком грамматикализации компонентов лексической системы (Leiss 2011), в результате чего они могут считаться составляющими грамматического строя. Не все исследователи придерживаются этой точки зрения. Так, по мнению Х. Вайдта, модальные частицы – не что иное, как компоненты лексического состава языка (Weydt 2010).

Таким образом, дискуссионными остаются вопросы статуса модальных

элементов (принадлежность к лексике/грамматике) и правомерности отнесения их к дейктичным. Требуется анализа вопрос о том, является ли фактор синтаксической неподчинимости модальных маркеров показателем принадлежности к грамматической системе языка.

Существует еще одно альтернативное объяснение феномена синтаксической неподчинимости – с позиции внешней и внутренней перспективы (Averina 2015): исследование использования модальных частиц в придаточных предложениях немецкого и русского языков позволило сделать вывод, что отражение внутренней перспективы в главном предложении делает возможным употребление модальных частиц в придаточном, в то время как кодировка внешней перспективы не позволяет их включать в зависимое предложение. В данной работе предлагается объяснение синтаксической неподчинимости модальных маркеров с позиции перспективы.

Основная часть (Main part)

Цель работы – на основе анализа функционирования немецких и русских модальных слов, модальных глаголов и модальных частиц в сложном предложении проанализировать соотношение таких феноменов как 'синтаксическая неподчинимость' – 'внутренняя перспектива' – 'дейктичность' – 'эпистемическая модальность'. Предполагается дать ответы на следующие вопросы: (1) что вкладывается в понятия 'дейктическая модальность' и 'внутренняя перспектива' и как они соотносятся друг с другом? (2) что является причиной синтаксической неподчинимости? (2) какие виды модальных значений имеет смысл относить к дейктическим? (3) одинаково ли проявляются свойства синтаксической неподчинимости у модальных глаголов, модальных слов и модальных частиц в русском и немецком языках?

Необходимость выявления обозначенных корреляций обусловлена целым рядом причин:

- во-первых, существует потребность в переосмыслении феномена синтаксической неподчинимости модальных элементов в русском и немецком языках;
- во-вторых, важно определить критерии разграничения грамматических и лексических единиц в сфере модальности, и, соответственно, соотнести их с феноменом синтаксической неподчинимости и внутренней перспективы;
- в-третьих, есть необходимость выявить общие черты у синтаксически неподчинимых модальных маркеров и сопоставить их с синтаксически подчинимыми;
- в-четвертых, требуется пояснения смысла понятия 'внутренняя перспектива' применительно к интерпретации модальных значений.

Материал и методы исследования (METHODS AND MATERIALS)

При анализе эмпирического материала в центре внимания находится не подбор лексических эквивалентов и переводных русско-немецких соответствий, а определение общих и различительных грамматических свойств. Выбор перечисленных модальных маркеров объясняется тем, что, несмотря на принадлежность к идентичным частеречным классам, эти слова зачастую проявляют свою функциональную неравнозначность, поэтому важным представляется выявление их симметричности/асимметричности в грамматическом аспекте. При анализе фактического материала были использованы следующие методы:

- метод компонентного анализа, позволивший выделить общие и частные свойства модальных маркеров и провести их дифференциацию на базе общих дейктичных свойств;

- метод трансформационного анализа, посредством которого были выявлены типы контекстов, в которых модальные маркеры возможны, а также те контексты, в которых они не могут иметь места;

- метод сопоставительного анализа, благодаря которому были выявлены общие и различные свойства модальных маркеров в немецком и русском языках.

В качестве *иллюстративного материала* в статье использован Национальный корпус русского языка и веб-корпус DECOW 16A. В некоторых случаях для того, чтобы показать зависимость семантики грамматической конструкции от контекстуального окружения, приводились примеры из немецкой художественной литературы; при интерпретации трансформированных предложений учитывалось мнение носителей языка.

Результаты исследования и их обсуждение (Results and discussion)

Обратимся к понятию «внутренняя перспектива» и рассмотрим возможности ее реализации на уровне высказывания.

Само по себе понятие «внутренняя перспектива» применительно к грамматике предложено Э. Лайсс (Leiss 1992). Так, внутренняя перспектива характерна для неопределенных глаголов, внешняя – для предельных; исчисляемые определенные существительные отражают кодировку внешней перспективы (существительные типа *Haus/дом, Baum/дерево* и т.д.), неисчисляемые – внутренней (существительные типа *Gold/золото, Liebe/любовь* и т.д.) (Leiss 2000, с. 245); внутренняя перспектива представлена в системе неопределенных артиклей, внешняя – в системе определенных (Там же). С. Энгель переносит понятие 'внутренняя перспектива' на систему функционирования местоимений и показывает, что местоимения первого лица кодируют внутреннюю перспективу, местоимения третьего лица – внешнюю, а местоимения второго лица могут быть показателями

внешней и внутренней перспективы (Engel 1998).

Перспектива в интерпретации Э. Лайсс – это выбор говорящим определенных грамматических показателей в зависимости от того, как он воспринимает предмет или событие. Если как нечто целостное, определенное и завершенное, то речь идет о внешней перспективе; незаконченность, неопределенность и незавершенность позволяют говорящему представить события с внутренней перспективы. В трактовке внутренней перспективы Э. Лайсс учитываются по большей части параметры действия глагола и семантика имен существительных; на наш взгляд, применительно к модальным элементам целесообразно говорить о реализации внутренней перспективы на уровне целого предложения, поскольку субъективное отношение не может существовать само по себе в отрыве от объектов и ситуаций объективной действительности. Можно говорить о предложениях, в которых внутренняя перспектива не находит никакого отражения – это объективированное изложение событий. Субъективированность отличает присутствие внутренней перспективы. По нашим наблюдениям, в некоторых типах придаточных предложений модальные частицы допустимы тогда, когда говорящий показывает свою вовлеченность в изложение событий, т.е. поясняет их ход не как сторонний наблюдатель, а их участник. Это можно проследить на следующих примерах:

(3) а. *Es können auch Aufgaben zentralisiert werden, indem (*ja) alle Informationen über Partner gesammelt und die taktischen Planungsaufgaben bestimmt werden* (DECOW 16A).

'Задания могут централизованы посредством сбора информации о партнерах и определения тактических задач планирования'

б. А: *Angaben können nicht zentralisiert werden.*

B: Es KÖNnen alle Angaben zentralisiert werden, gerade inDEM alle Informationen über Partner gesammelt und die taktischen Planungsaufgaben bestimmt werden.

'A: Данные не могут быть централизованы

B: Да нет же, как раз посредством сбора информации о партнерах и определения тактических задач планирования они и могут быть централизованы'

В предложении (3а) модальная частица не может быть использована, поскольку придаточное не является иллокутивно самостоятельным (см. также: (Averina 2015)). В аналогичном по форме придаточном частица допустима, поскольку оно является иллокутивно самостоятельным: посредством интонирования субъонктора и финитной формы глагола кодируется Verumfokus (о данном явлении подробнее см. (Höhle 1988, 1992), в отечественной терминологии – 'верификативная рема' (Янко 2008)), говорящий утверждает истинность своей позиции, в результате чего данное предложение отличает субъективированность изложения; придаточное иллокутивно самостоятельно, модальная частица возможна, а в высказывании находит реализацию внутренняя перспектива говорящего. Аналогичную ситуацию можно проследить и на примере придаточных следствия, где значком / обозначается ударение с повышением голоса, а \ соответственно, с понижением:

(4) *a. [...] die Musik war so laut, dass sie (*ja) niemand hörte* (DECOW 16A).

'Музыка была такая громкая, что ее никто не слышал'

b. A: Wie war es gestern in Greifswald?

B: Am /STADTrand war es \SCHÖN, aber im /ZENtrum war es hektisch und die Musik war /SO laut, dass sie (+ja) sogar \NIEMand hörte

'A: Как было вчера в Грейфсвальде?'

B: На окраине города было здорово, а в центре было суматошно и музыка была

такая громкая, что ее даже ведь никто и не слушал'

В предложении (4а) модальная частица в иллокутивно несамостоятельном придаточном аграмматична; в высказывании (4b) она возможна – говорящий проявляет свою включенность в изложение событий, в иллокутивно самостоятельном придаточном находит отражение фокус контраста (о фокусе контраста см. Vüring 2005).

Как видно из приведенных высказываний, внутренняя перспектива проявляется не только в грамматической характеристике глагола или существительного. Она находит свое выражение на уровне целого высказывания: говорящий представляет события таким образом, как если бы он сам в них участвовал; он «включен» в их изложение, т. е. в момент речи он как бы находится внутри событий (3b и 4b). Иначе воспринимаются высказывания (3а) и (4а) – само описание отличается «невключенностью» говорящего, т. е. объективированностью изложения. В данном случае речь идет о кодировании внешней перспективы.

Маркеры эпистемической модальности способны передавать внутреннюю перспективу пропозиционального субъекта в определенном контекстуальном окружении. Рассмотрим в этой связи примеры:

(5) *Experten gehen davon aus, dass vielleicht die Haarwurzeln zu tief in der Haut liegen* (DECOW 16A).

'Эксперты исходят из того, что возможно корни волос находятся слишком глубоко в коже.'

(6) *Ärztin meinte, dass er wahrscheinlich Antikörper entwickelt hat* [(DECOW 16A).

'Врач думала, что у него вероятно выработались антитела.'

В высказывании (5) модальное слово маркирует предположение не говорящего, а субъекта главного предложения, в роли которого выступает подлежащее *Experten*. Аналогичную ситуацию мы наблюдаем в

следующем предложении (6) – модальное слово *wahrscheinlich* отражает видение ситуации с позиции пропозиционального субъекта. На примере следующих высказываний можно проследить, что модальный маркер в иллокутивно самостоятельном придаточном предложении кодирует установку пропозиционального субъекта:

(7) *Aber am entscheidenden Abend merkt sie, dass sie DOCH eigene Begabungen hat* (DECOW 16A).

'Но в решающий вечер она замечает, что у нее все же есть собственные таланты.'

(8) *Bis Mama plötzlich einfällt, dass sie ja Oma Amerika vergessen haben* (DECOW 16A).

'Пока маме не приходит в голову, что она же ведь забыла бабушку Америку.'

Ударная частица DOCH участвует в создании контраста (Averina 2019b) и может быть причислена к периферии поля модальности (Аверина 2019a). В любом случае, ударные (дискурсивные) и модальные частицы обладают целым рядом общих свойств, когда речь идет об их употреблении в придаточных предложениях (Abraham 2017).

Таким образом, внутренняя перспектива говорящего отражает ситуацию, в которой реальные или воображаемые события переживаются как бы в настоящий момент, когда говорящий находится в их центре и представляет их со своей позиции. Внутренняя перспектива пропозиционального субъекта предполагает такое изложение событий, при котором передается позиция третьего лица, которую говорящий может и не разделять. Внутреннюю перспективу можно рассматривать как неотъемлемое свойство, которыми обладают маркеры, передающие семантику эпистемической модальности и эвиденциальности; внешняя перспектива характерна для показателей алетической модальности. В первом случае речь идет о дейктической модальности (Аверина 2019б).

Модальность можно отнести к дейктичным категориям на том основании, что в случае с модальным дейксисом имеет место указание на фактичность/нефактичность ситуации. Так, предложение

(9) *a. Она сейчас занята*

является фактичным, или истинным.

Напротив, предложение

b. Возможно, она сейчас занята

является нефактичным, т. е. подвергается сомнению.

Ситуация, о которой говорит Ориго, может быть как истинной, фактичной как в (9a), так и неистинной, или нефактичной как в (9b). Согласно Г. Дивальд, фактичность – это нахождение на той же самой степени истинности, что и Ориго, нефактичность – это нахождение на иной ступени действительности, чем Ориго (Diewald 1991, с. 242). Соответственно, фактичные предложения типа (9a) лишены дейктической модальности, а нефактичные типа (9b), напротив, обладают ею.

По справедливому замечанию М.Л. Котина, дейктичность – это переход от номинации к грамматической категоризации (Kotina 2007, с. 251). Этот переход удается показать Г. Дивальд (Diewald 1991): для оценки лексического / грамматического статуса языковых единиц она проводит разделение дейктиков на сильные и слабые. Так, грамматические элементы языковой системы, как слабые дейктики, не могут иметь дейктичный объект, т. е. объект, на который они указывают, а лексические единицы, как сильные дейктики, напротив, могут. Разницу между лексическими и грамматическими компонентами языковой системы Г. Дивальд демонстрирует на следующих примерах:

(10) *Wann wart ihr in der Ausstellung? - Gestern.*

'Когда Вы были на выставке? - Вчера'

(11) *Sie besuchten die Ausstellung* (Diewald 1991, с. 84).

'Они посетили выставку'

В первом случае слово *gestern* / *вчера* выступает в роли обстоятельства с темпоральной семантикой, и его можно рассматривать как сильный дейктик. Само дейктичное слово указывает на некий реферируемый объект. Референт, в роли которого выступает временной отрезок, локализован вовне и исключает Ориго. Речь идет о лексическом компоненте языковой системы. Во втором случае объект дейксиса, на который указывает Ориго, не является автономным – это грамматический компонент языковой системы. Только к сильным дейктикам можно задать вопрос, к слабым дейктикам вопрос задать невозможно (Там же).

Как и в случае с темпоральным дейксисом, некоторые виды модальных дейктиков могут быть сильными (как, например, модальное слово *vielleicht* 'возможно', способное выступать в роли дейктичного объекта), другие, наоборот, являются слабыми, сравним:

(12) а. *Hu что/ кстати/ не самое плохое место. Возможно* (НКРЯ).

б. *Hu что/ кстати/ не самое плохое место. *Ведь*.

(13) а. *Welches Verhalten bewährt sich im Berufsalltag? Ja, Nein, vielleicht?* (DECOW 16A)

'Какое поведение оправдывает себя в повседневных рабочих буднях? Возможно да-нет?'

*б. *Welches Verhalten bewährt sich im Berufsalltag? Ja, Nein ja*

Ориго (Говорящий) может указывать не только на нефактичность ситуации, но и на источник информации (*Очевидно, что...; говорят, что ...* и т. д.), в этом случае в роли Ориго может выступать как говорящий, так и некое третье лицо. Последнее зачастую влечет за собой сомнение говорящего в истинности и правдоподобности того или иного факта, например:

(14) а. *Солдатики беззлобно подиучивали: допоздна, дескать, принимал библиотеку, устал, укатался, бедняга* (НКРЯ),

где источник информации – субъект предложения (*солдатики*), частица *дескать* позволяет говорящему указать на недостоверность информации (из контекста следует, что главное действующее лицо иронизирует над собой, поскольку устал он не от работы и чувствует себя разбитым по иным причинам). Приведенный пример демонстрирует реализацию двуплановой дейктичности (указание на источник информации + указание на нефактичность ситуации).

Свойство дейктичности характерно как для лексических, так и для грамматических компонентов языковой системы, на что справедливо указывает Ю.Д. Апресян (Апресян 1995). Двуплановая дейктичность может быть интерпретирована как признак, на основании которого можно судить о принадлежности элемента к системе грамматики, поскольку она (1) имеет контекстуальную обусловленность (интерпретация семантики грамматических единиц возможна только в контекстуальном окружении, см. (Lehmann 1995)) и (2) не может выступать в самостоятельном, внеконтекстном употреблении. Так, в предложении с частицей *дескать* при неопределенном источнике информации степень сомнения говорящего значительно снижается, как это можно увидеть на примере (14b), а сама по себе частица не может образовывать предложение, что свидетельствует о ее контекстуальной связанности:

(14) б. *По городу нынче гуляет шутка: дескать, пора заменить мебель в зале заседаний Ковровского горсовета на простые нары* (НКРЯ).

Основное отличие лексики от грамматики состоит не только в том, что «грамматика имеет дело с общими фактами языка, а лексикология – с единичными» (Есперсен 2002, с. 31), а еще и в том, что лексические единицы служат для называния явлений мира, в то время как грамматические определяют их

положение в системе координат с позиции Ориго, а система координат может быть выстроена только применительно к конкретному высказыванию (Leiss 2011, с. 153). Двуплановые дейктики всегда неподчинимы – они не могут быть использованы в иллокутивно несамостоятельном придаточном:

(14) *с. Он сожалеет, что, *дескать, пора заменить мебель в зале заседаний Ковровского горсовета на простые нары,* где фактивность предиката в главном предложении исключает возможность использования частицы в придаточном.

Остановимся подробнее на вопросе о типах модальных значений, которые можно рассматривать как дейктические. Модальность трактуется нами как категория, которая отражает «преломление отрезка действительности через сознание говорящего» (Гак 1986, с. 113), модальность может быть внутренней, когда говорящий /действующее лицо оценивает объективную возможность существования ситуации, и внешней, связывающей пропозицию с говорящим и отражая его отношение к происходящему. К внутренней можно отнести «онтологическую возможность» (термин см. (Булыгина, Шмелев 1997, с. 210)), или потенциальность, речь идет о модализованной пропозиции. Так, предложение

(15) *В юности он мог не спать сутки подряд* (Булыгина, Шмелев 1997, с. 211)

содержит информацию о возможности, которая реально имела место. В зарубежном языкознании для обозначения онтологической возможности используется термин 'деонтическая модальность', к ней зачастую причисляют алетические значения (Diewald 1999; Abraham 2009); М.Л. Котин вводит термин 'верисимильная модальность' (Kotin 2012) с тем, чтобы отграничить этот вид модальности от других. Отличительным свойством показателей верисимильной модальности, или онтологической возможности, является их способность присоединяться к пропозиции и

участвовать в речевых актах различных типов: сообщениях, вопросах, пожеланиях и т. п. (Гак 1986, с. 211). Онтологическая возможность – это объективно установленная потенциальность, когда пропозиция приобретает статус модализованной (модализованная пропозиция см. (Там же)).

К внешней модальности относится эпистемическая, в ее семантике содержится оценка говорящим степени вероятности того или иного факта (Аверина 2010), «она не существует вне конкретного высказывания, она неразрывно связана со знаниями говорящего (нет оснований высказывать гипотезу о ситуации, о которой есть достоверные сведения)» (Шмелев 2012, с. 607) и отличается тем, что придает высказыванию внутреннюю перспективу. Существенное отличие эпистемической модальности от онтологической возможности Т.В. Булыгина и А.Д. Шмелев видят в том, что эпистемическая модальность маркирует возможность, привязанную к моменту речи: «сама проблематичность «имеет место» в тот момент, когда делается соответствующее высказывание», а показатели эпистемической модальности, присоединяясь к пропозиции, дают в результате не новую пропозицию, а предположение (Булыгина, Шмелев 1997, с. 211). В данной статье для обозначения онтологической возможности мы оперируем термином 'алетическая модальность'. В целом ряде случаев довольно сложно отделить алетическую модальность от эпистемической – пограничные случаи наглядно демонстрирует М. Хундт на следующем примере:

(16) *Möglicherweise regnet es heute* (Hundt 2003, с. 352).

'Сегодня возможен дождь'

С одной стороны, в (16) речь может идти об объективно существующей возможности того, что пойдет дождь, что и утверждает говорящий. С другой стороны, не исключено и предположение говорящего, т. е. в этом случае можно

говорить о существовании нефактической ситуации. В русском языке в некоторых случаях также сложно отделить алетическую модальность от эпистемической. Это можно проследить на примере Т.В. Булыгиной и А.Д. Шмелева:

(17) *Он мог ехать по льготному билету в любой конец страны* (Булыгина, Шмелев 1997, с. 217).

Таким образом, мы исходим из того, что эпистемическую модальность (внешнюю модальность) можно трактовать как дейктическую модальность, а алетическую модальность – как недейктическую модальность. Дейктическая модальность – это оценка фактичности ситуации с позиции Ориго. Недейктическая модальность не содержит оценок степени вероятности с позиции Ориго, а констатирует объективную возможность/невозможность существования факта. Дейктическая модальность отражает внутреннюю перспективу говорящего / пропозиционального субъекта, т. е. содержит оценку говорящим/ пропозициональным субъектом нефактичности ситуации, алетическая модальность – внешнюю перспективу. По всей видимости, можно проследить взаимосвязь между синтаксической неподчинимостью и типом перспективы. Модальная семантика, передаваемая модальными глаголами, модальными словами и модальными частицами в немецком языке, зависит нередко от контекстуального окружения: маркеры, способные передавать внутреннюю перспективу пропозиционального субъекта, проявляют свойство «переходности», т. е. в одном контекстуальном окружении кодируют эпистемическую модальность, в другом – алетическую. Остановимся на этом вопросе подробнее.

Модальные слова типа *vielleicht*, *wahrscheinlich*, *offensichtlich*, *angeblich*, *möglicherweise*, *vermutlich*, *augenscheinlich* не способны, по мнению Э. Лайсс, кодировать и эпистемическую модальность, и эвиденциальность. Они либо выражают предположение (*vielleicht*,

vermutlich), либо указывают на источник сообщаемой информации (*angeblich*, *augenscheinlich*). Например, модальное слово *offensichtlich* указывает только на источник информации и не дает ее эпистемической оценки. Модальное слово *vielleicht* дает эпистемическую оценку информации с позиции говорящего без указания на ее источник. Как пишет Э. Лайсс, эти маркеры кодируют простой дейксис, их можно рассматривать как элементы грамматического строя, но грамматическое значение представлено в виде лексического концепта (т. е. грамматическая семантика представлена в виде лексического значения) (Leiss 2011). Это влияет и на их способность выступать в роли самостоятельного ответа на вопрос, и на то, что их значение может получить интерпретацию и вне контекста:

(18) *Eine Binsenweisheit? Ja, vielleicht* (DECOW 16A)

'Банальность? Да, возможно'

(19) *Das ist doch davon völlig unabhängig - oder versteh ich was falsch? Ja, offensichtlich* (DECOW 16A).

'От этого ничего не зависит – или я это неправильно понимаю? Да, очевидно'

Анализ корпусных данных показывает, что для модальных слов нехарактерно использование в иллокутивно несамостоятельных придаточных предложениях, однако единичные случаи все же имеют место. Мы полагаем, что это возможно по двум причинам: (1) модальные слова способны сужать свой скопус, или сферу действия – она распространяется не на все высказывание в целом, а лишь на какую-то одну его часть; (2) в некоторых случаях модальные слова могут маркировать не предположение Ориго, а его знание о некой объективно существующей возможности, как это можно проследить на примере (20a):

(20) а. *Ich weiß inzwischen, dass uns wahrscheinlich niemand helfen wird [...]* (DECOW 16A).

'Между тем я знаю, что нам вряд ли может кто-нибудь помочь' (=как одна из существующих в объективной действительности альтернатив)

В высказывании (20b) модальное слово *wahrscheinlich*, использованное в иллокутивно несамостоятельном придаточном, относится не ко всему предложению в целом, а к местоимению *niemand*. В предложении передается эпистемическая установка говорящего:

(20) b. *Ich bedauere sehr, dass uns wahrscheinlich niemand helfen wird.*

'Я очень сожалею, что нам уже возможно никто не поможет'

Способность модальных слов сужать свой скопус является причиной того, что в некоторых случаях они могут быть использованы в придаточных объектных при фактивном предикате в главном предложении. Модальные слова в немецком языке можно рассматривать как лексические средства выражения эпистемической модальности, поскольку они способны образовывать самостоятельное предложение, кодировать внешнюю или внутреннюю перспективу и могут быть интерпретированы вне контекста.

Иначе функционируют модальные глаголы немецкого языка во вторичном значении. В отечественном языкознании имеют место наблюдения о пересечении нескольких модальных значений в случае их использования для выражения оценки вероятности (Боднарук 2019). Остановимся на двух глаголах немецкого языка – *müssen* и *sollen*. Их первичное значение – выражение долженствования. Вторичное значение – это эпистемическое и эвиденциальное. Сам по себе статус категории эвиденциальности относительно модальных значений до конца не определен (Плунгян 2000). Эвиденциальность – указание на источник, из которого может быть получена информация, включает в себя пересказывательные, инференциальные и адмиративные значения (Козинцева 2000, с. 227–228). Согласно Э. Лайсс, эвиденциальность и

эпистемичность, кодированные на лексическом уровне, различны в функциональном отношении; их кодировка на грамматическом уровне позволяет интерпретировать названные категории как функциональные эквиваленты (Leiss 2011, с. 160-162). Соответственно, маркеры эвиденциальности в ряде случаев тоже могут быть интерпретированы как составляющие дейктической модальности. Э. Лайсс демонстрирует на следующих примерах двуплановый дейксис, который проявляется в системе функционирования модальных глаголов во вторичном значении:

(21) *Ole soll in Hannover einen guten Vortrag gehalten haben.*

'Говорят, Оле прочитал в Ганновере хороший доклад'

(22) *Ole muss in Hannover einen guten Vortrag gehalten haben.*

'Оле, должно быть, прочитал в Ганновере хороший доклад'

Уникальность модальных глаголов в немецком языке, употребленных во вторичном значении, заключается в том, что в предложениях с ними Ориго разделяется на Ориго-Говорящего и Ориго-Наблюдателя. При этом источник информации локализован у Ориго-Наблюдателя, в то время как оценка информации – у Ориго-Говорящего. Соответственно, приведенные с модальными глаголами примеры получают у Э. Лайсс следующую интерпретацию: в предложении (21) в качестве источника информации выступает некое третье лицо (иллокутивный субъект как неопределенный источник информации). При оценке истинности говорящий ссылается на этот источник, передается средняя степень вероятности. В случае с глаголом *müssen* (22) сам говорящий выступает в роли источника информации. Это влияет на степень вероятности: она высокая (Leiss 2011, с. 160-162). По нашим наблюдениям, в предложениях с модальным глаголом *sollen*, использованном во вторичном

значении, в определенном контекстуальном окружении может передаваться высокая степень сомнения. Это можно проследить на примере отрывка из романа П. Зюскинда «Парфюмер»: один из героев произведения, разочарованный своим неудачами на старости лет, подвергает критике всю эпоху, в которой он живет, показывая тем самым, что все, что сейчас в настоящее время происходит, лишено разумного начала, грешно, нелепо и плохо. Это внутренняя речь персонажа, в которой модальный глагол *sollen* позволяет автору нарисовать образ брюзгливого потерпевшего поражение парфюмера, не имеющего никаких шансов на успех в современном мире. Скептицизм, который просматривается в его речи, подчеркивается большим количеством оценочной лексики (*geschnüffelt*, *herumexperimentiert*, *lächerlich* и т. д.):

(23) *Das Unglück des Menschen rührt daher, dass er nicht still in seinem Zimmer bleiben will, dort, wo er hingehört. Sagt Pascal. Aber Pascal war ein großer Mann gewesen, ein Frangipani des Geistes, ein Handwerker recht eigentlich, und ein solcher ist heute nicht mehr gefragt. Jetzt lesen sie aufwieglerische Bücher von Hugenotten oder Engländern. Oder sie schreiben Traktate oder sogenannte wissenschaftliche Großwerke, in denen sie alles und jedes in Frage stellen. Nichts mehr soll stimmen, alles soll jetzt plötzlich anders sein. In einem Glas Wassers sollen neuerdings ganz kleine Tierchen schwimmen, die man früher nicht gesehen hat; die Syphilis soll eine ganz normale Krankheit sein und keine Strafe Gottes mehr; Gott soll die Welt nicht an sieben Tagen erschaffen haben, sondern in Jahrmillionen, wenn er es überhaupt war; die Wilden sind Menschen wie wir; unsere Kinder erziehen wir falsch; und die Erde ist nicht mehr rund wie bisher, sondern oben und unten platt wie eine Melone - als ob es darauf ankäme! In jedem Bereich wird gefragt und gebohrt und geforscht und geschnüffelt und herum experimentiert (P. Süskind. Das Parfum).*

'Все несчастья человека происходят оттого, что он не желает спокойно сидеть у себя дома – там, где ему положено. Так говорит Паскаль. Но Паскаль был великий человек, Франжипани духа, собственно, мастер в своем ремесле, а на таких нынче спроса нет. Теперь они читают подстрекательские книги гугенотов или англичан. Или пишут трактаты, или так называемые великие научные сочинения, в коих все и вся ставится под вопрос. Будто бы нет больше ничего достоверного, и все вдруг изменилось. В стакане воды, дескать, плавают малюсенькие зверушки, которых раньше никто не видел; сифилис теперь вроде бы нормальная болезнь, а не божья кара; Господь, мол, создал мир не за семь дней, а за миллионы лет, если это вообще был Господь; дикари такие же люди, как мы; детей мы воспитываем неправильно; земля больше не круглая, как была до сих пор, а сплюснутая сверху и снизу, наподобие дыни – как будто в этом дело! Все кому не лень задают вопросы, и роют, и исследуют, и вынюхивают, и над чем только не экспериментируют' (П. Зюскинд. Парфюмер. Пер. Э.В. Венгеровой).

Конструкция *sollen* + *Infinitiv*, многократно использованная во вторичном значении в приведенном фрагменте, маркирует многоплановую дейктичность: (1) указание Ориго-Наблюдателя (в его роли выступает Балдини как персонаж) на источник информации (*sie*); (2) сомнение Ориго-Наблюдателя в истинности информации. К двум существующим планам можно добавить еще один скрытый план – сомнение повествователя в фактичности отображенных в представлении персонажа явлений реальной действительности.

Многоплановая дейктичность, проявляющаяся в системе функционирования модальных глаголов во вторичном значении, находит свое отражение и в том, что они не могут быть использованы в этом значении в иллюкутивно несамостоятельных придаточных, как это

демонстрирует В. Абрахам на следующих примерах:

(24) (a) *Er meint_{-faktiv} [dass ein Komet ja kommen muss /müsse/soll/sole/mag/möge]* Assertion

(b) *Er bedauert_{+faktiv} [dass ein K. *ja kommen muss /*müsse/soll/*sole/mag/*möge]* Präsupposition (Abraham 2013, с. 35).

В иллокутивно самостоятельном придаточном в (24a) допустимы модальные частицы, модальные глаголы во вторичном значении, а также форма Konjunktiv, посредством которой кодируется некоторая дистанцированность говорящего. В иллокутивно несамостоятельном предложении ни модальные глаголы во вторичном значении, ни модальные частицы, ни создающий дистанцию Konjunktiv невозможны (24b).

Таким образом, модальные глаголы немецкого языка во вторичном значении можно отнести к грамматическим компонентам языковой системы: они обладают двуплановым дейксисом. Это влияет, в свою очередь, и на их синтаксическую неподчинимость: они могут быть использованы в придаточном предложении, но теряют вторичное значение и выступают уже в ином модальном значении, кодируя внешнюю перспективу.

Модальные частицы в немецком языке обладают, по мнению В. Абрахама (Abraham 2011), трехплановым дейксисом, но эта дейктичность носит несколько иной характер. Ее основанием служит общее знание (в английской терминологии – Common Ground). Многоплановая дейктичность проявляется в следующем: (1) говорящий оценивает информированность собеседника, (2) дает ему об этом знать и (3) провоцирует его к реакции на высказанное (Abraham 2011, с. 140). Так, в следующем примере

(25) *Haider ist ja betrunken gewesen*
'Хайдер же был пьян'

говорящий оценивает общее знание с адресатом, указывает ему на это знание и призывает его к пересмотру своей

позиции. Дейктичность, выраженная модальными частицами, имеет иной характер, чем в случае с модальными глаголами и модальными словами: они служат для осуществления осциллирующей коммуникации между говорящим и собеседником (в терминологии В. Абрахама – 'eine oszillierende Kommunikation') (Там же). Соответственно, как грамматикализованные элементы языковой системы модальные частицы не могут иметь место в иллокутивно несамостоятельных придаточных предложениях (Thurmair 1989), (Coniglio 2011), (Averina 2015).

(26) a. *Es kam mir zum Bewusstsein, dass ja Karneval war* (DECOW 16A).

'Мне пришло на ум, что ведь был карнавал'

b. *Er bedauerte, dass (*ja) Karneval war.*

'Я сожалел, что был карнавал'

В примере (26a) модальная частица *ja* допустима, поскольку придаточное предложение иллокутивно самостоятельно, в примере (26b) эта частица не может быть включена, поскольку придаточное является иллокутивно несамостоятельным. Аналогичные свойства можно проследить и в случае с ударными частицами (Аверина 2018). В исключительных случаях можно говорить об использовании модальных частиц в темпоральных и условных придаточных – как правило, это становится возможным в результате возникновения модальной рамки высказывания (Averina 2019a).

Таким образом, анализ фактического материала показал, что модальные слова в немецком языке могут передавать значения эпистемической и алетической модальности, способны кодировать внешнюю и внутреннюю перспективу и обладают одноплановым дейксисом. Их можно рассматривать как лексические единицы. Модальные глаголы *sollen* и *müssen* во вторичном значении и модальные частицы обладают многоплановой дейктичностью. Их семантика может быть определена только по

контексту, они синтаксически неподчинимы и несут эпистемическое значение в сочетании с эвиденциальным, что в совокупности позволяет говорить об их принадлежности к системе грамматики. Специфика модальных частиц состоит в том, что они всегда предполагают адресованность к собеседнику. Несколько иначе выстроена система выражения модальных значений в русском языке.

Модальные слова с семантикой эпистемической модальности (например, *конечно, несомненно, безусловно, разумеется, само собой разумеется, бесспорно, действительно, наверное, возможно, верно, вероятно* и т. д.) служат для оценки степени вероятности происходящего и могут выступать в самостоятельном употреблении (28), что позволяет рассматривать их как лексические единицы:

(27) а. Он, **вероятно**, и **станет** спикером новой Думы (НКРЯ).

(28) **Жалеете**, что их уже нет? – **Конечно** (НКРЯ).

Модальные слова в русском языке, как правило, не могут иметь места в иллокутивно несамостоятельных предложениях (29b) и способны передавать внутреннюю перспективу пропозиционального субъекта (29a), сравним:

(29) а. Сначала **написал** об обстоятельствах находки и затем о том, что, **конечно, находка (+несомненно, +безусловно, +разумеется, +действительно, +навверное, +возможно, +верно, +вероятно)** уникальна, ничего подобного ни в Казахстане, ни в Средней Азии никогда ещё обнаружено не было (НКРЯ).

б. Сначала он **сожалел**, что (***конечно, *несомненно, *безусловно, *разумеется, *действительно, *навверное, *возможно, *верно, *вероятно**) находка уникальна, ничего подобного ни в Казахстане, ни в Средней Азии никогда ещё обнаружено не было.

Включение модальных слов в иллокутивно несамостоятельное придаточное сближает эпистемическое значение с алетическим:

(27) б. *Маша сожалеет, что он, **возможно**, **станет** (= может стать) спикером новой Думы.*

Модальные глаголы русского языка *мочь, хотеть, уметь* выступают, как правило, для выражения волюнтаривной и деонтической модальности. Прилагательное *должен* может использоваться в двух значениях: (1) для выражения долженствования, когда кто-либо имеет какое-либо обязательство, как в примере (30), и (2) для выражения предположения, причем пропозициональный субъект уверен в своей правоте, как в (31а):

(30) *Куда ты собрался ехать? Ты **должен быть** здесь* (НКРЯ).

(31) а. *Прискакавший егерь уверяет, что Абдаллах бросился в ров и **должен быть** здесь недалеко* (НКРЯ).

Для выражения эпистемической модальности может быть использован и глагольное сочетание *может быть*, имеющее статус вводного слова, например:

(32) ***Может быть**, актеры создают это притяжение* (НКРЯ).

В отличие от модальных глаголов в немецком языке, модальные глаголы в русском не могут маркировать 3-е лицо как источник информации, хотя передача позиции 3-го лица возможна, если они использованы в объектных придаточных, как это видно из примера (31а).

При использовании предикатива *должен* в иллокутивно несамостоятельном придаточном предложении передается семантика не эпистемической, а алетической модальности:

(31) б. *Он ошибается, что Абдаллах бросился в ров и **должен быть** здесь недалеко (= есть потенциальная возможность, что он здесь).*

Особого внимания заслуживают частицы в русском языке. В русской грамматике их принято делить на первообразные и непервообразные. К первообразным относятся простые односложные частицы, в современном языке не имеющие живых словообразовательных связей и формальных

соотношений со словами других классов (Русская грамматика 1980, с. 722). Среди первообразных частиц есть такие, которые можно по кодировке дейктических отношений сопоставить с модальным глаголом *sollen* в немецком языке – это частицы *дескать*, *де*, *мол*, *якобы*:

(34) *Сейчас в моде стали жалобы: ах, как изменилось время! Какое оно, дескать, жёсткое и быстрое!* (НКРЯ).

В предложении с частицей *дескать* Ориго расщепляется на Ориго как иллокутивный субъект (третье лицо) и Ориго-Говорящего. В роли источника информации выступает иллокутивный субъект, говорящий же воспринимает эту информацию скептически. Степень вероятности можно охарактеризовать как низкую.

(35) *Муковский сразу же согласился и сказал, что, мол, инструмента сейчас нет, но это не проблема, он его возьмёт в прокате* (НКРЯ).

В приведенном примере, содержащем частицу *мол*, в роли источника информации выступает пропозициональный субъект. Говорящий при этом дистанцируется и показывает, что данная ситуация имеет место только со слов этого субъекта, т. е. выражена определенная доля сомнения.

(36) *Потом будет трепаться на каждом углу, что он-де спас Нахпетова от верной смерти* (НКРЯ).

В приведенном фрагменте частица *де* прикрепляется к местоимению третьего лица и показывает, что пропозициональный субъект выступает в роли источника информации, при этом говорящий точно знает, что это не так. Соответственно, степень вероятности оценивается как очень низкая.

Аналогично функционирует и частица *якобы*: в предложениях с определенным иллокутивным субъектом степень вероятности низкая, с неопределенным – средняя:

(37) *На отказ от предлагаемого гражданства чиновник-француз якобы*

сказал Георгию Иванову: "Я вас понимаю и уважаю" (НКРЯ).

(38) *Подробностей не было, списков погибших не было, но кто-то якобы видел, как был убит Фома при перестрелке* (НКРЯ).

Модальные частицы русского языка *дескать*, *де*, *мол*, *якобы*, в семантике которых имеет место указание на источник информации, не могут быть употреблены в иллокутивно несамостоятельных придаточных предложениях:

(39) а. *Причем сообщается, что якобы это очень выгодно* (НКРЯ).

*б. *Он врёт, что это якобы очень выгодно*.

Таким образом, по дейктичности частицы *якобы*, *дескать*, *де* и *мол* в русском языке сопоставимы с модальными глаголами во вторичном значении в немецком языке. Они не могут образовывать самостоятельное предложение и выступать в роли объекта, на который указывает Ориго. Частицы выступают в связанном употреблении, указывают на источник информации и одновременно позволяют оценить степень вероятности, которая зависит от определенности иллокутивного субъекта. Соответственно, это позволяет говорить о том, что русские частицы относятся к грамматической системе.

Несколько иного плана дейктичность русских частиц *ведь* и *же*. Они обладают теми же самыми свойствами, что и частицы *ja* и *doch* в немецком языке в смысле осциллирующей коммуникации по В. Абрахаму (Abraham 2011): говорящий оценивает информированность собеседника, дает ему об этом знать и провоцирует к реакции на сказанное. Как правило, цель говорящего – убедить собеседника в своей правоте, сравним:

(40) [...] *было нелегко, но ведь это как раз то, что нужно* (НКРЯ).

(41) *Мы же договорились: все чётные твои, а нечётные мои!* (НКРЯ).

Иллокутивно самостоятельные придаточные в немецком и русском языках допускают включение модальных частиц

(Averina 2015), причем если в роли пропозиционального субъекта выступает 3-е лицо, то говорящий все равно разделяет его позицию; в иллюкутивно несамостоятельных придаточных модальные частицы не могут быть использованы:

(42) а. [...] она и не помнит, что *ведь* хлеб-то у нее [...] (НКРЯ).

б. она сожалеет, что (**ведь*) хлеб-то у нее.

Сделанные наблюдения позволяют заключить, что модальные частицы *ведь* и *же* обладают многоплановой дейктичностью, проявляющейся в том, что в процесс коммуникации вовлекается собеседник, а сама коммуникация

базируется на некотором общем знании, которым располагают ее участники. Как и модальные глаголы немецкого языка, они передают внутреннюю перспективу говорящего.

Функциональная эквивалентность рассмотренных в нашей работе средств выражения модальных значений по способности кодировать внутреннюю/внешнюю перспективу и по дейктичности представлена в таблице 1:

Таблица 1

Эквивалентность модальных маркеров по дейктичности и способности кодировать внешнюю/внутреннюю перспективу.

Table 1

Equivalence of modal markers in deicticity and ability to encode external / internal perspective

Лексические средства выражения модальности: внешняя перспектива / внутренняя перспектива - одноплановый дейксис	
Русский язык	Немецкий язык
<ul style="list-style-type: none"> модальные слова с эпистемической семантикой <i>конечно, несомненно, безусловно, разумеется, само собой разумеется, бесспорно, действительно, наверно, возможно, верно, вероятно</i> модальные слова с эвиденциальной семантикой <i>очевидно, видимо</i> 	<ul style="list-style-type: none"> модальные слова с эпистемической семантикой <i>vielleicht, wahrscheinlich, vermutlich, sicherlich, zweifelhaft, zweifellos</i> модальные слова с эвиденциальной семантикой <i>offensichtlich, angeblich, augenscheinlich</i>
Грамматические средства выражения модальности: внутренняя перспектива - двухплановый дейксис	
Русский язык	Немецкий язык
<i>дескать, де, мол, якобы</i> – указание на источник информации + степень вероятности (зависит от определенности источника информации)	<ul style="list-style-type: none"> модальный глагол <i>sollen</i> во вторичном значении – указание на неопределенный субъект как источник информации + средняя/низкая степень вероятности (зависит от контекста) модальный глагол <i>müssen</i> во вторичном значении – высокая степень вероятности + указание на говорящего как источник информации
Грамматические средства выражения модальности: внутренняя перспектива - трехплановый дейксис	
Русский язык	Немецкий язык
<i>ведь, же</i>	<i>ja, doch</i>

Существуют и другие способы выражения эвиденциальности, например, сложноподчиненные предложения с придаточным объектным. Эвиденциальность может быть представлена как дискурсивная категория (Кострова 2017: 21), обозначая «отношение между лицом-источником информации, фактом ее сообщения, направлением информационного потока и эвидентностью содержания» (Там же). Это относится к теме отдельного исследования, выходящего за рамки данной работы.

Заключение (Conclusion)

Анализ грамматических свойств модальных глаголов, модальных частиц и модальных слов в немецком и русском языках позволил увидеть следующее:

1. Феномен синтаксической неподчинимости связан с дейктичностью, а дейктичность – с грамматикализацией языковых элементов, но сама неподчинимость не является критерием, позволяющим отнести языковые элементы к системе грамматики. Критерием отнесенности модальных компонентов к грамматике может выступать многоплановая дейктичность и связанная с этим способность всегда кодировать внутреннюю перспективу; к этому добавляется контекстуальная обусловленность и невозможность выступать в самостоятельном, внеконтекстном употреблении.

2. Модальные частицы и модальные глаголы немецкого языка во вторичном значении кодируют внутреннюю перспективу говорящего и передают эпистемическую семантику в сочетании с эвиденциальной. Модальные слова можно отнести к маркерам эпистемической или эвиденциальной семантики, в ряде случаев эпистемическая семантика сближается с алетической. В русском языке модальные слова и модальные частицы маркируют, как правило, эпистемические и/или эвиденциальные значения.

3. Тип модального значения позволяет определить, относится ли тот или иной

показатель к феноменам главного предложения. Можно говорить о существовании следующих корреляций: *внутренняя перспектива: синтаксическая неподчинимость: дейктичность: эпистемичность* и *внешняя перспектива: алетическая модальность: недейктичность*. Лексические модальные маркеры могут передавать внутреннюю или внешнюю перспективу, тип перспективы определяет контекстуальное окружение. Грамматические модальные маркеры обладают многоплановой дейктичностью и отражают внутреннюю перспективу говорящего.

В целом можно заключить, что эпистемическую модальность отличает от алетической вид перспективы: в первом случае находит выражение внутренняя перспектива говорящего / пропозиционального субъекта; во втором – внешняя перспектива. Синтаксическую неподчинимость, т. е. неспособность модальных маркеров иметь место в иллокутивно несамостоятельных придаточных, имеет смысл интерпретировать как индикатор внутренней перспективы и, соответственно, дейктичности. Многоплановая дейктичность, присущая модальным глаголам в немецком языке и модальным частицам в немецком и русском языках, является одновременно показателем их принадлежности к системе грамматики; одноплановая дейктичность, характерная для русских модальных глаголов и модальных слов в русском и немецком языках, проявляется в характерной для них способности кодировать внутреннюю или внешнюю перспективу и позволяет рассматривать их как компоненты лексического состава. Лексические модальные маркеры способны обозначать ситуацию, в которой эпистемическая семантика сближается с алетической. Требуется более глубокое исследование вопроса об использовании модальных слов в различных видах придаточных предложений. В любом случае, анализ модальных слов,

модальных частиц и модальных глаголов во вторичном значении в немецком и русском языках с позиции внешней и внутренней перспективы позволил увидеть глубинные смыслы, заложенные в предложениях с этими словами. Важно было выявить общие для обоих языков закономерности, отражающие принцип синтаксической неподчинимости.

Список литературы

- Аверина А.В. Эпистемическая модальность как языковой феномен (на материале немецкого языка). М.: КРАСАНД, 2010. 192 с.
- Аверина А.В. Ударные частицы в придаточных предложениях немецкого языка (на примере ударных частиц JA и DOCH) // Вестник Томского государственного университета. Филология. № 52, 2018. С. 5–17.
- Аверина А.В. Синтаксически неподчинимые конструкции в немецком языке // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. Вып. 1 (817), 2019а. С. 13–28.
- Аверина А.В. Дейктивность эпистемических маркеров в немецком языке // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2019б. № 59. С. 5–18.
- Апресян Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира. Избранные труды. В 2-х томах. М.: Языки русской культуры, 1995. С. 629–650.
- Боднарук Е.В. Модальные глаголы: между модальностью, эвиденциальностью и темпоральностью (на материале современного немецкого языка) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2019. № 59. С. 19–34.
- Булгына Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Языки русской культуры, 1997. 545 с.
- Бюлер К. Теория языка. М.: Прогресс, 2000. (1934). 528 с.
- Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. Синтаксис. Учебное пособие для институтов и факультетов иностранных языков. 2-е изд., исправ. и доп. М.: Высшая школа, 1986. 408 с.
- Есперсен О. Философия грамматики. Изд. 2-е, стереотип. М.: УРСС, 2002 (1924). 408 с.
- Козинцева Н.А. К вопросу о категории засвидетельствованности в русском языке: косвенный источник информации. Проблемы функциональной грамматики. Категории морфологии и синтаксиса в высказывании. СПб.: Наука, 2000. С. 226–240.
- Кострова О.А. Эвиденциальные смыслы в пересказываемой художественной речи // Вопросы когнитивной лингвистики, 2017, № 1 (50). С. 14–23.
- Падучева Е.В. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. 2-е изд., испр. и доп. М.: Языки славянской культуры, 2010. 479 с.
- Падучева Е.В. Модальность. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru/>). На правах рукописи. М., 2016.
- Плунгян В.А. Общая морфология: введение в проблематику. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 384 с.
- Русская грамматика. Т. 1. М.: Наука, 1980. 792 с.
- Шмелев А.Д. Модальность, контроль и вид: точки взаимодействия (русское слово нельзя в сочетании с инфинитивом). От значения к форме, от формы к значению. Сб. Статей в честь 80-летия члена корреспондента РАН А.В. Бондарко. М.: Языки славянских культур, 2012. С. 607–616.
- Янко Т.Е. Интонационные стратегии русской речи в сопоставительном аспекте. М.: Языки славянских культур, 2008. 312 с.
- Abraham W. Die Urmasse von Modalität und ihre Ausgliederung. Modalität anhand von Modalverben, Modalpartikel und Modus. Was ist das Gemeinsame, was das Trennende, und was steckt dahinter? // Modalität. Epistemik und Evidentialität bei Modalverb, Adverb, Modalpartikel und Modus. Tübingen: Stauffenburg Verlag, 2009. С. 251–302.
- Abraham W. Über Unhintergebarkeiten in der modernen Modalitätsforschung // Modalität und Evidentialität. Trier: Focus, 2011. С. 125–147.
- Abraham W. Zur grammatischen Grundlegung von Modalität // Funktionen von Modalität. Berlin: de Gruyter, 2013. S. 25–76.
- Abraham W. Modal particles and Verum focus. New corollaries // Pragmatic Markers, Discourse Markers and Modal Particles. Amsterdam: John Benjamins, 2017. S. 171–202.

Averina A. Partikeln im komplexen Satz. Mechanismen der Lizenzierung von Modalpartikeln in Nebensätzen und Faktoren ihrer Verwendung in komplexen Sätzen. Am Beispiel der Modalpartikeln ja, doch und denn im Deutschen und ved', že und vot im Russischen. Peter Lang: Frankfurt am Main, 2015. 242 S.

Averina A. Modalpartikeln im Deutschen als Komponenten eines modal-bewertenden Rahmens // Lebende Sprachen 64(1), 2019a. Berlin: De Gruyter. S. 140–154.

Averina A. Betonte Partikeln JA, DOCH, SCHON und EH im Deutschen und ihre Äquivalente im Russischen // Wortschätze und Sprachwelten. Beiträge zu Sprachtypologie, kontrastiver Wort- bzw. Wortschatzforschung und Pragmatik. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2019b. S. 181–196.

Büring D. Intonation und Informationsstruktur // Text-Verstehen. Grammatik und darüber hinaus. Berlin: de Gruyter, 2005. S. 144–163.

Coniglio M. Die Syntax der deutschen Modalpartikeln. Ihre Distribution und Lizenzierung in Haupt- und Nebensätzen. Berlin: Akademie Verlag, 2011. 220 S.

Diewald G. Deixis und Textsorten im Deutschen. Tübingen: Niemeyer, 1991. 446 S.

Diewald G. Die Modalverben im Deutschen. Grammatikalisierung und Polifunktionalität. Tübingen: Niemeyer, 1999. 464 S.

Diewald G. Modus und Modalverben – Kategorisierungsoptionen im grammatischen Kernbereich der Modalität // Funktionen der Modalität. Berlin: de Gruyter, 2013. S. 77–110.

Engel S. Das universale System der Personalpronomina. Das Fundament für Habermas' normative Begründung der menschlichen Vernunft. Frankfurt am Main: Peter Lang, 1998. 207 S.

Hentschel E. Funktion und Geschichte deutscher Partikeln. Ja, doch, halt und eben. Tübingen: Niemeyer, 1986. 291 S.

Höhle T. N. Verum-Fokus. Sprache und Pragmatik 5. Arbeitsberichte. Lund, 1988. S. 1–7.

Höhle T. N. Über Verum-Fokus im Deutschen. Informationsstruktur und Grammatik. Linguistische Berichte. Sonderheft 4, 1992. S. 112–141.

Hundt M. Zum Verhältnis von epistemischer und nicht-epistemischer Modalität im Deutschen. Forschungspositionen und Vorschlag zur Neuorientierung. Zeitschrift für

germanistische Linguistik. 31. Berlin: de Gruyter, 2003. S. 343–381.

Kiparsky P., Kiparsky C. Fact. Syntax und generative Grammatik. Bd.1. Frankfurt am Main: Athenaeon, 1974. S. 257–304.

Kotin M.L. Die Sprache in stau movendi. Sprachentwicklung zwischen Kontinuität und Wandel. Bd. 1. Einführung – Nomination – Deixis. Heidelberg: Winter Verlag, 2007. 274 S.

Kotin M.L. Modalitäten. Zeitschrift des Verbandes polnischer Germanisten. Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego: Jagiellonian University Press, 2012. S. 140–158.

Lehmann Chr. Thoughts on grammaticalization. Revised and expanded version. München: Newcastle, 1995. 183 pp.

Leiss E. Die Verbalkategorien des Deutschen. Berlin: de Gruyter, 1992. 240 S.

Leiss E. Artikel und Aspekt. Die grammatischen Muster von Definitheit. Berlin: de Gruyter, 2000. 341 S.

Leiss E. Lexikalische versus grammatische Epistemizität und Evidentialität: Plädoyer für eine klare Trennung von Lexikon und Grammatik. Modalität und Evidentialität [Fokus 37]. Trier: Wissenschaftlicher Verlag, 2011. S. 149–169.

Thurmair M. Modalpartikeln und ihre Kombinationen. Tübingen: Niemeyer, 1989. 314 S.

Weydt H. Abtönungspartikeln und andere Disponible. 40 Jahre Partikelforschung. Tübingen: Stauffenburg, 2010. S. 10–32.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Зюскинд П. Парфюмер. История одного убийцы. Перевод Э.В. Венгеровой. Азбука, 2002. 304 с. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения – 15.12.2018 - 25.12.2018). Süskind P. Das Parfüm. Die Geschichte eines Mörders. Zürich: Diogenes Verlag, 1994. 319 S. DECOW 16A [Электронный ресурс]. URL: <https://www.webcorpora.org/> (дата обращения – 10.12.2018 – 10.01.2019).

References

Averina, A. V. (2010). *Epistemicheskaya modal'nost' kak yazykovej fenomen (na materiale nemeckogo yazyka)* [Epistemic modality as a language phenomenon (on the example of German)]. Moscow, Russia: Krasand (in Russian).

Averina, A.V. (2018). Stressed particles in dependent clauses in German (on the example of

stressed particles JA and DOCH), *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, 52, 5–17 (in Russian).

Averina, A.V. (2019a). Syntactic in subordinate clauses in German, *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, 1 (817), 13–28 (in Russian).

Averina, A.V. (2019b). Deicticity of epistemic markers in German, *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, 59, 5–18 (in Russian).

Apresyan, J.D. (1995). *Dejksis v leksike i grammatike i naivnaya model' mira* [Deixis in lexis and grammar and the naive model of the world. Izbrannye trudy], V 2-h tomah. Moscow, Russia: Yazyki russkoj kul'tury.

Bodnaruk, E.V. (2019). Modal verbs: Between modality, evidentiality and temporality (on the material of modern German), *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, 59, 9–34.

Bulygina, T.V. and Shmelyov, A.D. (1997). *Yazykovaya konceptualizaciya mira (na materiale russkoj grammatiki)* [The language conceptualization of the world (on the material of Russian Grammar)] Moscow, Russia: Yazyki russkoj kul'tury (in Russian).

Byler, K (2000). *Teoriya yazyka* [The theory of language], Moscow, Russia: Progress (in Russian).

Gak, V.G. (1986). *Teoreticheskaya grammatika frantsuzskogo yazyka. Sintaksis. Uchebnoe posobie dlya institutov i fakul'tetov inostrannyh yazykov. 2-e izd., isprav. i dop* [The theoretical grammar of French. Syntax], Moscow, Russia: Vysshaya shkola,

Jespersen, O. (2002). *Filosofiya grammatiki*. [Izd. 2-e, stereotip. The philosophy of grammar], Moscow, Russia: URSS (in Russian).

Kozintseva, N.A. (2000). About the category of evidentiality in Russian: the indirect source of information, *Problemy funktsional'noj grammatiki. Kategorii morfologii i sintaksisa v vyskazyvanii*, 226–240 (in Russian).

Kostrova, O.A. (2017). Evidential meanings in reported fiction speech. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki*, 1 (50), 14–23 (in Russian).

Paducheva, E.V. (2010). *Semanticheskie issledovaniya. Semantika vremeni i vida v ruskom yazyke. Semantika narrativa. 2-e izd., ispr. i dop*. [Semantic research. Semantics of Time and View in Russian. Narrative semantics],

Moscow, Russia: Yazyki slavyanskoj kul'tury (in Russian).

Paducheva, E.V. (2016). *Modal'nost'. Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoj grammatiki* Retrieved from: <http://rusgram.ru/> (in Russian).

Plungyan, V.A. (2000). *Obshchaya morfologiya: vvedenie v problematiku* [The general morphology: introduction to problems], Moscow, Russia: Editorial URSS (in Russian).

Russkaya grammatika [Russian Grammar] (1980). Moscow, Russia: Nauka, 1980, 792 (in Russian).

Shmelev, A.D. (2012). Modality, control and aspect: points of interaction (the Russian word *nel'zya* in combination with the infinitive), *Ot znacheniya k forme, ot formy k znacheniyu. Sb. Statej v chest' 80-letiya chlena korrespondenta RAN A.V. Bondarko. M.: Yazyki slavyanskih kul'tur*, 607–616 (in Russian).

Yanko T.E. (2008). *Intonatsionnye strategii russkoj rechi v sopostavitel'nom aspekte* [Prosodic strategies of Russian speech from the contrastive point of view], Moscow, Russia.: Yazyki slavyanskih kul'tur (in Russian).

Abraham, W. (2009). Die Urmasse von Modalität und ihre Ausgliederung. Modalität anhand von Modalverben, Modalpartikel und Modus. Was ist das Gemeinsame, was das Trennende, und was steckt dahinter?, *Modalität. Epistemik und Evidentialität bei Modalverb, Adverb, Modalpartikel und Modus. Tübingen, Germany: Stauffenburg Verlag*, 251–302.

Abraham, W. (2011). Über Unhintergebarkeiten in der modernen Modalitätsforschung, *Modalität und Evidentialität. Trier: Focus*, 125–147.

Abraham, W. (2013). Zur grammatischen Grundlegung von Modalität, *Funktionen von Modalität. Berlin: de Gruyter*, 25–76.

Abraham W. (2017). Modal particles and Verum focus. New corollaries, *Pragmatic Markers, Discourse Markers and Modal Particles. Amsterdam: John Benjamins*, 171–202.

Averina A. (2015). Partikeln im komplexen Satz. Mechanismen der Lizenzierung von Modalpartikeln in Nebensätzen und Faktoren ihrer Verwendung in komplexen Sätzen. Am Beispiel der Modalpartikeln ja, doch und denn im Deutschen und ved', že und vot im Russischen, Frankfurt am Main, Germany: Peter Lang.

Averina, A. (2019). Modalpartikeln im Deutschen als Komponenten eines modal-

bewertenden Rahmens, *Lebende Sprachen*, 64(1), 140–154.

Averina, A. (2019). Betonte Partikeln JA, DOCH, SCHON und EH im Deutschen und ihre Äquivalente im Russischen, *Wortschätze und Sprachwelten. Beiträge zu Sprachtypologie, kontrastiver Wort- bzw. Wortschatzforschung und Pragmatik. Frankfurt am Main: Peter Lang*, 181–196.

Büring, D. (2005). Intonation und Informationsstruktur, *Text-Verstehen. Grammatik und darüber hinaus. Berlin: de Gruyter*, 144–163.

Coniglio, M. (2011). *Die Syntax der deutschen Modalpartikeln. Ihre Distribution und Lizenzierung in Haupt- und Nebensätzen. Berlin, Germany: Akademie Verlag*.

Diewald, G. (1991). *Deixis und Textsorten im Deutschen. Tübingen, Germany: Niemeyer*.

Diewald, G. (1999). *Die Modalverben im Deutschen. Grammatikalisierung und Polifunktionalität. Tübingen, Germany: Niemeyer*.

Diewald, G. (2013). Modus und Modalverben – Kategorisierungsoptionen im grammatischen Kernbereich der Modalität, *Funktionen der Modalität. Berlin: de Gruyter*, 77–110.

Engel, S. (1998). Das universale System der Personalpronomina. Das Fundament für Habermas' normative Begründung der menschlichen Vernunft. Frankfurt am Main, Germany: Peter Lang.

Hentschel, E. (1986). Funktion und Geschichte deutscher Partikeln. Ja, doch, halt und eben. Tübingen, Germany: Niemeyer.

Höhle, T. N. (1988). Verum-Fokus. Sprache und Pragmatik 5. Arbeitsberichte. Lund, 1–7.

Höhle, T. N. (1992). Über Verum-Fokus im Deutschen. Informationsstruktur und Grammatik, *Linguistische Berichte. Sonderheft 4*, 112–141.

Hundt, M. (2003). Zum Verhältnis von epistemischer und nicht-epistemischer Modalität im Deutschen. Forschungspositionen und Vorschlag zur Neuorientierung. *Zeitschrift für germanistische Linguistik. 31. Berlin: de Gruyter*, 343–381.

Kiparsky, P. And Kiparsky, C. (1974). Fact. Syntax und generative Grammatik. Bd.1. Frankfurt am Main: Athenaion, 257–304.

Kotin, M.L. (2005). Die Sprache in stau movendi. Sprachentwicklung zwischen Kontinuität und Wandel. Bd. 1. Einführung –

Nomination – Deixis. Heidelberg, Germany: Winter Verlag.

Kotin, M.L. (2012). Modalitäten, *Zeitschrift des Verbandes polnischer Germanisten. Wydawnitwo Uniwersytetu Jagiellonskiego: Jagiellonian University Press*, 140–158.

Lehmann, Chr. (1995). *Thoughts on grammaticalization. Revised and expanded version. München: Newcastle*.

Leiss, E. (1992). *Die Verbalkategorien des Deutschen. Berlin: de Gruyter*. 240 S.

Leiss, E. (2000). *Artikel und Aspekt. Die grammatischen Muster von Definitheit. Berlin: de Gruyter*.

Leiss, E. (2011). *Lexikalische versus grammatische Epistemizität und Evidentialität: Plädoyer für eine klare Trennung von Lexikon und Grammatik. Modalität und Evidentialität [Fokus 37]. Trier: Wissenschaftlicher Verlag*.

Thurmair, M. (1989). *Modalpartikeln und ihre Kombinationen. Tübingen: Niemeyer*.

Weydt, H. (2010). *Abtönungspartikeln und andere Disponible. 40 Jahre Partikelforschung. Tübingen: Stauffenburg*.

Süskind, P. (2002). *Istoriya odnogo ubijcy [The story about one murder]. Perevod E.V. Vengerovoj. Azbuka (in Russian)*.

National Russian corp. Nacional'nyj korpus russkogo yazyka [Elektronnyj resurs]. Retrieved from: <http://www.ruscorpora.ru/>.

Süskind P. (1994). *Das Parfüm. Die Geschichte eines Mörders. Zürich: Diogenes Verlag*, 1994. 319 S.

DECOW 16A [Elektronnyj resurs]. Retrieved from: <https://www.webcorpora.org/> (10.12.2018 – 10.01.2019).

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Аверина Анна Викторовна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры германской филологии факультета романо-германских языков Московского государственного областного университета

Averina Anna Viktorovna, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of German Philology, Moscow Region State University.

УДК 81; 808

DOI: 10.18413/2313-8912-2020-6-3-0-2

Дроздова Е. А.

**Речевой этикет: понятие, сравнение границ явления
в английском и русском языках**

Российский университет дружбы народов,
ул. Миклухо-Маклая, д.6, г.
Москва, 117198, Россия
E-mail: drozdova_ea@pfur.ru
ORCID 0000-0003-4272-8772

*Статья поступила 25 июня 2020 г.; принята 10 сентября 2020 г.;
опубликована 30 сентября 2020 г.*

Аннотация

В статье *актуализируется* проблематика определения понятия «речевой этикет» и границ данного явления в английской и русской речи. Автор подходит к решению проблемы посредством анализа тезаурусного поля понятия и выявления уровней и стилей, обуславливающих границы явления речевого этикета в английском и русском. *Цель статьи:* осуществить анализ определения понятия речевого этикета; выявить границы явления речевого этикета в английской и русской речи. *Задачи:* осуществить контент-анализ определений понятия «речевой этикет»; выполнить структурно-частотный анализ содержания понятия «речевой этикет»; выявить особенности английского и русского речевого этикета; выявить границы явления речевого этикета в английском и русском языках. В статье использованы следующие *методы:* метод теоретического анализа, историко-описательный метод, методы сравнения, контент-анализа, структурно-частотного анализа, вычленения синтез-структур. *Результаты:* на основе контент-анализа, а также структурно-частотного анализа уточнено определение понятия «речевой этикет», выявлены его основные семантические компоненты. В статье выявлены особенности английского речевого этикета, выявлены и охарактеризованы уровни и границы явления английского речевого этикета, приведены примеры. Обоснована важность и значимость вежливого общения, обращения и поведения на основе следования конкретным правилам, нормам, традициям языка, а также той или иной социокультурной принадлежности.

Ключевые слова: речевой этикет; понятие; границы явления речевого этикета; английский речевой этикет; русский речевой этикет; уровни; стиль; нормы; правила общения.

Информация для цитирования: Дроздова Е.А. Речевой этикет: понятие, сравнение границ явления в английском и русском языках // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2020. Т.6, №3. С. 25-32. DOI: 10.18413/2313-8912-2020-6-3-0-2

Ekaterina A. Drozdova

Speech etiquette: the concept and comparison of the borders of the phenomenon in English and Russian

Peoples' Friendship University of Russia,
6 Miklukho-Maklaya St.,
Moscow, 117198, Russia
E-mail: drozdova_ea@pfur.ru
ORCID id: 0000-0003-4272-8772

Received 25 June 2020; accepted 10 September 2020; published 30 September 2020

Abstract

The article *actualizes the problem* of determining the concept of “speech etiquette” and the boundaries of this phenomenon in English and Russian speech. The author approaches the solution of the problem by analyzing the thesaurus field of the concept and identifying the levels and styles that determine the boundaries of the phenomenon of speech etiquette in English and Russian. *Purpose* of the article: to analyze the definition of the concept of speech etiquette; to identify the boundaries of the phenomenon of speech etiquette in English and Russian speech. *Tasks*: to carry out a content analysis of the definitions of the “speech etiquette” concept; to perform a structural-frequency analysis of the content of the “speech etiquette” concept; to identify features of English and Russian speech etiquette; to identify the boundaries of the speech etiquette phenomenon in English and Russian. The following *methods* were used in the article: the method of theoretical analysis, historical-descriptive method, methods of comparison, content analysis, structural frequency analysis, isolation of synthesis structures. *Results*: on the basis of content analysis, as well as structural-frequency analysis, the definition of the concept of “speech etiquette” is clarified, its main semantic components are identified. The article reveals the features of English speech etiquette, identifies and characterizes the levels and boundaries of the phenomenon of English speech etiquette and gives examples. The importance of polite communication, treatment and behavior based on adherence to specific rules, norms, traditions of the language, as well as one or another sociocultural affiliation, are substantiated.

Keywords: speech etiquette; concept; boundaries of the speech etiquette phenomenon; English speech etiquette; Russian speech etiquette; levels; style; norms; rules of communication

How to cite: Drozdova E.A. (2020). Speech etiquette: the concept and comparison of the borders of the phenomenon in English and Russian. *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, 6 (3), 25-32, DOI: 10.18413/2313-8912-2020-6-3-0-2

Введение

Процесс коммуникации как явление взаимосвязанного контакта субъектов предопределяет значимость многих важных факторов, одним из которых является культурный уровень словесных форм выражения. Лексикографическая представленность феномена культурного

уровня словесного общения характеризуется и часто определяется спецификой вежливых, глубоко уважительных, осознанных (с точки зрения принятия и выражения признательности по отношению к участнику коммуникации) отношений, передаваемых в словесной форме. Именно данный фактор определя-

ется как особо значимый в рамках лексикографической структуры речевого этикета (Балакай, 2002; Ильина, 2016; Левшин, 2016; Мордовина, 2010; Формановская, 1990: 413-414).

Постановка цели и формулирование задач исследования

Научный интерес к проблеме определили цель исследования, которая заключалась в следующем: осуществить анализ определения понятия речевого этикета; выявить границы явления речевого этикета в английской и русской речи. Для достижения поставленной цели были сформулированы следующие задачи: осуществить контент-анализ определений понятия «речевой этикет»; выполнить структурно-частотный анализ содержания понятия «речевой этикет»; выявить особенности английского и русского речевого этикета; выявить границы явления речевого этикета в английском и русском языках.

Изложение основного материала статьи с полным обоснованием результатов исследования

Несомненным является тот факт, что функции речевой коммуникации определены особенностью основного предназначения языка, которое раскрывается в трансляции информации, информативном обмене и т.п. Однако, тем не менее, помимо указанных, особое значение представляют такие функции как: эмотивная (формирование эмоционально значимого отношения), волеуказательная (обращение к волевому выбору коммуникатора), апеллятивная (призывная или призывающая к общению), конативная (контактоустанавливающая) и т.п., т.е. те, которые образуют функционально-смысловое и тезаурусное поле понятия «речевой этикет» (Баталов, 2016; Галибердова, 2019; Мордовина, 2010; Мустафаева, 2019; Путилина, Релишский, 2019).

Анализ понятия «речевой этикет» в научной литературе

Сущность понятия речевого этикета как контактоустанавливающего общения

была исследована английским этнографом Б. Малиновским и определена в ключевом концепте «фатического» общения, обусловленного созданием эмоционального сигнала к коммуникации (Malinowski, 2012; Gluckman, 1949; Ричардс, 2007).

Исследование языковых и речевых составляющих как важнейших компонентов этимологической и лексикографической сущности понятия «речевой этикет» предполагает необходимость рассмотрения самого понятия, а также его контент- и структурно-частотного анализа.

Определения понятия «речевой этикет», с одной стороны, являются многоаспектными, включая в себя спектр специфических функций фатического общения (Malinowski, 2012; Мордовина, 2010), категориальность и типологию речевых актов (Мустафаева, 2019, формы обращений в контексте диалога культур, межкультурной коммуникации (Мустафаева, 2019; Соколова, 2003, 2005; Jengo, Kuanyshbekova, 2017), а также интегративность сущностных характеристик, экстраполированных на специфические концепты различных научных областей (например, психологию, лингвистику, филологию, культурологию, этику, философию, антропологию, языкознание и мн. др.) (Malinowski, 2012; Gluckman, 1949; Ричардс, 2007; Левшин, 2016; Формановская, Шевцова, 1990).

С другой стороны, определения понятия «речевой этикет» позволяют выделить в них ряд основных значений: от универсальных (или тех, которые даны в широком понимании данного понятия), при которых речевой этикет определяется как система правил и норм общения, до узконаправленных, акцентирующих внимание на определенных паттернах речевой специфики, обуславливающих установление тесного (фатического, эмотивного, апеллятивного и пр.) контакта и взаимодействия, основанных на communication в глубоком смысле коммуникационного феномена, соответствующего ситуации, протоколу и т.д., т.е.

определенным условиям (Галибердова, 2019; Мустафаева, 2019; Пост, 1996; Формановская, 1990; Brown, Levinson, 1987; Dictionnaire raisonne de la politesse et du savoir-vivre du Moyen Age a nos jours, 1995).

Анализ результатов структурно-частотного анализа «речевой этикет»

Согласно результатам контент-анализа, в спектре определений понятия «речевой этикет» выявляются следующие базовые семантические компоненты, среди которых: а) система правил; б) речевое поведение; в) нормы использования языка; г) формулы общения; д) функционально-семантическая микросхема языковых единиц (Галибердова, 2019; Соколова, 1991, 2003, 2005).

Таким образом, результаты контент-анализа, а также структурно-частотного анализа лексемы «речевой этикет» позволяют сформулировать наиболее ёмкое определение данного понятия, а именно: речевой этикет (в рамках любого языка и культуры, в том числе и английских) представляет собой систему правил и норм использования языка, включая его вербальные средства, представленные функционально-семантической совокупностью языковых единиц, определяющих конструкции и использование речевых паттернов, речевого поведения в специфических условиях и ситуациях, задающих социально-статусные, национально-этнические, национально-культурные, тематически-сопряженные требования направленной успешной коммуникации и речевого поведения в момент реального функционирования времени.

Сравнительные аспекты границ явления речевого этикета в английском и русском языках

Речевой этикет, рассматриваемый в рамках языкового феномена (в нашем случае английского и русского), подчиняется ряду правил, обуславливающих границы данного явления. Однако, тем не менее, в каждом из языков

существуют свои особые правила, которые формируют культурную уникальность речевого этикета, характерную именно для каждого из языков. Так, например, в данном контексте необходимо упомянуть концепцию музыкальности строя русской речи, которая соотносит мелодику рече-производства с той или иной ситуацией: пять основных тонов издавна характеризовали специфику ситуаций в рамках границ речевого этикета. Сила, восторженность и ясность была характерна для присяг, клятв, торжественных обещаний и являлась золотым тоном речи, сопровождающим речевой этикет торжественных моментов в жизни общества (Дубовская, 2003, 2008). Ясность, мягкость без торжественности (серебряный тон) с призывом светлого «настроения» характерна для религиозных обращений, в то время как в английском языке данный аспект речевого этикета ограничивается рамками утраченного «*thou*» как формы, которая существует сегодня лишь для обращения к Богу. Таким образом, анализируя аспекты сравнения речевого этикета в разных языках, необходимо учитывать не только общепринятые уровневые аспекты (см. далее), но также и те явления границ, которые составляют феномен культурной уникальности и автономности каждого отдельного языка.

Следует отметить, что спектр представленности границ речевого этикета в широком понимании феномена следует рассматривать в совокупности следующих основных уровней:

- *лексический и фразеологический* (владение лексическим строем языка, богатством вербальных средств, часто исключаяющих языковые явления новояза); например, в английском языке, в сравнении два выражения «I forgot» (Я забыл) и «It's sleeping in my memory» (Это сон/спит в моей памяти) (<https://inkompmusic.ru/?song=Sleeping+In+My+Memory>) определяют различную степень проявления уважения к близкому

собеседнику: в первом случае «прочитывается» формальность отношений и даже, возможно, некоторое пренебрежение (если общение идет в рамках тесной социально-статусной связи), во втором – собеседник сообщает, что он помнит, хотя ему требуется немного времени, чтобы реализовать это, что, естественно «смягчает» его вину, делая ее уже не столь значительной; в третьем же случае, если, например, студент, не подготовленный к экзамену по философии, употребит это выражение в дополненной лексико-грамматической схеме: *It's sleeping in my memory. I knew this in the world of ideas on Plato!* (Я знал это в мире идей (по Платону) – он, наверняка, избежит неудовлетворительной оценки; в русском языке значение произнесенного «я забыл» будет также иметь оттенки мелодики и тональности: произнесенное в границах бытового стиля, оно оставит непонятное для собеседника впечатление, не окажет сближающего воздействия, определяющего готовность к пониманию проблемы; употребление с «я забыл» слова «Простите» позволит собеседнику констатировать для себя официальный стиль и официальное проявление вежливости без возможности проникнуться причиной данного следствия к говорящему, а употребление синонимичного по смыслу «Простите, беспамятлив, как кукушка» «смягчит» диалог неловкой ситуации, однако, будет уместно лишь при объяснении незначительной проблемы;

-лексико-грамматический,

усиливающий аргумент смыслового значения, позволяющего точнее передать и глубже понять суть, смысл и значение той или иной грамматической конструкции в рамках границ английского речевого этикета, а также предопределяющий употребление различных языковых конструкций, выражающих одну и ту же мысль, в различных ситуациях; например, «*You have been very economical with the truth*» (Вы были весьма скромны в правдивом изложении фактов) вместо

«*You are a liar and a fraud*» (Ты – лжец и обманщик) или «*That is rather an unusual story, isn't it?*» (Галибердова, 2019) (Это – весьма необычная история, не так ли?) вместо уже упомянутой «откровенной» фразы в адрес собеседника; в русском языке в подобной ситуации между людьми, находящимися в близких и доверительных отношениях гораздо более ценным будет прямой упрек «Это – неправда», предопределяющий заведомое апеллирование к совести человека, совершившего проступок;

- стилистически-поведенческий, показывающий традиционные явления границ вежливости речевого английского этикета, например, в конфликтной ситуации: так, симуляция перекалывания вины на себя сопровождающаяся фразой «*Oh! Of course, it's my fault*» (Галибердова, 2019), организуется для того, чтобы собеседник великодушно признал вину и со своей стороны тоже; следует отметить, что для русскоязычного речевого этикета такая ситуация также может быть характерна, однако, может присутствовать в более широком диапазоне разновидностей: например, бытовой стиль – «Конечно, я же всегда также делаю» заставляет обвиняющего собеседника пересмотреть уместность и справедливость своего высказывания в сторону обвиняемого; официальный стиль в данном случае подразумевает обязательно обращение по имени и отчеству с просьбой еще раз прояснить что-либо.

Следует также отметить, что границы рассматриваемого явления заданы и орфоэпической, фонационной, интонационной компонентой речевого поведения. Это привносит традиционную нормативность в пространство языка и вежливого общения на нем.

Тем не менее, стоит также отметить и тот факт, что границы явления как английского, так и русского речевого этикета обусловлены и речевыми стилистическими особенностями, которые в рамках границ вежливости представлены

официальным, фамильярным/бытовым и нейтральным стилями речи.

Так, например, вопрос «Который час?» в контексте стилистических границ будет иметь следующую представленность:

- фамильярный стиль (семья, близкие друзья и т.п.): «What time is it?»; в русском – «Сколько время?»

- нейтральный стиль (незнакомый или мало знакомый человек): «Excuse me, could you tell me the time, please?»; в русском языке вопрос «У Вас нет часов?» подразумевает смысл узнавания времени и предполагает вежливый ответ, содержащий контекстную информацию о времени; если же на данный вопрос ответить строго по транслируемому запросу (как это часто происходит в английском языке, определяющимся рациональностью речи) «У Вас нет часов?» – «Да, есть», то это будет выглядеть крайне невежливым с позиций игнорирования контекста, что будет расценено как нарушение требований границ русского речевого этикета;

- официальный стиль (ситуации на работе, деловой круг общения, общение в учреждениях и т.п.): вопрос является недопустимым или допускается, но лишь в том случае, когда вышестоящее лицо просит сверить сотрудников часы (Urina, Narmukhametova, 2019); в русском же языке вопрос является допустимым и в речевом выражении преобразуется в официальную вежливую просьбу «Не подскажете, который час?» или «Подскажите, пожалуйста, который час?»

Выводы

Таким образом, границы явления речевого этикета в русском и английском языках подчиняются как общим аспектам, характеризующим широко признанные уровни и стилистическое оформление речи в различных ситуациях, так и имеют свои уникальные особенности, связанные с тональностью и интонационностью одной и той же конструкции (русский речевой

этикет), употребляемой в различных ситуациях.

Границы явления речевого английского этикета на уровне официальных отношений не регулируются возрастом, полом, личными преимуществами и т.д., а подчиняются таким императивам как социальный статус, должность коммуникатора, в то время как в русском языке границы данного явления могут быть несколько стерты. В рамках нейтрального уровня реализации речевого этикета присутствует значимость фактора отсутствия знакомства и соблюдения всех традиционных норм и правил языка, употребления языковых конструкций в соответствии с вежливым обращением. Контекст фамильярного уровня допускает формы, приемы и способы коммуникации более тесного характера, например, Darling вместо Madame при обращении к женщине, а также Mom, Dad, parrу и др. Диапазон фамильярного или бытового уровня в русском языке в данном отношении является гораздо более широким, что обусловлено возможностями словообразования посредством уменьшительно-ласкательных суффиксов, используемых для эмоциональной окраски и множества производных оттенков передачи значения.

Среди особо отличительных черт границ явления английского речевого этикета следует отметить отрицание прямых суждений и прямоты выражения собственного мнения (например, «I'm afraid, I can't agree with you»), что обусловлено историческим уровнем развития коммуникативно-поведенческих паттернов вежливого общения и их соблюдения в границах явления речевого этикета.

Основным структурным элементом явления речевого этикета является его понятие, раскрытое в содержательном определении, а именно под речевым этикетом (в рамках любого языка и культуры) следует понимать систему правил и норм использования языка,

включая его вербальные средства, представленные функционально-семантической совокупностью языковых единиц, определяющих конструкции и использование речевых паттернов, речевого поведения в специфических условиях и ситуациях, задающих социально-статусные, национально-этнические, национально-культурные, тематически-сопряженные требования направленной успешной коммуникации и речевого поведения в момент реального функционирования времени.

Список литературы

- Балакай А. Г. Русский речевой этикет и принципы его лексикографического описания: Дисс. д-ра филолог. наук. Новокузнецк, 2002. 345 с.
- Баталов А. А. Определяющие признаки и функции средств речевого этикета // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2016. № 1. С. 32-42.
- Галибердова Д. Р. Английский речевой этикет // Russian Journal of Education and Psychology. 2019. № 5. С. 19-24.
- Дубовская О. Ф. Звезды не гаснут. Песнь о русском языке. СПб, 2003.
- Дубовская О. Ф. Любовь по-русски. Самара: ОАО «Издательство «Самарский Дом печати», 2008. 264 с.
- Ильина Д. В. Речевой этикет и его роль в развитии личности // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. Т. 17. С. 155-159.
- Левшин Е. О. Речь и культура общения // Молодой ученый. 2016. № 13.2 (117.2). С. 50-52.
- Мордовина Л. В. Речевой этикет // Аналитика культурологии. 2010. № 18. С. 138-141.
- Мустафаева М. Ш. Этикетные формы статусных обращений в английском и табасаранском языках // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 1 (74). С. 389-391.
- Пост Эмили. Этикет / Э. Пост; пер. с англ. М. М. Гурвица; [под ред. Элизабет Л. Пост]. М.: МАИК «Наука», 1996. 616 с.
- Путилина Л. В., Релишский А. И. Сравнительно-сопоставительный аспект функционирования формул речевого этикета в сказках // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. № 3 (28). С. 345-348.
- Ричардс Одри. Понятие культуры в работах Малиновского // Вестник культурологии. 2007. № 1. С. 150-174.
- Соколова Н. Л. Английский речевой этикет: Монография / Н. Л. Соколова; Гос. ком. СССР по нар. образованию. М.: Изд-во Ун-та дружбы народов, 1991. 90, [2] с.
- Соколова Н. Л. О компонентах значения единиц речевого этикета // Филологические науки. 2003. № 5. С. 95-105.
- Соколова Н. Л. О системном характере речевого этикета // Филологические науки. 2005. № 1. С. 43-51.
- Формановская, Н. И., Шевцова С. В. Речевой этикет. Русско-английские соответствия. Справочник. М.: Высшая школа, 1990. 80 с.
- Формановская Н. И. Речевой этикет // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 413-414.
- Brown, P. Politeness: Some universals in language usage / P. Brown, St. Levinson. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1987. – 345 p.
- Dictionnaire raisonne de la politesse et du savoir-vivre du Moyen Age a nos jours / Sous la direction de Alain Montandon. Paris: Seuil, 1995. 897 p.
- Jengo M., Kuanyshbekova G. E. The specificity of the references in the speech etiquette of English [Electronic resource] // Bulletin of Karaganda University. 2017. – URL: <https://articlekz.com/en/article/17975> (дата обращения: 07.06.2020).
- Gluckman M. Malinowski's sociological theories // The Rhodes-Livingstone Papers. Oxford, 1949. № 16. Pp. 2-5.
- Malinowski B. A Scientific Theory of Culture and Other Essays. London; Oxford; New York: Oxford University Press, 2012. 238 p.
- Sleeping In My Memory, Интернет-ресурс: <https://inkompmusic.ru/?song=Sleeping+In+My+Memory> (Дата обращения 22.09.2020).
- Ubina A. B., Narmukhametova N. M. Speech etiquette and National cultural specificity of speech behavior in Russian and English languages // Вопросы науки и образования. 2019. № 6 (52). С. 14-19.

References

References

- Balakai, A. G. (2002). Russian speech etiquette and the principles of its lexicographic description, D. Sc. Thesis, Novokuznetsk, Russia (in Russian)
- Batalov, A. A. (2016). Defining features and functions of speech etiquette, *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Language Theory. Semiotics. Semantics*, 1, 32-42 (in Russian).
- Galiberdova, D. R. (2019). English speech etiquette, *Russian Journal of Education and Psychology*, 5, 19-24 (in Russian).
- Dubovskaya, O. F. (2003). *Zvezdy ne gasnut. Pesn' o russkom yazyke* [Stars do not go out. A song about the Russian language], St.-Petersburg, Russia (in Russian).
- Dubovskaya, O. F. (2008). *Lyubov' po-russki* [Love in Russian], Samara, Russia: Samara Publishing House OJSC (in Russian).
- Ilyina, D. V. (2016). Speech etiquette and its role in personality development, *Scientific and methodological electronic journal "Concept"*, 17, 155-159 (in Russian).
- Levshin, E.O. (2016). Speech and communication culture, *Young scientist*, 13.2 (117.2), 50-52 (in Russian).
- Mordovina, L. V. (2010). Speech etiquette, *Analytics of cultural studies*, 18, 138-141(in Russian).
- Mustafaeva, M. Sh. (2019). Etiquette forms of status messages in English and Tabasaran, *World of science, culture, education*, 1 (74), 389-391(in Russian).
- Post, E. (1996). *Etiquette*, [Etiquette], Translated by M. M. Hurwitz, Moscow, Russia: Science (in Russian).
- Putilina, L.V. and Relishsky, A. (2019). The comparative and contrastive aspect of the functioning of the formulas of speech etiquette in fairy tales. *Baltic Humanitarian Journal*, 3 (28), 345-348 (in Russian).
- Richards, A. (2007). The concept of culture in the works of Malinowski, *Bulletin of Cultural Studies*, 1, 150-174 (in Russian)
- Sokolova, N. L. (1991). *Anglijskij rechevoj etiket: Monografiya* [English speech etiquette: Monograph], Moscow, Russia: Publishing House of the People's Friendship University (in Russian).
- Sokolova, N. L. (2003). On the components of the meaning of units of speech etiquette, *Philological Sciences*, 5, 95-105 (in Russian).
- Sokolova, N. L. (2003). On the components of the meaning of units of speech etiquette, *Philological Sciences*, 5, 95-105 (in Russian).
- Sokolova, N. L. (2005). On the systemic nature of speech etiquette, *Philological Sciences*, 1, 43-51 (in Russian).
- Formanovskaya, N. I. and Shevtsova, S. V. (1990). Speech etiquette. Russian-English correspondence. *Directory*, Moscow, Russia: Higher School (in Russian).
- Formanovskaya, N. I. (1990). Speech etiquette, *Linguistic Encyclopedic Dictionary*, Moscow, Russia: Soviet Encyclopedia (in Russian).
- Brown, P. and Levinson, St. (1995). *Politeness: Some universals in language usage*, Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Dictionnaire raisonne de la politesse et du savoir-vivre du Moyen Age a nos jours (1995). *Sous la direction de Alain Montandon*, Paris: Seuil.
- Jengo, M. and Kuanyshbekova, G. E. (2017). *The specificity of the references in the speech etiquette of English*. Retrieved from: <https://articlekz.com/en/article/17975> (Accessed: 06/07/2020).
- Gluckman, M. (1949). Malinowski's sociological theories, *The Rhodes-Livingstone Papers*, 16, 2-5.
- Malinowski, B. A. (2012). *Scientific Theory of Culture and Other Essays*, London; Oxford; New York: Oxford University Press.
- Ubina, A. B. and Narmukhametova, N. M. (2019). Speech etiquette and National cultural specificity of speech behavior in Russian and English languages, *Science and education*, 6 (52), 14-19.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Дроздова Екатерина Александровна, старший преподаватель, Российский университет дружбы народов

Ekaterina A. Drozdova, Senior Lecturer, Peoples' Friendship University of Russia

УДК 81'246.2

DOI: 10.18413/2313-8912-2020-6-3-0-3

Чиршева Г. Н.¹
Коровушкин П. В.²

Структурные характеристики переключений кодов
в русских высказываниях детей-билингвов
в России и США

¹⁾ ФГБОУ ВО «Череповецкий государственный университет»,
пр. Луначарского, д. 5, г. Череповец,
162600, Россия;
E-mail: chirsheva@mail.ru
ORCID: 0000-0001-6627-693X

²⁾ ООО «Цитадель»,
тер. 6 км Ленинградского шоссе, д. 1, стр. 4,
г. Вологда, 160000, Россия;
E-mail: korovushkin.petr@mail.ru
ORCID: 0000-0001-9048-3154

*Статья поступила 02 августа 2020 г.; принята 10 сентября 2020 г.;
опубликована 30 сентября 2020 г.*

Аннотация

Цель статьи – сопоставить структурные характеристики переключений кодов, которые используются в речи детей, усваивающих русский и английский языки в России и США. Материал исследования извлекался из видео- и аудиозаписей, сделанных авторами в ходе наблюдения за детьми четырех лет в процессе их общения с другими детьми и взрослыми. Анализ структурных характеристик внутрифразовых переключений проводился на основе положений теории и взаимодействия матричного и гостевого языков (рамочная модель матричного языка), разработанной К. Майерс-Скоттон. Структура переключений кодов в контексте моноэтнического детского билингвизма, который формировался у детей в России, и в ситуациях развития херитажного детского билингвизма у русских детей в США имеет довольно много общих характеристик. Основные различия, которые наблюдались в переключениях русских и американских детей, являются количественными. Интерпретация результатов исследования тесно связана со спецификой формирования детского билингвизма и социокультурными особенностями билингвальной коммуникации. Для контактной лингвистики актуальными являются наблюдения за взаимопроникновением морфосинтаксических особенностей русского и английского языков при их тесном контакте в устной речи.

Ключевые слова: детский билингвизм; херитажный билингвизм; переключение кода; структурные типы; матричный язык; гостевой язык; русский; английский.

Благодарность: работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ «Билингвальная речь детей в условиях одновременного освоения русского и английского языков в моноэтнической семье» № 18-012-00260.

Информация для цитирования: Чиршева Г.Н., Коровушкин П.В. Структурные характеристики переключений кодов в русских высказываниях детей-билингвов в России и США // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2020. Т.6, №3. С. 33-47
DOI: 10.18413/2313-8912-2020-6-3-0-3

Galina N. Chirsheva¹
Petr V. Korovushkin²

Structural characteristics of code-switching in Russian utterances of bilingual children in Russia and the USA

¹⁾ Cherepovets State University,
5 Lunacharsky St., Cherepovets, 162600, Russia;
E-mail: chirsheva@mail.ru
ORCID: 0000-0001-6627-693X

²⁾ Limited Liability Company «Citadel»,
1, bld. 4 Leningradskoe Shosse, Vologda, 160000, Russia;
E-mail: korovushkin.petr@mail.ru
ORCID: 0000-0001-9048-3154

Received 02 August 2020; accepted 10 September 2020; published 30 September 2020

Abstract

The main objective of the article is to compare the structural characteristics of code switching in the speech of four-year-old children who learn Russian and English in Russia and the United States. The material of the study was extracted from video and audio recordings made by the authors during the observation of four-year-old children in the process of their interaction with other children and adults. The analysis of the structural characteristics of intra-phrasal switching was carried out on the basis of the provisions of the theory and interaction of matrix and guest languages (a framework model of a matrix language) developed by K. Myers-Scott. The structure of code switching in the context of monoethnic child bilingualism, which was formed in children in Russia, and in situations of the development of heritational child bilingualism in Russian children in the United States, has quite a few common characteristics. The main differences that were observed in switching between Russian and American children are quantitative. Interpretation of the research results is closely related to the specifics of the formation of children's bilingualism and the socio-cultural characteristics of bilingual communication. For contact linguistics, observations of the interpenetration of the morphosyntactic features of the Russian and English languages during their close contact in oral speech are relevant.

Keywords: child bilingualism; heritage bilingualism; code-switch; structural types; the Matrix Language; the Embedded Language; Russian; English.

How to cite: Chirsheva G. N., Korovushkin P. V. (2020). Structural characteristics of code-switching in Russian utterances of bilingual children in Russia and the USA. *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, 6 (3), 33-47 DOI: 10.18413/2313-8912-2020-6-3-0-3

Введение

В нашей работе мы имеем дело с переключениями кодов, наблюдаемыми в ситуациях с двумя типами детского билингвизма, которые по некоторым своим характеристикам пересекаются, но, тем не менее, имеют и ряд различий, что отражается и в терминах, которые к ним применяются.

Первый тип – моноэтнический детский билингвизм, который формируется в семьях, где родители относятся к одному этносу, имеют одну родную культуру и один родной язык. Такую семью модно назвать моноэтнической и монокультуральной, однако моноязычной (однойязычной) назвать проблематично, поскольку общение с ребенком (детьми) осуществляется на двух языках (Чиршева, 2013). В наших случаях это русская семья в России, где отец со своими сыновьями с их рождения разговаривает на английском языке. Английский язык и некоторые элементы англоязычной культуры постоянно присутствуют в этой семье еще и благодаря тому, что с отцом мальчиков с первого года его жизни его родители тоже общались на двух языках: мать – на родном (русском) языке, а отец – на неродном (английском).

Второй тип – херитажный детский билингвизм – формируется в том случае, когда язык общества не совпадает с языком семьи. Такая семья может быть моноэтнической (один этнос, культура и родной язык) или биэтнической (у родителей разные этносы, культуры, родные языки). Для формирования херитажного детского билингвизма важно также и то, какова языковая политика семьи: выбирают ли родители только один язык общения в семье, какой именно, по какому принципу (комбинации принципов) они осуществляют билингвальное воспитание детей и насколько последовательно они следуют выбранному принципу (принципам).

Для сохранения разных херитажных языков в США создаются субботные или воскресные школы, в которых хотя бы раз в неделю дети общаются и получают знания с помощью своих херитажных языков. Во многих штатах есть русские школы, в которые родители привозят детей в субботу на несколько уроков и где они должны общаться по-русски (Andrews, 2000; Kleyn, Vayshenker, 2013: 350-352).

Отличие двух рассматриваемых типов русско-английского детского билингвизма заключается не только в том, что они развиваются в разных странах – России и США. Основные различия обусловлены тем, что в России доминантным и родным языком является русский, а английский – дополнительный язык, который, по мнению многих взрослых, можно усвоить и позднее – в школе, ВУЗе, в специальных студиях и на курсах. Поэтому родители тех детей, которые английский начинают усваивать с первых лет жизни, а иногда и одновременно с русским языком, испытывают только положительные эмоции от любых, даже незначительных успехов их детей в англоязычном общении. У них нет беспокойства по поводу того, что дети не усвоят свой родной язык, который необходим им для социализации и для получения образования в стране их проживания.

Родители русских детей в США хотят, чтобы их дети хорошо усвоили русский язык, они беспокоятся, что дети не смогут общаться со своими русскими бабушками и дедушками, другими родственниками, что не будут понимать русскую культуру. Их опасения вполне оправданны, поскольку дети живут в англоязычном обществе, со сверстниками общаются по-английски, в детском саду и школе все свои знания получают на английском языке. В такой ситуации дети даже не понимают, зачем им нужно разговаривать по-русски. Поэтому многие родители прилагают немало усилий, чтобы

дети осознали значимость русского языка в их жизни.

Однако, несмотря на все старания родителей, русские дети в США намного лучше говорят по-английски, чем по-русски. В России дети, одновременно усваивающие русский и английский языки, намного лучше говорят по-русски, чем по-английски.

В обоих случаях дети оказывались в билингвальных ситуациях, но эти ситуации тоже отличаются по ряду параметров. Билингвальный модус в США создавался вопреки той языковой политике, которая провозглашалась в русской субботней школе: все дети и взрослые должны общаться только по-русски. Однако у детей их англоязычная компетенция была выше, чем русскоязычная, и для каждого из них за пределами школы привычным языком общения, особенно со сверстниками, был английский. Поэтому, когда они общались друг с другом, они часто переходили на английский язык. Переключение на английский вызывали и те контексты, которые на русском языке они не осваивали. Еще одна причина переключений на английский язык – потребность в выражении эмоций, для которых у детей было больше привычных англоязычных средств.

В отличие от американских детей, у наблюдаемых нами билингвальных детей в России слабым является английский язык, а доминантным – русский. При этом английский для них херитажным не является. Они использовали английский язык в очень ограниченном количестве ситуаций – только в общении с одним или несколькими взрослыми (родителями, другими родственниками). Со своими сверстниками они общались только по-русски. По мере взросления они все больше понимали, что в большинстве жизненных ситуаций английский им не нужен, хотя о том, что говорить по-английски нужно, их убеждает авторитет родителей, интересные книги, игры и

мультфильмы, которые доступны только на английском языке. Билингвальный модус постоянно присутствует в их доме, поскольку два языка они усваивают по принципу «один человек – один язык», что предполагает разные языки общения с родителями. Однако они слышат, что оба родителя говорят друг с другом и другими взрослыми по-русски, поэтому русский язык заметно доминирует как в их коммуникативной компетенции, так и в их социализации и образовании в детском саду и школе.

И те, и другие ситуации способствуют активизации переключений кодов, но, как мы предполагаем, они отличаются не по номенклатуре структурных характеристик, а по их частотности и разнообразию.

Исследований языковых взаимодействий в речи детей разного возраста к настоящему времени достаточно много, однако на материале русско-английских переключений их пока недостаточно (Schmitt, 2000; 2008), особенно на самых ранних этапах (Чиршева, Коровушкин, 2017; Chirsheva, Korovushkin, 2020).

Незначительно количество исследований, в которых переключения кодов сравниваются при развитии двуязычия или многоязычия разных детей (Prior, Gollan, 2011; Poeste, Müller, Gil, 2019), в том числе и в процессе их социализации в обществе доминантного языка (Shin, 2010).

Теоретический обзор

Херитажный язык определяют как первый (домашний) язык, который индивид усваивает в ситуациях доминирования другого языка (Abutalebi, Clahsen, 2020; Benmamoun, Montrul, Polinsky, 2013; Kupisch, Rothman, 2016; Polinsky, Kagan, 2007; Scontras, Fuchs, Polinsky, 2015; Polinsky, 2018: 9; Koroteev, Kisselev, Polinsky, 2020). Носителей такого языка характеризуют как несбалансированных билингвов, которые усваивают два языка одновременно или последовательно, но всегда херитажный язык развивается как «слабый» (Koroteev, Kisselev, Polinsky,

2020). В США русский язык у детей из русских семей развивается именно таким образом (Isurin, Ivanova-Sullivan, 2008: 73).

В зависимости от ряда факторов, среди которых исследователи подчеркивают три наиболее значимых (качество инпута, сопоставимого с тем, что наблюдается в обществе, где данный язык является основным; количество собеседников на данном языке; объем инпута), развиваются разные сценарии формирования херитажного билингвизма (Polinsky, Scontras, 2020; Embick, White, Tamminga, 2020).

Организация общения в семье, школе и детском саду направлена на активизацию херитажного языка, который дети иначе усвоить не смогут, поскольку язык общества доминирует во всех сферах, в которых дети проходят социализацию (Smith-Christmas, 2016; 2020). Родителей беспокоит то, что их дети намного хуже усваивают их родной язык, чем язык общества. Поэтому они стараются найти новые ситуации для общения детей на родном (херитажном) языке, продумывают способы стимулирования их коммуникации на этом языке.

Билингвальные дети часто оказываются в ситуациях, когда вокруг них говорят на двух языках или когда предполагается, что им не следует использовать их доминантный язык. Такие ситуации стимулируют разные формы взаимодействия между языками; одной из таких форм являются переключения кодов, которые обладают разнообразными характеристиками.

Если переключения происходят в диалогической речи, при смене реплики, их чаще всего называют выбором кода (code-choice) или сменой кода. По своей структуре переключения кодов могут быть межфразовыми (intersentential) или внутрифразовыми (intrasentential). Последние, в свою очередь, делятся на два вида: 1) переключения между компонентами сложного предложения (clause-switches), в обособленных оборотах (parenthetical

switches), в присоединенных частях (tag-switches); 2) переключения в пределах словосочетания или простого предложения (Чиршева, 2000: 75; 2004: 63-64; 2012: 223).

Кодовые переключения анализируются в рамках разных теоретических и методологических установок (González-Vilbazo, Bartlett, et al., 2013). В нашей работе анализ структурных особенностей внутрифразовых кодовых переключений в рамках простого предложения в речи детей мы будем проводить при помощи модели рамки матричного языка (далее – модель РМЯ) (the Matrix Language Frame Model (MLFM), разработанной К. Майерс-Скоттон и ее коллегами (Myers-Scotton, 1995; 1997; 2002; Myers-Scotton, Jake, 2017). Главными для описания взаимодействий в переключениях кодов являются два противопоставления: 1) между матричным и гостевым языками (the Matrix Language vs the Embedded Language; далее МЯ и ГЯ); 2) между содержательными и системными морфемами (vs system morphemes).

Матричный язык является главным при построении смешанного высказывания, он определяет порядок следования морфем (слов) и обеспечивает морфосинтаксическую рамку релевантными для его грамматики системными морфемами (граммемами). Гостевой язык вносит в морфосинтаксическую рамку МЯ те морфемы, которые допускает МЯ. Поэтому присутствие ГЯ ограничивается в таких высказываниях правилами, которые устанавливает МЯ. Если МЯ у билингвов – их доминантный язык, нарушений принципов и правил РМЯ не наблюдается. Если в качестве МЯ выступает недоминантный язык, может наблюдаться отклонение от правил РМЯ под воздействием интерференции со стороны доминантного языка. В детской речи, особенно на ранних этапах, когда две грамматики еще не усвоены в полной мере, возможны разнообразные нарушения правил, установленных моделью РМЯ.

Второе противопоставление модели РМЯ – между содержательными и системными морфемами – отражается в том, каким образом внутрифразовые переключения кодов из ГЯ (вкрапления и острова) функционируют в морфосинтаксической рамке МЯ. Острова ГЯ – это такие единицы, внутри которых наблюдается действие грамматики ГЯ (порядок следования морфем и присутствие некоторых системных морфем), но при этом они способны органично вписываться в морфосинтаксическую рамку МЯ и не нарушать ее его правила. Вкрапления разделяют на следующие виды: собственно вкрапления, голые формы и пиджинизированные переключения. Собственно вкрапления – единичные лексемы ГЯ, которые используются в их исходных формах и в тех синтаксических функциях, в которых эта форма меняться не должна (например, существительные в функции подлежащего). Голые формы (*bare forms*) – те лексемы ГЯ, которые в рамке МЯ должны быть оформлены системными морфемами МЯ, но этого не произошло. Пиджинизированные переключения – такие лексемы ГЯ, которые в морфосинтаксической рамке МЯ оформлены системными морфемами МЯ в соответствии с правилами МЯ.

Для анализа межфразовых переключений модель РМЯ не применяется, поскольку в них отсутствует взаимодействие грамматики и лексики двух языков. Поэтому их описание будет опираться на классификацию кодовых переключений по месту их локализации в речи (Чиршева, 2012: 223-225).

Рассмотрение смешанных высказываний в речи четырехлетних детей начнем с межфразовых переключений. Далее

рассмотрим внутрифразовые переключения – от взаимодействия частей сложного предложения и парентетических иноязычных вставок до островов ГЯ и вкраплений разного вида.

Научные результаты и дискуссия

Цель данного исследования – выявить и сопоставить особенности проявления структурных разновидностей переключений кодов в русских высказываниях детей-билингвов в России и США. Анализироваться будут переключения кодов у детей в возрасте четырех лет.

Материал исследования представлен высказываниями из видеозаписей русских детей и аудиозаписей американских детей. Для того, чтобы записанный материал по объему был сопоставимым, мы отобрали билингвальные высказывания таким образом: а) в России их извлекали из записей, сделанных раз в две недели в течение года для каждого из двух детей; б) в США рассматривали записи, которые делались еженедельно в течение полугода и учитывали речь четырех детей.

Объем записей, из которых извлекался материал, составил около 40 часов для каждой группы. Приблизительное количество смешанных и англоязычных высказываний у русских детей – 25 %, у американских – около 10 %. Все остальные высказывания дети произносили по-русски. При этом у некоторых американских детей в их русской речи наблюдалась заметная интерференция английского языка, что для русских детей было не характерно, поскольку это был их доминантный язык.

В таблице 1 представлены количественные показатели всех структурных типов переключений кодов у детей из России и детей из США.

Таблица 1.
 Структурные типы кодовых переключений в речи детей
 Table1
 Structural types of code-switching in the children's speech

Типы ПК Дети	Выбор кода		Межфразовые ПК		Внутрифразовые ПК		Всего	
	Количество	%	Количество	%	Количество	%	Количество	%
В России	247	39	136	22	244	39	627	100
В США	73	32	8	4	147	64	228	100

Четырехлетние дети, которые посещали русскую субботнюю школу в США, переключались намного реже по ряду причин. Во-первых, они знали, что в русской школе нужно говорить только по-русски, и иногда даже напоминали об этом друг другу. Во-вторых, дома с ними родители разговаривали почти всегда по-русски. Многие из них только начали ходить в англоязычный детский сад, поэтому английский язык еще не стал для них доминантным в полной мере.

Записи, из которых извлекался материал в России, делались в тех ситуациях, которые в полной мере можно было назвать билингвальными: в них постоянно присутствовали как русскоязычные, так и англоязычные собеседники, дети слышали и русскую, и английскую речь, обращенную к ним. Поэтому они переключались в этих ситуациях намного чаще.

Однако, чтобы можно было сопоставлять количественные показатели в таких условиях, мы будем опираться не на абсолютные, а на процентные данные.

Каждый рассматриваемый тип, подтип и вид, если они зафиксированы в материале исследования, будут иллюстрироваться примерами из речи детей.

Выбор кода

Выбор кода можно рассматривать в трех вариантах: инициирование реплики на недоминантном языке, сохранение кода и смена кода. Здесь мы будем

иллюстрировать только последний вариант, который ярче всего показывает отличие того кода, который ожидается от ребенка.

Примеры¹.

Миша (Россия). В ответ на высказывание бабушки о брате, который делал упражнения с гантелями: "Oh, you are doing gymnastics!": «А я тоже делал гимнастики!». Смена кода здесь была вызвана, вероятно, тем, что предмет речи был связан с русскоязычным общением. Однако в грамматическом аспекте Миша не полностью отключился от формы английского слова, поэтому перевел его буквально – во множественном числе, что стало проявлением интерференции.

Саша (Россия). В ответ на просьбу бабушки, которая сообщила: "Let us stop reading. Put the book somewhere", Саша проинформировал: «Я пойду в комнату».

Илья (США). В ответ на вопрос учителя: «Это что?» ответил: "Honey."

Майк (США). В ответ на вопрос учителя: «Какой у нас месяц?» ответил: "October."

Майя (США). В ответ на вопрос учителя: «А ты как думаешь, кто это?», ответила: "Seal."

Эрик (США). В ответ на вопрос учителя: «Про что это стихотворение?» ответил: "Pirates."

¹ Имена детей даются в измененном виде, в скобках после имени указывается страна – Россия или США.

Самое яркое отличие смены кода у русских и американских детей – в его направлении: первые переходят на русский язык, а вторые – на английский. Однако в этом же и принципиальное сходство: и те, и другие переключаются на доминантный язык, если хотят быстрее ответить, но не могут сразу вспомнить слова на том же языке. Иногда у русских детей так выражается желание возразить или сменить тему разговора. Американские дети в ряде случаев из сходных по звучанию и происхождению слов (когнатов) выбирают более привычные английские варианты (см. примеры в речи Майка и Эрика).

Межфразовые переключения

Межфразовые переключения кодов чаще всего не демонстрируют взаимодействия грамматик и словарей двух языков, так как каждое предложение в смешанном высказывании построено по правилам «своих» языков. Однако такие переключения интересны тем, что демонстрируют умение ребенка строить предложения на каждом из двух языков, что свидетельствует о положительной динамике в развитии билингвизма. Взрослые таких переключений в своей речи обычно не допускают, поэтому в межфразовых переключениях проявляется дискурсивное творчество билингвального ребенка.

У русских детей английские предложения в межфразовых переключениях были короче русских. Первым могло быть английское, но иногда и русское предложение.

Миша (Россия): «*I'm bad. Я всё разломил*».

Саша (Россия): «*Я сам водичку налью. Give me the water*».

После русского сообщения Саша использовал английское императивное предложение, поскольку спохватился, что обращается к бабушке, поэтому должен говорить по-английски.

Межфразовые переключения встречались не у всех американских детей,

и при этом они были похожи на дублирование или автокоррекцию, когда, выразив что-то по-английски, ребенок понимал, что надо перейти на русский язык, например:

Майя (США): *Would you like ice-cream? На тебе мороженое.*

У одного ребенка, который чаще других смешивал языки, иногда первым было русское короткое предложение, а потом – его дублирование на английском языке:

Илья (США): *Отпусти! Leave me!*

Количество межфразовых переключений оказалось наименьшим как у русских, так и у американских детей, однако у русских детей их удельный вес (22 %) по сравнению с другими типами не так незначителен, как у американских детей (4 %).

Внутрифразовые переключения

Матричный и гостевой языки по-разному взаимодействуют в разных видах внутрифразовых переключений кодов. На морфосинтаксическом уровне наиболее тесное взаимодействие наблюдается во вкраплениях и островах гостевого языка.

Интересно, что между частями сложного предложения количество переключений у русских детей было минимальным, а у американских они и совсем не были зафиксированы. Парентетические переключения у американских детей также не были замечены, а у русских их было довольно много, хотя разнообразием они не отличались. Это были либо обращения, либо этикетные формулы.

Миша (Россия): «*Granddad, иди сюда, пожалуйста!*»

Саша (Россия): «*Я хочу тарелку, please*».

Для американских детей ситуации такого взаимодействия языков были не характерны: они обращались ко всем по именам, этикетные формы тоже использовали только русские, как и полагалось в русской школе.

Как видно из следующей таблицы, у всех детей внутрифразовые переключения чаще всего были представлены вкраплениями и островами гостевого языка.

Внутрифразовые вкрапления можно разделить на четыре основных вида, среди которых, как показано в таблице 3, чаще всего встречались собственно вкрапления и острова гостевого языка, реже всего – пиджинизированные переключения.

Таблица 2
 Подтипы внутрифразовых переключений в речи детей
 Table2
 Subtypes of intrasentential switches in the children's speech

Подтипы ПК Дети	ПК между частями сложного предложения		Парентетические ПК		Вкрапления и острова ГЯ		Всего	
	Количество	%	Количество	%	Количество	%	Количество	%
В России	3	1	57	24	184	75	244	100
В США	0	0	0	0	147	100	147	100

Таблица 3
 Виды внутрифразовых переключений в речи детей
 Table3
 Variants of intrasentential switches in the children's speech

Вид ПК Дети	Собственно вкрапления		Голые формы		Пиджинизированные ПК		Острова ГЯ		Всего	
	Количество	%	Количество	%	Количество	%	Количество	%	Количество	%
В России	81	44	30	16	11	6	62	34	184	100
В США	71	48	26	18	18	12	32	22	147	100

Собственно вкрапления

Собственно вкрапления – это те переключения лексем, которые используются в их исходной форме, поскольку их синтаксическая позиция (подлежащее или прямое дополнение) не требует ее менять. Вероятно, потому эти виды внутрифразовых переключений у четырехлетних детей и являются наиболее частотными.

Миша (Россия): «А вон **granddad** стоит».

Саша (Россия): «Я помню дедушку Валеру – **granddad**». Саша говорил по-русски, а упоминание дедушки вызвало в

его памяти то английское обращение, которое он использовал, когда общался с ним.

Илья (США): Я буду делать **castle**.

Майк (США), отвечая на вопрос учителя: «Какие слова начинаются на “n”?» начал перечислять: *Пушка, палка, papa, pumpkin, парусник*.

Майя (США), поясняя значение русского слова, о котором спросил другой ребенок: *А по-английски owl*.

У Эрика (США) собственно вкраплений зафиксировано не было. Самое большое их количество наблюдалось в речи Ильи.

Чаще всего английскими вкраплениями такого вида были существительные, поскольку и русской морфосинтаксической рамке только их можно было использовать в исходной форме.

Голые формы

Голые формы называются так потому, что эти иноязычные лексемы используются без должного оформления грамматическими показателями матричного языка, хотя их позиция в морфосинтаксической рамке этого требует.

Миша (Россия): «Там нет *controller*».

Саша (Россия): «Я не пойду на *gymnastics*».

Илья (США): «Это *mine*».

Майк (США): «Я вижу *nothing*».

Майя (США), отвечая на вопрос взрослого: «Какой это цвет?», сказала: «Я не знаю, как по-русски *purple*».

Эрик (США): «Я буду *skeleton*».

В качестве голых форм выступали слова разных частей речи: существительные, местоимения, глаголы, прилагательные. Дети, видимо, не были уверены, в какой форме их использовать, поэтому оставили их в той, в которой они входили в их английский вокабуляр. Такие виды переключений наблюдались в речи всех детей и в России, и в США, причем их удельный вес среди внутрифразовых переключений был почти одинаковым (16 % и 18 %).

Пиджинизированные переключения

Согласно теории РМЯ, это наиболее корректно построенные единицы гостевого языка в морфосинтаксической рамке матричного языка, поэтому они называются «классическими» (classical code-switches). Элементы ГЯ в них присутствуют лишь как корневые морфемы, а все грамматически релевантные морфемы обеспечивает матричный язык. Однако по форме они напоминают пиджинизмы, поэтому мы

сочли более приемлемым называть их пиджинизированными.

Миша (Россия): «*Rabbit-ы* бывают такие».

Саша (Россия): «А где другие *checkers-ы?*». Здесь Саша продублировал показатель множественного числа, добавив к английскому еще и русский, т.е. возникла дублированная морфология – явление, которое связано с одной из гипотез модели РМЯ (Myers-Scotton, 1997: 134-135). Оно наблюдается в тех случаях, когда при порождении билингвальной речи говорящий по разным причинам не распознает наличие граммы гостевого языка и добавляет аналогичную из матричного языка. Саша в этом возрасте уже оперировал английским показателем множественного числа, но в данном случае он, вероятно, торопился получить нужную информацию (не мог найти все шашки), поэтому не обратил внимания на грамматическое оформление слова.

Илья (США): «У меня *sock-и*».

Майя (США): «Нет, там *baby-чка*».

Эрик (США): «Я ходил смотреть на *frog-ов*».

У всех четырехлетних детей это наименее частотные структурные типы переключений кодов, а у Майка (США) их не было зафиксировано совсем, вероятно, потому, что они требуют активной лингвокреативной деятельности (Rakhilina, Vyrenkova, & Polinsky, 2016), а в случае с взаимодействием английских лексических морфем в русской морфосинтаксической рамке создают явный юмористический эффект. Дети этого возраста еще не вполне уверенно устанавливали «столкновение» разноязычных морфем и не освоили такую прагматику билингвальной речи. У Майи такие переключения были повторением одного и того же слова в разных падежных формах ед.ч. и мн.ч. (*baby-чка*, *baby-чку*, *baby-чек* и т.п.), причем, по мнению преподавателей, дети могли их слышать и в речи взрослых, следовательно, сами их не создавали.

Острова ГЯ

Этот вид внутрифразовых переключений дает возможность сохранить некоторые грамматические показатели ГЯ в предложении на МЯ. Такие построения возможны на уровне сочетания слов ГЯ или лексемы ГЯ вместе с грамматическими показателями ГЯ, например, английское существительное с артиклем или с показателем множественного числа, английский инфинитив с частицей *to* и т.п.

Острова ГЯ частотны, поскольку дети могли не разрушать словосочетание ГЯ, воспроизведя его целиком.

Миша (Россия): «*Ты будешь a wolf, а мы будем rabbits-ы*».

Саша (Россия): «*У меня нет a car*».

Илья (США): «*Это my honey*».

Майк (США), в ответ на вопрос учителя: «*Что в этой книжке написано?*», сообщил: «*Как считать. Пять собак, шесть машин, семь зверев, ... (не знает или забыл русское числительное 10) babies, три утков, это котёнки, три цыплёнок, два бананов*».

Эрик (США): «*Это pirates*».

В речи некоторых детей острова ГЯ были достаточно частотными (например, у Ильи), а у некоторых не были зафиксированы (у Майи).

Заключение

Сопоставление билингвальных ситуаций общения детей в России и США показывает, что у американских детей они наполнены реальными потребностями общаться на двух языках. Для русских моноэтнических билингвальных детей многие ситуации англоязычного общения создаются как дополнение к привычной коммуникации – на русском языке.

Тем не менее, оказалось, что у четырехлетних детей в России и США структурные характеристики переключений кодов имеют много общего, даже по их количественному соотношению.

Самое яркое отличие проявилось в том, что у американских детей не зафиксированы парентетические переключения, которых достаточно много у

русских детей. Это можно объяснить тем, что такие вставки у русских детей представлены в основном английскими обращениями, приветствиями и прощаниями, что для американских детей в русской школе было совершенно неуместно.

Количественное соотношение структурных видов внутрифразовых переключений оказалось вполне сопоставимым: как у русских, так и у американских детей преобладают собственно вкрапления, значительно меньше островов ГЯ, еще меньше голых форм в речи обеих групп детей, а самое малое количество у всех – пиджинизированных переключений.

Пиджинизированные русско-английские переключения демонстрируют наиболее тесное взаимодействие между двумя языками – внутри одного слова, что у взрослых билингвов обычно делается сознательно – для достижения юмористического эффекта. По нашим наблюдениям, четырехлетние дети ни в России, ни в США еще не освоили юмористических возможностей кодовых переключений, поэтому они и являются наименее частотными среди вкраплений. Те из них, что были зафиксированы, были либо не вполне осознанными (у русских детей), либо они их повторяли вслед за старшими детьми, а иногда и за взрослыми.

Незначительное количество смешанных русско-английских и англоязычных высказываний у американских детей говорит о том, что в тех ситуациях, когда от них ожидалось русскоязычное общение, они вполне успешно контролировали свою речь и говорили по-русски, хотя и с заметной лексико-семантической и грамматической интерференцией.

Исследование переключений кодов в детской речи значимо в нескольких аспектах. Во-первых, оно дает возможность выявить особенности развития детского билингвизма и проследить его динамику, если сопоставлять на разных возрастных этапах. Во-вторых, изучение тесного взаимодействия двух

языков в устной спонтанной речи детей, которые смешивают языки почти всегда неосознанно, показывает специфику взаимопроникновения морфосинтаксических явлений, что дает новый материал для осмысления в рамках контактной лингвистики. В третьих, анализ детской смешанной речи в разных социокультурных ситуациях открывает новый аспект сопоставительных исследований.

Acknowledgments

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ «Билингвальная речь детей в условиях одновременного освоения русского и английского языков в моноэтнической семье» № 18-012-00260.

This research was supported by grant “Bilingual speech of children simultaneously acquiring Russian and English in a monoethnic family” № 18-012-00260 from the Russian Foundation for Basic Research (RFBR).

Литература

Чиршева Г.Н. Введение в онтобилингвологию. Череповец: Череповецкий государственный университет, 2000. 194 с.

Чиршева Г. Н. Двухязычная коммуникация. Череповец: Череповецкий государственный университет, 2004. 189 с.

Чиршева Г.Н. Детский билингвизм: Одновременное усвоение языков. Санкт-Петербург: Златоуст, 2012. 488 с.

Чиршева Г.Н. Моноэтнический детский билингвизм // Филологический класс. 2013. № 2 (32). С. 46-49.

Чиршева Г.Н., Коровушкин П.В. Смешанные высказывания билингвальных детей в русскоязычной семье // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 48. С.84-97.

Abutalebi J., Clahsen H. Heritage languages, infants' language recognition, and artificial grammars for bilingualism research // *Bilingualism: Language and Cognition*. 2020. Vol. 23, № 1. P. 2-3. <https://doi.org/10.1017/S1366728919000762>.

Andrews D. R. Heritage learners in the Russian classroom: Where linguistics can help // *ADFL Bulletin*. 2000. Vol. 31, № 3. P. 39-44.

Benmamoun E., Montrul S., Polinsky M. Defining an “ideal” heritage speaker (Reply to peer commentaries in TL) // *Theoretical Linguistics*. 2013. Vol. 39, № 3-4. P. 259-294. <https://doi.org/10.1515/tl-2013-0018>

Chirsheva G., Korovushkin P. Structural characteristics of code-switches in four-year-old bilinguals // *The European Proceedings of Social and Behavioural Sciences / 10th International Conference “Word, Utterance, Text: Cognitive, Pragmatic and Cultural Aspects”*. 2020. Vol. 86. P. 1494-1504. DOI: 10.15405/epsbs.2020.08.173

Embick D., White Y., Tamminga M. Heritage languages and variation: Identifying shared factors // *Bilingualism: Language and Cognition*. 2020. Vol. 23, № 1. P. 21-22. <https://doi.org/10.1017/S1366728919000476>.

Methodological considerations in code-switching research / González-Vilbazo K., Bartlett L., Downey, S., Ebert S., Heil J., Hoot B., Koronkiewicz B., Ramos S. // *Studies in Hispanic and Lusophone Linguistics*. 2013. Vol. 6. P. 119-138.

Isurin L., Ivanova-Sullivan T. Lost in between: the case of Russian heritage speakers // *Heritage Language Journal*. 2008. Vol. 6. P. 72-103.

Kleyn T., Vayshenker B. Russian Bilingual Education across Public, Private and Community Spheres // O. García, Z. Zakharia & B. Otcu. (Eds.). *Bilingual Community Education and Multilingualism: Beyond Heritage Languages in a Global City*. Bristol: Multilingual Matters, 2013. P.342-358.

Koroteev M., Kisselev O., Polinsky M. Collocations and near-native competence: Lexical strategies of heritage speakers of Russian // *International Journal of Bilingualism*. 2020. Special Issue: Effects of Limited Input (online-first articles). DOI: 10.1177/1367006920921594.

Kupisch T., Rothman J. Terminology matters! Why difference is not incompleteness and how early child bilinguals are heritage speakers // *International Journal of Bilingualism*. 2016. Vol. 22, № 5. P. 564-582. <https://doi.org/10.1177/1367006916654355>.

Myers-Scotton C. A lexically based model of code-switching // *One Speaker, Two Languages*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. P. 233-256.

Myers-Scotton C. *Duelling languages: Grammatical structure in code-switching*. Oxford: Clarendon Press, 1997. 285 p.

Myers-Scotton C. *Contact Linguistics: Bilingual Encounters and Grammatical Outcomes*. Oxford: Oxford University Press, 2002. 342 c.

Myers-Scotton C., Jake J. Revisiting the 4-M model: code-switching and morpheme election at the abstract level // *International Journal of Bilingualism*. 2017. Vol. 21. № 3. P. 340–366. <https://doi.org/10.1177/1367006915626588>.

Poeste M., Müller N., Gil L.A. Code-mixing and language dominance: bilingual, trilingual and multilingual children compared // *International Journal of Multilingualism*. 2019. Vol. 16, № 4. P. 459–491. DOI: 10.1080/14790718.2019.1569017

Polinsky M. *Heritage Languages and Their Speakers*. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. 410 p.

Polinsky M., Kagan P. Heritage languages: In the “wild” and in the classroom // *Language and Linguistics Compass*. 2007. Vol. 1, № 5. P. 368–395. <http://dx.doi.org/10.1111/j.1749-818x.2007.00022.x>

Polinsky M., Scontras G. Understanding heritage languages // *Bilingualism: Language and Cognition*. 2020. Vol. 23, № 1. P. 4–20. <https://doi.org/10.1017/S1366728919000245>.

Prior A., Gollan T. Good language-switchers are good task-switchers: evidence from Spanish–English and Mandarin–English bilinguals // *Journal of the International Neuropsychological Society*. 2011. Vol. 17, № 4. P. 682–691. <https://doi.org/10.1017/S1355617711000580>

Rakhilina E., Vyrenkova A., Polinsky M. Linguistic creativity in heritage speakers // *Glossa*. 2016. Vol. 1, № 1. P. 1–29. <http://dx.doi.org/10.5334/gjgl.90>.

Scontras G., Fuchs S., Polinsky M. Heritage language and linguistic theory // *Frontiers in Psychology*. 2015. Vol. 6. (Advance online publication). <http://doi.org/10.3389/fpsyg.2015.01545>.

Schmitt E. Overt and covert codeswitching in immigrant children from Russia // *International Journal on Bilingualism*. 2000. Vol. 4, № 1. P. 9–28. DOI: 10.1177/13670069000040010201

Schmitt E. Early bilinguals – incomplete acquirers or language forgetters? // *Studia Humaniora et Paedagogica Collegii Narovensis*. Narva: Narva College of the University of Tartu, 2008. P. 311–330.

Smith-Christmas C. *Family Language Policy: Maintaining an Endangered Language in*

the Home. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2016. 150 p.

Smith-Christmas C. Double-voicing and rubber ducks: the dominance of English in the imaginative play of two bilingual sisters // *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*. 2020. (Advance online publication). DOI: 10.1080/13670050.2020.1758026.

Shin S.J. The functions of code-switching in a Korean Sunday School // *Heritage Language Journal*. 2010. Vol. 7, № 1. P. 91–116.

References

Chirsheva G.N. (2000). *Vvedeniye v ontobilingvologiyu* [Introduction to childhood bilingualism], Cherepovets, Russia: Cherepovets State University (in Russian)

Chirsheva G.N. (2004). *Dvuyazychnaya kommunikatsiya* [Bilingual communication]. Cherepovets, Russia: Cherepovets State University (in Russian)

Chirsheva G.N. (2012). *Detskiy bilingvizm: Odnovremennoye usvoyeniye yazykov* [Childhood bilingualism: Simultaneous acquisition of languages]. StPetersburg, Russia: Zlatoust (in Russian).

Chirsheva G.N. (2013). *Monoetnicheskii detskiy bilingvizm* [Monoethnic childhood bilingualism]. *Philological Class.* № 2 (32), 46–49.

Chirsheva G.N., Korovushkin P.V. *Smeshannyye vyskazyvaniya bilingval'nykh detey v russkoyazychnoy sem'ye* [Mixed speech of bilingual children in a Russian family], *Tomsk State University Journal of Philology*, 2017, 48, 84–97.

Abutalebi J., Clahsen H. (2020). Heritage languages, infants' language recognition, and artificial grammars for bilingualism research. *Bilingualism: Language and Cognition*, 23 (1), 2–3. DOI:10.1017/S1366728919000762.

Andrews D.R. (2000). Heritage learners in the Russian classroom: Where linguistics can help. *ADFL Bulletin*, 31(3), 39–44.

Benmamoun E., Montrul S., Polinsky M. (2013). Defining an “ideal” heritage speaker (Reply to peer commentaries in TL). *Theoretical Linguistics*, 39 (3–4), 259–294. DOI: 10.1515/tl-2013-0018

Chirsheva G., Korovushkin P. Structural characteristics of code-switches in four-year-old bilinguals. *The European Proceedings of Social and Behavioural Sciences / 10th International Conference “Word, Utterance, Text: Cognitive,*

Pragmatic and Cultural Aspects”, 2020, 86, 1494-1504. DOI: 10.15405/epsbs.2020.08.173

Embick D., White Y., Tamminga M. (2020). Heritage languages and variation: Identifying shared factors. *Bilingualism: Language and Cognition*, 23 (1), 21-22. DOI: 10.1017/S1366728919000476.

González-Vilbazo K., Bartlett L., Downey, S., Ebert S., Heil J., Hoot B., Koronkiewicz B., Ramos S. (2013). Methodological considerations in code-switching research. *Studies in Hispanic and Lusophone Linguistics*, 6, 119–138.

Isurin L., Ivanova-Sullivan T. (2008). Lost in between: the case of Russian heritage speakers. *Heritage Language Journal*, 6, 72–103.

Kleyn T., Vayshenker B. (2013). Russian Bilingual Education across Public, Private and Community Spheres. In: O. García, Z. Zakharia & B. Otcu. (Eds.). *Bilingual Community Education and Multilingualism: Beyond Heritage Languages in a Global City*. Bristol: Multilingual Matters. 342-358.

Koroteev M., Kisselev O., Polinsky M. (2020). Collocations and near-native competence: Lexical strategies of heritage speakers of Russian. *International Journal of Bilingualism*, Special Issue: Effects of Limited Input (online-first articles). DOI: 10.1177/1367006920921594.

Kupisch T., Rothman J. (2016). Terminology matters! Why difference is not incompleteness and how early child bilinguals are heritage speakers. *International Journal of Bilingualism*, 22 (5), 564–582. DOI: 10.1177/1367006916654355.

Myers-Scotton C. (1995). A lexically based model of code-switching. In: *One Speaker, Two Languages*. Cambridge: Cambridge University Press. 233–256.

Myers-Scotton C. (1997). *Duelling languages: Grammatical structure in code-switching*. Oxford: UK: Clarendon Press.

Myers-Scotton C. (2002). *Contact Linguistics: Bilingual Encounters and Grammatical Outcomes*. Oxford, UK: Oxford University Press.

Myers-Scotton C., Jake J. Revisiting the 4-M model: code-switching and morpheme election at the abstract level. *International Journal of Bilingualism*, 2017, 21 (3). 340–366. DOI: 10.1177/1367006915626588.

Poeste M., Müller N., Gil L.A. (2019). Code-mixing and language dominance: bilingual, trilingual and multilingual children compared.

International Journal of Multilingualism, 16 (4), 459–491. DOI: 10.1080/14790718.2019.1569017

Polinsky M. (2018). *Heritage Languages and Their Speakers*. Cambridge: Cambridge University Press.

Polinsky M., Kagan P. (2007). Heritage languages: In the “wild” and in the classroom. *Language and Linguistics Compass*, 1(5), 368–395. <http://dx.doi.org/10.1111/j.1749-818x.2007.00022.x>

Polinsky M., Scontras G. (2020). Understanding heritage languages. *Bilingualism: Language and Cognition*, 23 (1), 4–20. DOI: 10.1017/S1366728919000245.

Prior A., T. Gollan (2011). Good language-switchers are good task-switchers: evidence from Spanish–English and Mandarin–English bilinguals. *Journal of the International Neuropsychological Society* 17 (4), 682–691. DOI: 10.1017/S1355617711000580.

Rakhilina E., Vyrenkova A., Polinsky M. (2016). Linguistic creativity in heritage speakers. *Glossa* 1(1), 1–29. DOI: 10.5334/gjgl.90.

Scontras G., Fuchs S., Polinsky M. (2015). Heritage language and linguistic theory. *Frontiers in Psychology*, 6. (Advance online publication). DOI: 10.3389/fpsyg.2015.01545.

Schmitt E. (2000). Overt and covert codeswitching in immigrant children from Russia. *International Journal on Bilingualism*, 4 (1), 9–28. DOI: 10.1177/13670069000040010201

Schmitt E. (2008). Early bilinguals – incomplete acquirers or language forgetters? In: *Studia Humaniora et Paedagogica Collegii Narovensis* [p.p. 311-310]. Narva: Narva College of the University of Tartu.

Smith-Christmas C. (2016). *Family Language Policy: Maintaining an Endangered Language in the Home*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.

Smith-Christmas C. (2020). Double-voicing and rubber ducks: the dominance of English in the imaginative play of two bilingual sisters. *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*. (Advance online publication). DOI: 10.1080/13670050.2020.1758026.

Shin S.J. (2010). The functions of code-switching in a Korean Sunday School. *Heritage Language Journal*, 7 (1), 91-116.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.

Чиршева Галина Николаевна, доктор филологических наук, профессор. «Череповецкий государственный университет»

Galina N. Chirsheva, Doctor of Philology, Professor, Cherepovets State University.

Коровушкин Петр Валерьевич, кандидат филологических наук, ООО «Цитадель»

Petr V. Korovushkin, PhD in Philology, Limited Liability Company «Citadel».

УДК 81; 811.112.2.

DOI: 10.18413/2313-8912-2020-6-3-0-4

Шустова С. В.
Хорошева Н. В.

**Функциональный потенциал предлогов
и их классификационные основания**

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
ул. Букирева, д. 15, Пермь, 614990, Россия
E-mail: lanaschust@mail.ru
ORCID:0000-0002-8318-7864

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
Ул. Букирева, д. 15, Пермь, 614990, Россия
E-mail: romanphyl@gmail.com
ORCID: 0000-0003-4564-9973

*Статья поступила 17 июля 2020 г.; принята 7 сентября 2020 г.;
опубликована 30 сентября 2020 г.*

Аннотация

Основополагающей категорией в системе языка является понятие «часть речи». Классификация частей речи базируется на ряде критериев, которые соотносятся с определенным уровнем языковой системы, и, таким образом, в основе классификации может быть положен семантический, морфологический и синтаксический критерии. В фокусе внимания авторов находятся предлоги, функции которых заключаются в том, что они определяют значение имен и глаголов, и поэтому рассматриваются скорее как указывающие, чем значащие элементы языка. Анализируются семантические, морфологические, синтаксические функции предлогов немецкого языка.

Ключевые слова: предлог, синсемантическая часть речи, автосемантическая часть речи, функция, классификация.

Информация для цитирования: Шустова С.В., Хорошева Н.В. Функциональный потенциал предлогов и их классификационные основания // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2020. Т.6, №3. С. 48-57. DOI: 10.18413/2313-8912-2020-6-3-0-4

Shustova S.V.
Khorosheva N.V.

The functional potential of prepositions and their classification grounds

Doctor of Philology
Perm State University
15 Bukirev St., Perm, 614990, Russia
E-mail: lanaschust@mail.ru
ORCID:0000-0002-8318-7864

PhD in Philology
Perm State University
15 Bukirev St., Perm, 614990, Russia
E-mail: romanphyl@gmail.com
ORCID: 0000-0003-4564-9973

Received 17 July 2020; accepted 7 September 2020; published 30 September 2020

Abstract

The fundamental category in the language system is the concept of parts of speech. The classification of parts of speech is based on a number of criteria that correlate with a certain level of the language system, and thus the classification can be based on semantic, morphological and syntactic criteria. The focus of the authors' attention is on prepositions the functions of which are to determine the meaning of names and verbs, and therefore they are considered to be indicative rather than significant elements of the language. The semantic, morphological, syntactic functions of the prepositions of the German language are analyzed.

Keywords: preposition; synsemantic part of speech; autosemantic part of speech; function; classification.

How to cite: Shustova S.V., Khorosheva N.V. (2020). Shustova S.V., Khorosheva N.V. (2020). The functional potential of prepositions and their classification grounds. *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, 6(3), 48-57, DOI: 10.18413/2313-8912-2020-6-3-0-4

Введение (Introduction)

Предлоги как средство выражения грамматических и семантических отношений между членами предложения занимают одно из ведущих мест в системе языка.

Л.В. Щерба относит предлоги к «частицам, соединяющим два слова или две группы слов в одну синтагму (простейшее синтаксическое целое), выражающим отношение «определяющего» к «определяемому». Формальным признаком предлогов является управление падежом. Л.В. Щерба выделяет функциональный признак и относит к предлогам такие элементы, как *чтобы, с целью, как: Я пришел* чтобы поест* = с целью поест; *Меня одевали* как куколку* = наподобие куколки» (Щерба 2007: 63–84, 79).

«Предлоги исследуются как служебные слова или функциональные слова, характеризуются большей абстрактностью значения, чем знаменательные части речи. Хотелось бы

отметить ряд работ, в которых представлена системная классификация предлогов немецкого языка» (Съедин, 1963), анализируется функциональный потенциал предлогов в немецком языке в сопоставлении с другими языками (Бирюкова, Шведова 2012; Газизов, Мурясов 2017; Калятин, 2018; Мальцева 2007 и др.), изучаются функции предлогов в аспекте актуализации таксисных (Архипова 2013) и пространственных (Галстян 2019) отношений, выявляются закономерности функционирования предлогов в плане реализации процессов десемантизации (Рахманова 2003), изучаются функции фразеологических предлогово (Сосунова 2020). Предлоги характеризуются полиаспектностью функционирования, актуализируют парадигматические и синтагматические связи в языке.

Основная часть (Main part)

Среди многих лингвистических проблем вопросы семантического и синтаксического анализа предложных

конструкций остаются актуальными, поскольку релевантным остается совершенствование методов анализа и функционального потенциала конструкций с предлогами. Предлог сохраняет лексическое значение, участвует в образовании синтаксических конструкций, выполняет структурную роль в реализации отношений между другими элементами. В значении предлогов отношения представлены в отвлечении от конкретных условий существования вещей в реальной действительности (связи с другими вещами, дискретность времени и пространства). В контексте предлоги актуализируют логические, темпоральные, локальные и многие другие значения (см., например, Щербатенко, 2013, с. 3–4). Системные связи предлогов динамичны, так как один и тот же предлог актуализирует разные типы смысловых связей и расширяет комбинаторные возможности знаменательных слов и способствует реализации их семантических потенций в создании разнообразных смыслов и смысловых вариантов (Там же, с. 172). Предлог выполняет целый ряд функций: синтаксеообразующую, регулирующую, предикатную, дифференцирующую, квалифицирующую, содержательную, конститутивную, ввод синтаксемы в определенную грамматическую и дискурсивную среду, деривационную, трансформационную, синтаксическую (Конюшкевич, 2004, с. 196–202; Сегень, 2002, с. 174–178). Предлоги, таким образом, составляют важную часть комплекса единиц, актуализирующих логику и семантику предложения.

Материал и методы исследования (Materials and Methods)

Основной массив материала в немецком языке получен путем сплошной выборки в ходе сопоставления данных словарей общего типа (Большой немецко-русский словарь 1980) и цифровых словарей (<https://www.duden.de/woerterbuch>; <https://www.dwds.de>). В ходе анализа

привлекаются корпусные данные Лейпцигского университета (Германия, [das Wortschatzportal der Universität Leipzig, Institut für Informatik](https://www.dwds.de); <https://www.dwds.de>). В качестве методов использовались: метод лексикографического анализа, базирующийся на изучении материала словарей; корпусный анализ, описательный метод, контекстуальный анализ.

Результаты исследования и их обсуждение (Results and Discussion)

Анализ функционирования предлогов в немецком языке позволяет выделить следующие группы предлогов.

1. Предлоги пространственного (локального) значения: *an* (у, при, возле, около, близ, на, в, к), *auf* (на, в, по), *bis* (до), *aus* (из), *bei* (при, возле, при, под, с, за, к, в, на), *vor* (перед, до, от), *hinter* (за, позади), *in* (в), *über* (над), *um* (на, за, вокруг, около, через), *unter* (под, среди, между, в том числе, с, от, при), *zu* (в, на, к, для), *längs* (вдоль), *entlang* (вдоль), *durch* (через, сквозь, посредством, благодаря), *gegenüber* (напротив, против, перед), *neben* (рядом), *nach* (после, по, на, в, согласно), *unweit* (недалеко), *unfern* (неподалеку), *außer* (кроме), *außerhalb* (извне, вне, за пределами), *innerhalb* (внутри, в, в пределах), *oberhalb* (над, поверх, выше), *unterhalb* (внизу, ниже, под). Некоторые обозначают местное положение или направление, где и куда: *an* (у, при, около, возле, близ, на, в, к), *auf* (на, в, по), (перед), *hinter* (позади), *in* (в, на, по, через, за), *unter* (под, по, через, свыше, сверх, в течение), *neben* (возле, рядом, подле), *zwischen* (между).

"Zu" обозначает в современном немецком языке только направление, раньше этот предлог также указывал местное положение, что видно из следующих устоявшихся выражений: *zu Hause sein* (быть дома), *zu Tisch sitzen* (сидеть за столом), *zu Bett liegen* (лежать в кровати). Другие предлоги указывают только лишь на положение: *bei*, *unweit*, *unfern*, *außer*, *außerhalb*, *innerhalb* или

только направление: *durch, entlang* или только прибытие <откуда?> *aus*.

2. Предлоги темпорального значения.

Число предлогов с темпоральным значением невелико: *seit* (от, с, от момента, со времени, в течение), *während* (во время, в течении, в продолжении), *binnen* (в, в течении, в пределах времени и пространства); большей частью передаются временные отношения предлогами первой группы: *zu dieser Stunde, nach der Arbeit, bis morgen, am 1. Januar, in einer Woche*. Предлоги данной группы отвечают на вопросы *как долго?, когда?: während des Tages, zwei Monate lang; с каких пор?: seit September, von diesem Tage an, ab morgen; как долго?: bis zum Sonntag, bis morgen*.

3. Предлоги с различным логическим значением, здесь нужно назвать несколько значений: совместное или несовместное действие: *Er arbeitet immer mit meinem Freund; Ich werde ohne dich nicht fertig*; условие, соблюдение которого необходимо: *Wir vermischten diese Flüssigkeit unter Erhitzung bis auf 90°*; условие преодоление которого необходимо: *Trotz des Sturmes erreichte das Flugzeug sein Ziel*; обмен, замена: *Heute werden wir statt eines Vortrages zwei hören.*; индивидуальное отношение: "*Für Dich*" ("Для тебя") название журнала; мера, количество: *gegen 200 Mark, über 300 Personen waren da*; материал, состояние: *Das Gebäude ist aus Eisenbeton*; средство, инструмент, движущая сила: *Wir bearbeiten das Feld mit Traktoren; Der Kranke wurde vom Arzt behandelt*; основание, цель: *Er zitterte vor Kälte; Er tat es aus Überzeugung*; способ, манера: *Er spricht im Rätseln; Er ist außer Fassung*.

Во фразеологизмах функционирование предлогов реализуется в «застывших» формах: *J-n auf Haupt schlagen, zu Fuß gehen, zu Bett gehen, auf die Ohren liegen, auf der faulen Haut liegen, auf der Gasse liegen, ins Blaue handeln, in einer Tour reden / schwatzen, auf Pump nehmen, bis auf die Haut gehen, zu Herzen gehen, in*

den Anfängen liegen, im Stich lassen; Aus der Sache wird nichts; Aus nichts wird nichts (dwds).

Некоторые предлоги однозначны: *ohne* (без), *statt* (вместо), *trotz* (попреки), *wegen* (из-за, ввиду, по причине, ради), *mittels* (посредством, с помощью), *zufolge* (вследствие, согласно), *laut* (согласно), *kraft* (в силу, благодаря, согласно), *jensets* (по ту сторону, за, вне), *dank* (благодаря).

Предлоги, которые служат для связи глагола с объектом, утратили свое лексическое значение и выступают только как соединительные элементы: *Wir warten auf den Zug, Wir feuern uns über die Erfolge*.

Некоторые глаголы могут употребляться с различными предлогами, при этом смысл высказывания меняется: *sich freuen auf das Bevorstehende (радоваться предстоящему), über etwas, was man schon hat (тому, что уже есть), sie freut sich am Glück anderer (она радуется счастью других)*.

При выборе глагола различают омонимичные глаголы: *Das Buch besteht aus 20 Kapiteln / Er besteht auf seiner Meinung / Der Sinn des Gedichts besteht in der Idee des Humanismus*. В большинстве случаев употребление определенного предлога с определенным глаголом на основании его соединительного значения постоянно и обязательно. Отхождение от правил бываю редко: *beharren auf, in, bei etwas (настаивать), zornig sein über, auf j-n (быть в гневе на кого-либо)*. Отглагольные существительные оставляют часто предложное управление у глаголов: *sich interessieren für = das Interesse für; kämpfen gegen, um = der Kampf gegen, um*.

Часто меняется и управление, отглагольные существительные содержат предлоги, которые не требуют глагол. Группа предлогов заменяет тогда винительный и дательный (падеж) объект: *Kritik an + D. Forderung an + Akk; Hoffnung auf + Akk, Rücksicht auf + Akk*.

Предлог *von + Dat* является синонимом атрибутивного родительного падежа: *die Werke von Puschkin =*

Puschkin's Werke. Предлоги соединяют прилагательные с существительными: *stolz auf + Akk, reich + Dat*. Предлоги также функционируют с наречиями: *bis morgen, auf morgen, von hier aus* (отсюда).

Предлоги делятся на стилистически нейтральные и стилистически окрашенные. Преимущественно в функциональном стиле публичного общения употребляются предлоги: *anlässlich, behufs, zwecks, betreffs, bezüglich, vermittle, laut, kraft*, также и заимствованные предлоги: *inklusive, per (per Post), pro (pro Person = für Person), via (via Leipzig)*.

Некоторые предлоги устарели и могут употребляться лишь в стихах или высоком стиле.

Herz, mein Herz, du vielgeduldiges Grolle nicht ob dem Verrat. (Н. Heine) <ob>=<wegen>.

Устаревшие предлоги могут употребляться как средство иронии.

4. Причинные (каузальные) отношения (вопросы: *warum? weshalb? weswegen?*): именно причинные отношения: *an, aus, durch, halber, nach, ob* (поэтич.) *über, um-willen, unter, vermöge, vor, wegen*; *Er verrichtet diese Arbeit aus Pflichtgefühl; Er konnte vor Müdigkeit nicht arbeiten.; Umstandhalber ist das Haus zu verkaufen. Er litt unter Kopfschmerzen*; недостаточное основание (причина): *bei, trotz, ungeachtet. Bei allen guten Willen schaffte er es nicht*; причина, которой следует совершение ее: (вопросы *warum? mit welcher Folge?*) *infolge, zufolge, zu. Infolge eines Unfalls kam er zu spät; Zur Freude der Kinder schneite es*.

5. Целевые отношения (вопросы *wozu? in welcher Absicht?*): *auf, zu, für; auf die Prüfung, für die Prüfung arbeiten*;

6. Модальные отношения (вопрос *wie?*): *auf, außer, bei, in, mit, unter, zu; es auf diese Weise tun, alles auf einmal tun, außer Gefahr sein, unter schwierigen Bedingungen arbeiten*;

7. Средство (вопросы *wodurch? womit?*): *durch, kraft, mit, vermittle; mit*

/durch Fleiß etwas erreichen, mit dem Hammer klopfen;

8. Другие типы отношений: исключение: *alle außer einem, ohne ihn*; отношение: *der Altersunterschied zwischen den Brüdern*; совместность: *mit j-m spielen*; противоположность: *gegen / wider den Strom schwimmen*; указание меры: *an/gegen 10 Person*; последовательность: *vor ihm, nach ihm*; соответствие: *gemäß dem Befehl*; сравнение: *Was sind wir gegen euch?*; повторение: *Tag um Tag*; принадлежность: *mit Kindern kommen*.

Вышеприведенные примеры показали, что один и тот же предлог может выражать различные отношения: *der Kampf für den Frieden / um den Frieden, freundlich mit Kindern, zu den Kindern*.

Так, например, предлог *aus* в немецком языке реализует следующие типы семантических отношения:

«Изнутри»: *So funktionier die Sanktion. Wie schmeißt man Diplomaten aus dem Land (LC); Bei Benner Seidel kommen die meisten Kunden aus dem Ruhrgebiet und der Region Hannover (LC); Der Ausblick aus seinem Arbeitszimmer auf den französischen Dom ist dafür umso hübscher (LC); Attentäter feuerten aus einem fahrenden Auto auf ihn (LC)*.

«Вневременное происхождение»: *aus dem Morgenland, aus den Lüften; Wir erzählen ihnen aus dem Leben in kurzen Sequenzen (LC); Dazu haben wir uns die schönsten Songs aus allen Epochen herausgesucht (LC)*.

«Пространственное отношение»: *aus einer anderen Welt; aus Berlin; Sie kommt, stammt, ist gebürtig aus Hamburg (Duden); Kate Middleton stammt doch nicht, wie angenommen, aus der Mittelschicht (LC)*.

«Изменение состояния»: *die Waage aus dem Gleichgewicht bringen; jemanden aus seinen Tränen herausreißen; aus tiefem Schlaf erwachen (Duden)*;

«Происхождение объекта»: *Zum Abschluß präsentierten sie den Bewohnern ein Intermezzo aus Liedern und Balladen (LC); Dass Menschen mit Tieren verglichen*

werden, bedeutet deren Ausschluß aus dem Menschsein (LC);

«Указание на материал / вещество»: ein Kleid aus Seide; eine Matratze aus Gummi; ein Eimer aus Kunststoff; ein Schlüssel aus Ton; eine Klinke aus Metal; eine Treppe aus Marmor; eine Figur aus Holz schnitzen; ein Atom besteht aus einem Kern und Elektronen; aus den Akten wissen; aus erster Quelle haben (dwds); Beides setzt sich aus Bauteilen zusammen, und es spielt räumlich Ausdehnung eine Rolle (LC);

«Ограниченный временной диапазон»: aus dem Urlaub; aus den Ferien; Greifen Sie auf Ereignisse aus dem aktuellen Weltgeschehen zurück (LC).

«Причина действия и поведения»: aus Temperament; aus all bekannten Gründen; aus meiner Sicht; aus Nah und Fern; aus Angst, Zorn, Wut, Rache, Spaß, Höflichkeit, Dummheit, Pflichtgefühl, Vorsicht, Rücksicht, Erbarmen, Unbedacht, Verachtung; Aus welchem Grunde sind sie gekommen? (dwds).

«Стадия развития»: aus den Raupen entwickeln sich Schmetterling; Aus seiner Tochter wurde eine tüchtige Ärztin (Duden);

«Инструментальное отношение»: ein Arrangement aus Blumen zusammenstellen; aus Briefen; aus dem "Nie wieder!"; aus den Erfahrungen; aus Tagebüchern; aus Statistiken; aus Archivunterlagen; aus Schriftdokumenten (dwds); Ein Sichtschutz aus Pflanzen passt ebenso gut zu modernen wie zu traditionellen Gärten (LC); Ebenso weiß ich aus Briefen und Gesprächen – auch mit Ihnen, lieber Herr Schuster, dass die vielen zu uns kommenden Menschen Sie auch fragen lassen (LC); Ich weiß aus vielen Gesprächen, aus Briefen und nicht zuletzt aus wissenschaftlichen Befragungen (dwds).

«Обозначение (школьного) предмета / дисциплины», синоним к in: der Einser aus Mathematik; Er hat die Prüfung aus Latein abgelegt (österreichisch) (Duden).

Предлог aus функционирует во фразеологизмах и реализует переносное значение: aus der Haut fahren; wie aus dem Wasser gezogen sein; aus der Luft greifen;

aus der Schlinge ziehen; Ihre Worte kamen wie aus der Pistole geschossen; aus dem Größten heraus sein; sich aus dem Staub machen; jmdn. aus den Augen verlieren; jmdn. aus dem Halbschlaf wecken; aus der Übung kommen; aus der Modesein; sich etw. aus dem Kopf schlagen; aus vollem Halse lachen (dwds).

Чаще всего один предлог изменяет значение связи: die Jagd auf Hirsche (охота на оленя), die Jagd nach dem Glück (охота за счастьем), der Dank für die Gabe (благодарность за дар), der Dank an den Spender (благодарность спонсору), der Dank aus vollem Herzen (благодарность от чистого сердца), infolge einer Ansteckung (в виду заражения), aus vollem Hals lachen (смеяться во весь рот) (Jung 1996: 365–367).

В сфере предлога могут актуализироваться парадигматические отношения, в частности, антонимические: in – auf, mit – ohne, nach – vor, über – unter, hinter – vor, von – zu, pro – kontra, für – gegen, wider; синонимические: mit – samt, inklusive, mittels; an – bei; auf – zu, in, ab, von; zu – bis zu, nach, an; über – von; aus – nach, von; vor – aus, wegen.

Предлоги лишены словообразовательных маркеров, относятся к синсемантическим частям речи, рассматриваются как закрытый класс или относительно закрытый класс. «Относительность» обусловлена тем, что в процессе десемантизации наблюдается изменение частеречной принадлежности слова, то есть наблюдается переход лексемы в иной морфологический разряд. Таким образом, пополняется класс служебных частей речи: wegen – mittelhochdeutsch (von)-wegen = vonseiten, von Weg (D.) (Duden) (ради, из-за, вследствие) (БНРС); während – Partizip I von wahren (Duden) (во время, в продолжение, в течение); seitens – форма родительного падежа существительного: auf seiten (на стороне (кого-либо)), von seiten (со стороны (кого-либо)), zu seiten (возле (кого-либо)) (БНРС); mangels – форма родительного падежа

существительного (за неимением, за недостатком, за отсутствием, ввиду отсутствия) (БНРС); *kraft – durch Kraft, in Kraft* (D.) (в силу, на основании) (БНРС); *trotz – “Trotz sei...”, “zu(m) Trotz”* (D.) (несмотря на, вопреки) (БНРС).

«С точки зрения категориальной характеристики на уровне частей речи выделяются монокатегориальные (монофункциональные) и поликатегориальные (полифункциональные) единицы. К монокатегориальным относятся предлоги *bei, dank, gemäß, gegenüber, mitsonst, nächst, nebst, samst, von, bis, gegen, ohne, per, wider, zeit*. К поликатегориальным относятся предлоги *ab, aus, an, auf, durch, entlang, entgegen, mit, nach, längs, abseits, hinter, über, vor*» (Газизов, Мурясов 2017: 425).

По структуре выделяются простые, производные, сложные, составные предлоги. К простым относятся *in, für, von, aus, zu, außer, zwischen, auf, über, vor, unten, nach, gegen, wider, seit, mit*. К производным относятся предлоги, имеющие аффиксы или восходящие к грамматическим формам той или иной части речи: *anfangs, mittels, angesichts, betreffs, mangels, trotz, entsprechend, mittels, anlässlich, hinsichtlich, dank, kraft, ausgenommen, entsprechend*. К сложным относятся *inmitten, aufgrund, mithilfe*. К составным относятся предлоги *während, im Verlauf von, im Falle, zum Zweck, im Vergleich zu, von Seiten, vonseiten, seitens, aus mangel, in Bezug auf, in Anbetracht, in Übereinstimmung mit, im Gefolge von, mit Ausnahme, auf Kosten von, mit Hilfe, auf Grund, aus Anlaß*. В группе составных предлогов выделяются двучленные составные предлоги *auf Grund, mit Hilfe, mit Ausnahme, im Hinblick*. Трехчленные предлоги *im Verlauf von, im Vergleich zu, in Bezug auf, auf Kosten von* (там же: 426–427).

Структура предлогов соотносится с вопросом о месте предлога по отношению к управляемому слову. В этом аспекте выделяются: 1) предлоги-препозитивы

(Präposition) (большинство предлогов немецкого языка); 2) предлоги с колеблющимся статусом – препозитивно или постпозитивно (Ambipräposition): *entgegen (entgegen dem Befehl, der Anordnung, dem Vertrag, den Wünschen / den Wünschen entgegen); entlang, gegenüber, gemäß, nach (nach dem Kellner rufen, nach Hilfe rufen, nach meiner Überzeugung, Meinung / meiner Überzeugung, Meinung nach), ungeachtet (ungeachtet wiederholter Mahnungen, Bitten / wiederholter Mahnungen, Bitten ungeachtet wurde nichts geändert; Des schlechten Wetters ungeachtet, der späten Stunde ungeachtet gingen wir spazieren); wegen, zufolge (dem Vertrag zufolge / zufolge des Vertrages muss Ersatz geliefert werden) (dwds); Diesen Behauptungen entgegen muss festgestellt werden...; Der Sonnen entgegen! Dem Wind entgegen! (dwds); Ich habe die Leidenschaften angedichtet, habe sie zu meiner eigenen Genugtuung ... deinen ganzen Lebenslauf entlang aufgestellt; Die Grenze läuft dem Tal entlang; Die Neugierigen hatten sich entlang der Straße aufgestellt (dwds).*

3) предлоги, функционирующие постпозитивно (Postposition): *halber – der Ordnung halber; zuliebe – meinem Vater zuliebe: Der Form halber sind sie im Namen von Harrys Vater, Prinz Charles, ausgestellt (LC); Der Ehrlichkeit halber sollte dies nicht verschwiegen werden (LC); Sie war anfangs zwar sehr gekränkt, aber sie riss sich zusammen, uns Kindern zuliebe (LC); Vieles wird anfangs den Lehrern zuliebe gelernt (LC); Die Deutschen würden der Umwelt zuliebe eher auf Fernreisen als auf das Auto verzichten (LC).*

4) предлоги, функционирующие в циркумпозиции (Zirkumposition) (Bußmann 2002): *um der Ehre willen: Wir verfügen jetzt nahezu zwei Millionen ausgebildete und ausgerüstete entschlossene Männer – die alle ihrer täglichen Arbeit auf dem Felde und in der Fabrik nachgehen – und dies freiwillig,*

gratis und lediglich um der Ehre willen, ein Soldat des Königs zu sein (dwds).

Во всех современных европейских языках предлоги функционируют не только в адвербиальной сфере, но и в сфере глагола, в структуре предложных фраз (Präpositionalphrase). Предложная фраза представляет собой комплексную синтаксическую категорию с различными категориальными актуализациями: *auf der steilen Straße* (Präposition + Nominalphrase), *seit gestern* (Präposition + Adverb), *seit damals* (Präposition + Pro-Adverb), *damit, stattdessen* (Pro-Präposition) (Bußmann 2002).

Необходимо обратить внимание на реализацию предлогами таксисных отношений. Предлог выступает маркером отношений одновременности, предшествования или следования. Данный аспект находится в фокусе внимания исследователя И.В. Архиповой. На материале функционирования девербативов исследуются реализации таксисных отношений. Девербатив является противоречивым именем, в семантике которого совмещаются именное и глагольные признаки. Специфика семантики девербативов определяется тем, что категориальное значение «предметности» вступает в противоречие с его категориальным лексическим значением «процессуальности». Так, например, предлог *während* актуализирует отношения одновременности в таксисной ситуации с девербативами.

Die angespannte Lage spürte das Ehepaar schon während des Aufenthalts (LC).

Um seine Gedankengänge zu erklären, berichtet er während der Verhändlung aus seinem Leben (LC).

Auf diesen Schirmen erhalten die Fahrgäste während der Fahrt Informationen über die Bahn und die Umgebung (LC).

Предлог *vor* фиксирует отношения предшествования.

Doch noch vor Ablauf einer halben Stunde kassierte Nice den Ausgleich (LC).

Zudem stehe die Stadt kurz vor dem Abschluss von Mietverträgen für weitere Wohnungen (LC).

Предлоги *seit, nach* актуализируют отношения следования.

In Deutschland hat es seit der Wiedervereinigung keinen Zensus gegeben (LC).

Viele Gäste aus Nah und Fern haben uns seit Eröffnung schon gebucht (LC).

В высказываниях с предлогами *in, bei, mit, unter* фиксируются отношения одновременности с актуализацией ряда других обстоятельственных отношений: условных, причинных, модальных, медиальных (Архипова 2013: 3–4). Модально-таксисные отношения одновременности реализуются предлогами *in, bei, mit, unter*; медиально-таксисные отношения одновременности – *mit, unter*; кондиционально-таксисные отношения одновременности – *bei, unter*; каузально-таксисные отношения одновременности – *bei, unter, mit* (Там же).

Заключение (Conclusions)

Таким образом, предложные отношения в немецком языке актуализируются с помощью предлогов, характеризуются спецификой частеречного статуса. Они могут соотноситься с синсемантическими и автосемантическими частями речи, употребляются препозитивно, препозитивно или постопозитивно, постпозитивно, препозитивно-постпозитивно (Zirkumposition). В плане семантического объема предлоги обладают абстрактным значением (темпоральные, пространственные, причинно-следственные, логические, инструментальные). Предлоги могут быть лишены семантических признаков и выполняют в таком случае структурные функции, в данном случае такие предлоги могут быть названы реакционными или предлогами с нейтральной или пустой функцией. Необходимо обратить внимание на полифункциональность, многозначность предлогов и в связи с этим возникающую диффузность их семантической структуры.

Таким образом, описанные в нашем исследовании функциональные особенности предлогов немецкого языка представляют определенный интерес и являются весьма перспективным полем для разработки новых методов категориального анализа конструкций с такими единицами в аспекте изучения их лексических и грамматических особенностей на материале других языков. Перспективность обусловлена также тем, что предлоги способствуют реализации дополнительных эксплицитных и имплицитных смыслов в сфере функциональной грамматики, например, актуализация инструментального, темпорального, аспектуального значений.

Список литературы

- Архипова И.В. Немецкий предлог как маркер таксисных отношений // Актуальные проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков. № 7. Новосибирск: Изд-во «Новосибирский государственный педагогический университет», 2013. С. 3–7.
- Бирюкова Е.В., Шведова И.В. Функционирование предлога *aus* в немецком языке и способы его передачи на русский язык // Ярославский педагогический вестник. № 3, 2012. Т. 1. Гуманитарные науки. С. 136–139.
- БНРС – Большой немецко-русский словарь: в 2-х т. / сост. Е. И. Лепинг, Н. П. Страхова, Н. И. Филичева, М. Я. Цвиллинг, Р. А. Черфас; под рук. О. И. Москальской. 2-е изд., стер., М.: Изд-во «Русский язык», 1980. Т. 1. А-К. 760 С., Т. II. L-Z. 656 с.
- Газизов Р.А., Мурясов Р.З. Система предлогов в контрастивно-типологическом аспекте // Вестник Башкирского университета. Т. 22, № 2, 2017. С. 424–432.
- Галстян С.А. Предлог как средство отражения в языке категории пространства (на материале испанского языка) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2019, Т. 5, № 4. С. 41–51.
- Калятин И.С. Особенности функционирования грамматических периферийных средств выражения причины в немецком и русском языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов. Грамота, 2018, № 5(83). Ч. 1. С. 115–119.
- Конюшкевич М.И. Функции предлога // Функціонально-комунікативні аспекти граматики і тексту // Збірник наукових праць присвячений ювілею професора А.П. Загнітка. Донецьк: ДонНУ, 2004. С. 196–202.
- Мальцева О.Л. Сопоставительный анализ семантики предлогов немецкого и русского языков // Теория языка и межкультурная коммуникация. № 2(2), 2007. С. 20–24.
- Рахманова Н.И. Явление десемантизации и его отражение в лексике и грамматическом строе немецкого языка // Вестник Московского государственного лингвистического университета. № 560, 2009. С. 199–210.
- Сегень Б. Да пытння тэоры прыназоўніка (на матэрыяле беларускай мовы) // Studia wschodnio-słowiańskie. 2002, № 2. С. 167–178.
- Сосунова Г.А. Фразеологический предлог *auf* в таможенном дискурсе (на примере текстов франкоязычной таможенной прессы) // Russian Journal of Linguistics. 2020. № 1. С. 158-175.
- Съедин В.Н. Предлоги немецкого языка. М.: Высшая школа, 1963.
- Щерба Л.В. О частях речи в русском языке // Избранные работы по русскому языку. М.: Аспект Пресс, 2007. С. 63–84.
- Щербатенко О.А. Семантические и синтаксические характеристики конструкций с предлогами *with* и *without* в современном английском языке. Дисс. .. к. филол. н., Белгород, 2013. 203 с.
- Bußmann, H. Lexikon der Sprachwissenschaft. Dritte, aktualisierte und erweiterte Auflage. Stuttgart: Alfred Kröner Verlag. 2002.
- Duden. Das Onlinewörterbuch. URL: <https://www.duden.de/>
- Dwds – Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: <https://www.dwds.de> (дата обращения: 08.07.2020).
- Jung W. Grammatik der deutschen Sprache. С.-Петербург: Лань, 1996.
- LC – Leipzig Corpora Collection. URL: https://corpora.uni-leipzig.de/de?corpusId=deu_newscrawl-public_2018 (дата обращения: 07.07.2020).
- Schröder J. Instrumentalrelationen – ein Beschreibungsproblem // DaF 1987. № 2.

References

- Arkhipova I.V. (2013). German preposition as a marker of taxis relations, *Current problems of philology and methods of teaching foreign languages. Novosibirsk, Russia: Novosibirsk State Pedagogical University*, 3-7 (in Russian)
- Biryukova E.V., Shvedova I.V. (2012). Functioning of the preposition *aus* in German and methods of its translation into Russian, *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 136-139 (in Russian)
- Bol'shoy nemetsko-russkiy slovar' (BNRS)* (1980). [Comprehensive German-Russian Dictionary]: in 2 volumes / comp. by E. I. Leping, N. P. Strakhova, N. I. Filicheva, M. Ya. Tsvilling, R. A. Cherfas; edited by O. I. Moskalskaya. 2nd ed., Moscow, Russia: Publishing House "Russkiy yazyk", Vol. 1. A-K. (760 p.)
- Bußmann, H. (2002). *Lexikon der Sprachwissenschaft. Dritte, aktualisierte und erweiterte Auflage*. Stuttgart: Alfred Kröner Verlag.
- Duden. Das Onlinewörterbuch. Retrieved from: <https://www.duden.de/>
- Dwds – Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. Retrieved from: <https://www.dwds.de>
- Galstyan S.A. (2019). Preposition as a means of reflection in the language of the category of space (based on the Spanish language), *Theoretical and Applied Linguistics*, 45-41 (in Russian).
- Gazizov R.A., Muryasov R.Z. (2017). “The system of prepositions in the contrastive typological aspect”, *Bulletin of the Bashkir University*, 424-432 (in Russian)
- Jung W. (1996). *Grammatik der deutschen Sprache*. St.Petersburg, Russia (in German)
- Kalyatin I. S. (2018). Features of the functioning of grammatical peripheral means of expressing the cause in the German and Russian languages, *Philological sciences. Questions of theory and practice*, 115-119 (in Russian)
- Konyushkevich M.I. (2004). Functions of the preposition, *Functional-communicative aspects of grammar and text. Collection of scientific works dedicated to the anniversary of Professor A.P. Fold. Donetsk, 196-202* (in Ukrainian)
- LC – Leipzig Corpora Collection. Retrieved from: https://corpora.uni-leipzig.de/de?corpusId=deu_newscrawl-public_2018
- Maltseva O. L. (2007). “Comparative analysis of the semantics of prepositions of the German and Russian languages”, *Theory of language and intercultural communication*, 20-24 (in Russian)
- Rakhmanova N.I. (2009). “The phenomenon of desemantization and its reflection in the vocabulary and grammatical structure of the German language”, *Bulletin of the Moscow State Linguistic University*, 560, 199–210 (in Russian)
- Schröder J. (1987). Instrumentalrelationen – ein Beschreibungsproblem, *DaF*, 2.
- Shcherba L.V. (2007). “On parts of speech in Russian”, *Izbrannyye raboty po russkomu yazyku*, 63-84 (in Russian)
- Shcherbatenko O.A. (2013). Semantic and syntactic characteristics of constructions with and without prepositions in modern English, PhD Thesis. Belgorod, Russian (in Russian).
- Siehiń B. (2002). On the theory of the preposition (on the material of the Belarusian language), 167-178 (in Belorussian).
- Sosunova G.A. (2020). “Phraseological preposition *afinde* in customs discourse (on the example of the texts of the French-language customs press)” *Russian Journal of Linguistics*, 1, 158 -175 (in Russian)
- Syedin V.N. (1963). *Predlogi nemetskogo yazyka* [Prepositions of the German language]. Moscow, Russia: Vysshaya shkola (in Russian).
- Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.**
Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.
- Шустова Светлана Викторовна**, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвистики и перевода Пермского государственного национального исследовательского университета.
- Хорошева Наталья Владимировна**, кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и перевода Пермского государственного национального исследовательского университета.
- Shustova Svetlana Viktorovna**, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Linguistics and Translation, Perm State National Research University
- Khorosheva Natalya Vladimirovna**, PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Linguistics and Translation, Perm State National Research University.

УДК 81

DOI: 10.18413/2313-8912-2020-6-3-0-5

Alessandra Marabini
Anna Angela Mezzina

Categorization of phraseological units: Russian/Italian expressions

Belgorod State National Research University
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia
E-mail: marabini@bsu.edu.ru
ORCID id: 0000-0001-7450-9115

University of Bari Aldo Moro
1, Piazza Umberto I, Bari, 70121, Italy
E-mail: anna.mezzina@uniba.it
ORCID id: 0000-0002-4716-7882

Received 10 June 2020; accepted 12 September 2020; published 30 September 2020

Abstract

The study on phraseology is wide and complex, since it examines different aspects of an entire linguistic branch. The current article takes into consideration the typology proposed by the Italian linguist Federica Casadei, which will serve as a basis for the authors' categorization of specific Russian expressions. The purpose of this paper is to illustrate the full and partial correspondence of Italian and Russian phraseological units through a new schematization, and, at the same time, to propose a new categorization of the phraseological units applied to Russian expressions.

Italian and Russian theories on phraseology are examined and compared. Italian theory is more focused on the classification of the phraseological units: idioms, sayings, transparent locutions, opaque locutions and higher lexical units. Russian studies are more oriented to cognitive aspects related to the metaphorization of phraseological units. However, linguists agree that stability and reproducibility are the two main criteria that combine all phraseological units.

The main issue when translating from one language into another is that of conveying the source meaning through processes of paraphrase. The result is that some Russian denominations of specific entities can be classified as monomorphemes and some do not constitute part of non-autonomous group as they do in Italian.

On the basis of the differences among categories, a hypothesis about the categorization of some Russian phraseological units is proposed. Furthermore, we underline the importance of metaphorization as a key element for understanding phraseological units. Through metaphors, native speakers can express figurative meanings and innate mental representations.

Keywords: phraseological unit; metaphorization; idiom; categorization; comparison; cognitive processes.

How to cite: Marabini A., Mezzina Anna A. (2020). Categorization of phraseological units through the comparison of some Russian/Italian expressions. *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, V.6 (3), 58-71, DOI: 10.18413/2313-8912-2020-6-3-0-5

Introduction

Phraseology is an integral part of each nation's heritage. It is through phraseology that the mentality and lifestyle of a given society are transmitted and reflected. Phraseology provides invaluable clues to understanding the thought processes of any population. It represents the treasury of any language, because phraseology reflects the history of people and their national character. Theoretical linguistics has a discipline devoted to studying steady speech expressions and the locutions called phraseological units (Korobejnikova, 2017: 6). The heterogeneity of the elements involved in phraseology has made it a meeting point for various branches of linguistics (semantics, syntax, pragmatics), for approaches (from frame semantics to the construction of grammar), and for different fields of application, from phraseography (the description of phraseologisms in dictionaries) to language teaching.

The study of systemic links both between phraseologisms and the general language system of significant units is one of the main tasks of phraseology within the framework of structural linguistics (Jarceva, 1990).

Phraseology emerged as an independent linguistic discipline relatively recently, about half a century ago. In Russian linguistics, A.A. Potebnja, I.I. Sreznevskij, A.A. Shakhmatov and others established the fundamental assumptions for the theory of phraseology. In the 1940s the ideas of the French linguist Charles Bally (about fixed word combinations characterized by inner cohesion) influenced the development of phraseology. The research on phraseology stimulated lexicographic practice and influenced the studies of V.V. Vinogradov's concept of phraseology and its duties. In the 1950s, similarities and differences between phraseologisms and word combinations (called *ustojchivye sochetanija*) became the focus of attention, and phraseology limited itself to finding the criteria for phraseological

units (Benigni, Ramusino, Mollica, Schafroth, 2015: 277).

I.A. Melchuk in 1998 introduced the concept of "phrasemes" or "set phrases" in opposition to "free phrases" and gave the following definition: "A phraseme is a phrase in which the signified and signifier cannot be constructed both unrestrictedly and regularly" (Melchuk, 1995: 175). Unrestrictedly here means that the dictionary rules can be chosen arbitrarily in order to verbalize a conceptual representation. Regularly, instead, refers to the components of the word combination that must be exclusively combined, according to the grammatical and semantic rules of the language (Iordanskaja, 2007: 225-226).

Nowadays, in the Russian field, the development of phraseology is characterized by new methods and objects of research based on systematic and cognitive analysis of the language. Particular attention is paid to the semantic of the phraseological units, its nominative aspect, the formation of phraseological units in its dynamics, the sign of the word components, the comparative typological study of the phraseological composition, and the elaboration of phraseologisms in dictionaries. Of particular note are the theoretical contributions by Dobrovol'skij and Piirainen to the problem of cross linguistic comparability of idiomatic structures (they introduced the notion of "functional equivalence") (Benigni, Ramusino, Mollica, Schafroth, 2015: 277). V.N. Telija also made a significant contribution, underlining the concepts of motivation and inner form, as well as that of phraseologisms as elements of secondary indirect nomination, represented by any kind of syntagmatic interaction of word-components in the process of rethinking and forming a new meaning of the original combination or of the single word. According to Telija, phraseologisms are an integral part of the nominative inventory of a language, which is needed to name individual fragments of the reality (Telija, 1996: 75).

However, another definition developed among the European phraseologists correlated

phraseologisms to the theory of Construction Grammar, the basic feature of which is represented by the constructions stored in the native speakers' memory as single blocks, rather than assembled according to the rules of syntax and connotation. Current theory aims at finding theoretical models adequate for the description of phraseological units, whose form and content are difficult to predict. Another important characteristic of the Construction Grammar approach is that the phraseological sphere is not different from the productive grammatical sphere, but it rather considers the so-called continuum between vocabulary and syntax (Dobrovol'skij, 2016: 9).

Within Construction Grammar collocations are considered part of the phraseological spectrum, and this has encouraged the establishment of syntactical tests (such as substitution, inversion, focalization, isolation and passivization) and of semantic criteria (such as non-compositionality, desemantization of constituents and capacity to designate conceptual units). These allow phraseologisms to be distinguished in a strict sense from similar constructions. Nevertheless, it has also demonstrated that the boundary between the two often remains difficult to determine (Benigni, Ramusino, Mollica, Schafroth, 2015: 277). Therefore, the section about materials will outline a clarification of similar constructions.

Purpose of the Paper

This paper will examine Italian and Russian phraseological units on the basis of the typology proposed by the Italian linguist Casadei. Partial and full correspondences exist between the two language locutions, which are significant aspects for the purposes of our investigation. Indeed, the focus is on finding similarities, affinities and analogies between two languages that are typologically different. The phraseological branches of Italian and Russian linguistics also present different terminological structures and categorizations. Therefore, the aim of this

study is to apply Casadei's classification to some Russian expressions.

Material and Methods of research

At this point arises a discussion around the difference between phraseology and idiomaticity, and around the proper terminology used in this sphere. The term 'phraseological unit' has increasingly been used in phraseological research. According to Kunin, "a phraseological unit is a stable combination of words with a fully or partially figurative meaning" (Kunin, 1970: 210). Kunin's definition includes two inherent properties of phraseological units: stability and figurative meaning, which differentiate these units from free word combinations and also from sets of expressions which are stable, but which do not have any figurative meaning. Moreover, Kunin suggests that phraseological units embrace proverbs. Actually, the study of proverbs is most often included in a separate discipline, that of paremiology (Naciscione, 2010: 19).

Therefore, stability and reproducibility are the main features of phraseological units: stability is the fixity and the compositionality of the meaning of phraseological units, while reproducibility is the capacity of individuals to reproduce phraseological units as ready-made complete units (Casadei, 1994; Casadei, 1995).

Besides the two above-mentioned properties, N.M. Shanskij proposed other features: separability (phraseological units function as separate-formed formations, consisting of several words), and constancy and integrity of meaning (phraseological units appear as a whole even if their meaning reflects the meaning of the components forming them) (Shanskij, 1963: 30-33).

Idiomaticity refers to idiom, which can be defined as "a combination of more than one lexeme whose meaning is not derived from the meaning of its constituents" (Strassler, 1982: 79). Moreover, terminology may change; for instance, the linguist Rosamund Moon uses the term idiom to refer to "any sequence of two or more words that function together as a unit" (Moon, 1988:

108), but in other studies she uses other terms, such as fixed expressions and idioms (Naciscione, 2010: 18).

Casadei gives a general definition of idiomatic expressions: “conventional expressions of a language characterized by the combination of a fixed meaning (little or not at all modifiable) with a non-compositional meaning (which, unlike the literal or compositional meaning, cannot be derived from the meanings of the components of the expression)” (Casadei, 1995: 335). According to this definition, the term idiomatic can indicate different cases of semantic non-predictability or non-literality and idiomatic expressions including locutions, fixed sentences, stereotypes, formulas, clichés and sayings.

Terminology poses an important question about whether the terms “phraseological unit” and “idiom” can be treated as synonyms. We can assume linguist Lala Masimova’s conclusion is valid: the term phraseological unit was introduced by Russian linguists and is mainly used in Russia and Eastern Europe. The term idiomaticity refers to the mechanism that enables phrases to take on meanings that go beyond the meaning of their parts. Idiomaticity, however, could be applied also to single words and not only to phrases. Idiomatic words can be defined only as a part of certain phraseological units that are instead sets of terms, which refer only to two or more phrases (Masimova, 2018: 13-14).

The question on proper terminology continues within studies of modern Italian. A. Cicalese uses the term “modo di dire” (common saying), an expression or idiom that generally indicates the combination of a fixed signifier (little or not at all modifiable) with a non-compositional signified (see also Casadei, 1994; Casadei, 1995; Cacciari, Glucksberg 1995; Casadei, 1996). In addition to this, Italian literature introduced the term ‘polirematic expressions’ (*espressioni polirematiche / plurilessicali*), multiword forms with structural and semantic cohesion. The Italian approach appears to be structural

and lexical-syntactically oriented: particular attention is paid to the pragmatic and syntagmatic cohesion of multiword expressions, that is, to the rules that regulate the existence of more lexical elements in a unicum. However, a general subdivision of phraseological units can be made as follows: idiomatic expressions with certain lexical-syntactic characteristics, the meanings of which are difficult to grasp from their components (also called “transparent expressions”); literal expressions, where it is easy to define the semantic internal articulation of the components; and half-idiomatic expressions, that are in between transparent locutions and idiomatic expressions (they are also called “opaque locutions”).

In Italian linguistics, Maurizio Dardano introduces another phraseological unit, “higher lexical units” (*unità lessicali superiori*), which own inseparable components. “Changes that can be brought in free word groups are instead not always possible for higher lexical units. For example, the linguistic unit ‘sala da pranzo’ (dining room) and the word group ‘sala per ricevere gli ospiti’ (‘a room to receive guests’ / reception room) are different from one another, since we would accept the adjective ‘grande’ (big) only in the second syntagm and the result will be ‘una grande sala per ricevere gli ospiti’ (a large room to receive guests), but not in the first one. The idiomatic expression in comparison to the lexical unit, apart from the definite degree of lexicalization, owns a high level of idiomatization, which protects the stability of the syntagm. However, the syntagm ‘sala da pranzo’, for example, can also be used in speech in a disjointed way, whilst the components of idiomatic expression cannot be divided” (Dardano, Trifone, 1997: 552).

Simonetta Vietri’s approach to idiomatic expressions in the Italian language is different, since she analyses them from a syntactic-lexical perspective. Her work has developed as part of the “Progetto Lessico Grammatica della Lingua Italiana” project. In

her examination, idiomatic expressions are viewed as syntactically free structures with one or more invariable components. The variable components instead are subject to two distributional and grammatical variations. The distributional one, composed by synonyms, adjectives or relative clauses, deprives the original idiomatic expression of its idiomaticity. On the other side, the grammatical variation in tense, mode, adverbs or modifiers does not affect the idiomatic meaning. Her conclusion is that a continuum between free and idiomatic sentences exists, and that variations are accepted only when the idiomatic meaning remains intact (Vietri, 1985: 18).

Nowadays in Russian linguistics the current approach appears to be cognitive and examines phraseological units in terms of mental nature. Within phraseological studies, only the components that have figurative and metaphorical meaning should be considered. The cognitive and psycholinguistic patterns assume that a basic concept exists within phraseological units, which is highlighted with the help of a word identifier that links a determined unit to the sphere of these concepts. The Russian cognitive approach is thus based on the study of those internal phraseological correlations. Furthermore, metaphors play a significant role in the formation of phraseological units. The process of metaphorization is the “verbalization by an individual of the knowledge he acquires about the world and himself” (Zubkova, 2008: 128).

Results

Casadei sketched a typology of idioms in the Italian language and proposed a definition of “idiomatic expressions” (Casadei, 1995: 335-358). The current analysis takes this categorization into consideration and assumes it as a basis for a classification hypothesis applied to Russian phraseological units. According to Casadei, figurative expressions are divided into type V (verb: *vuotare il sacco – ne tait’ grecha, tirare le cuoia – kondartij chvatil*), type N (noun: *patata bollente – zhguchij /*

zlobodnevnyj vopros, testa di cuoio – specnaz), type Adj (adjective: *all’acqua di rose – poverchnostyj*) and type Adv (adverb: *alla bell’e meglio – koe-kak*). Her examination includes at first sight all cases of non-literal or non-predictable semantics (morphemes, sayings, proverbs, and indirect speech acts) and other phenomena (stereotypes, formulas, clichés, fixed phrases, binomial, and trinomial expressions) which appear fixed and conventional. After this, all those classes are subject to criteria of idiomaticity – non compositionality, non conventionality, fixity and semantic non-predictability.

The author excludes monomorphematic forms, since it is not possible to predict their semantics. However, some monomorphematic forms which own morphologically complex characteristics are taken into account (*ciao – privet* - because it is a greeting formula, *leone – lev* - because, apart from the literal meaning, it has a figurative meaning, that of ‘courageous person’, also *bustarella – vzjatka*, and *rompiscatole – zanuda*).

Furthermore, the author excludes all those forms that are subject to mechanisms of metaphorization, irony and indirectness, when they occur occasionally and creatively. The reference is here to those expressions like “essere una matita” used in sentences like “quella ragazza è una matita” where *matita (karandash)* alludes to a person’s figure. However, the expressions of the type ‘essere un/una x’, ‘fare il/lo x’ are conventional metaphors and they can be included in the classification, also for the reason that they represent predictable metaphors (*fare il burattino, legkomyslennyj chelovek / vetrenik*).

In the categorization of idiomatic expressions proposed by Casadei (Casadei, 1995: 335-358), it is important to keep in mind the degree of lexical saturation, which divides the expressions into lexically saturated, partially saturated and patterned (lexically restricted and lexically opened), which is applied to indirect acts. The degree of lexical saturation depends on the addition

of different lexical variants or the modification of some elements. An example of a lexically saturated expression is, *tirare le cuoia* (*kondartij chvatil*) which can be used with a modifier, as in the sentence '*tirò subito le cuoia*' (*on umer srazu*). Partially saturated expressions usually include a lexical variable element that can be a possessive, a determiner or a quantifier: *a mio avviso* (*po-moemu*), *in primo / secondo luogo* (*vo-pervych / vo-vmorich*). The patterned ones are schemes, indirect acts, and proverbs. An example of scheme is: 'Det n ESSERE (Det) N' used in cases such as '*Gli affari sono affari*', '*I figli sono figli*' (*biznes est' biznes, deti est' deti*).

As a result, the lexically saturated and the partially saturated are, thereafter, in accordance with the paradigm of conventionality. Conventionality concerns the degree of non-newness of an expression and the link of a given expression with a communicative function, a pragmatic purpose or a context of use. Thus, the fully or partially lexically saturated expressions include institutionalized expressions, stereotypes (clichés, quoted corpus) and formularies.

Institutionalized expressions are mono and polirematic expressions with figurative meaning (*bustarella - vzjatka, vuotare il sacco - ne tait' grecha, all'acqua di rose - poverkhnostnyj*), denominations of specific entities (*disco fisso / rigido - zhëstkiy disk, giacca a vento - vetrovka, donna delle pulizie - uborshchica, macchina da scrivere - pishushchaja mashina*), grammatical locutions (*dopo di che - posle togo kak, per lo più - chashche vsego*), distributional restrictions (*essere alla disperazione - byt' dovedënym do otchajanja*) and irreversible binonims / trinonims (*aglio e olio - chesnok i maslo, fante, cavallo e re - vatel, kon' i korol'*).

Stereotypes are divided into clichés (*tragica scomparsa - tragicheskaja smert'*, *scottante questione - zlobodnevnyj vopros, essere bello come una rosa - byt' krasivym kak roza*), quoted corpus, proverbs and sayings (*chi dorme non piglia pesci - bez truda ne vytashchit' i rybki iz pruda, il tempo*

è denaro - vremja - den'gi), and quotes and aphorisms (*cogito ergo sum - ja myslju, znachit sushchestvuju, de gustibus - o vkusakh ne sporjat*).

Formularies are those linguistic illocutive, performative acts, as well as epistolary formulas, and conversational and textual messages (*come va - kak dela, buon appetito - prijatnogo appetita, in bocca al lupo - ni pucha ni pera, vi dichiaro marito e moglie - ob''javljaju vas muzhem i zhenoj, per concludere - v zakljuchenie, a proposito - kstati, distinti saluti - s uvazheniem*).

Therefore, Casadei (Casadei, 1995: 335-358) introduces a new lexical-syntactic criterion, that of fixity. Different types of fixity exist: fixity in the order of constituents, transformational fixity for a certain structure, and fixity in the inventory of components due to the impossibility of insertion, suppression and substitution. However, fixity does not hinder semantic variation: commutation in idiomatic expressions is possible only if the original idiomatic meaning is maintained intact. As a consequence of this, it is the idiomatic character of an expression that indicates whether that expression is idiomatic or not, and not the commutability. The idiomatic feature is the element that usually obstructs possible lexical and syntactic modifications.

The conflict between the diagrammatic and the holistic comes into focus, when considered from the perspective of semantics. Diagrammaticity indicates the relation between the signified and signifier, the transparency of which is gradual and increases when the relation is one to one. The author refers to increased transparency with reference to a denominated entity like *pesce palla - ryba-ëzh*, a kind of fish, in contrast to the less transparent form *pellerossa - krasnokozhij*, which is not a kind of skin. The holistic forms are subject to semiotic principles and their diagrammatic interpretation is not valid or is not uniquely valid. Examples of holistic forms include, *macchina da scrivere - pishushchaja mashina, bustarella - vzjatka, rompicatole -*

zanuda. In all these terms it is necessary to reinterpret the relation between the form in its entirety and its overall meaning and it is possible to talk about a greater or lesser transparency of the metaphorical motivation of the expression.

The diagrammatic / holistic distinction is very significant when categorizing the idiomatic and non-idiomatic expressions within institutionalized forms. The maximum degree of idiomaticity is represented by metaphorical and metonymic expressions. The lower level is represented by expressions with metaphoric and metonymic features that instead have a diagrammatic aspect: (*donna cannone – zhenshchina – pushechnoe jadro*). Below this class, there are some holistic expressions, represented by non-autonomous lexemes that occur only in certain locutions (*andare a zonzo – brodit', andare a ruba – byt' narashvat*). The grammatical holistic locutions (*per lo più – chashche vsego*) are positioned at a lower level still: their non-diagrammaticity does not allow full meaning to be given to its components.

Non idiomatic expressions are those expressions in which conventional meaning might not be predictable or might not be uniquely predictable. Examples of such verbal locutions include, *essere alla disperazione – byt' dovedënnym do otchajaniya, prendere quota – nabrat' vysotu, prendere il sole – zagorat'* and *prendere tempo – ne toropit'sja*.

In Casadei's categorization (Casadei, 1995: 335-358) the diagrammatic / holistic distinction cannot be applied to stereotypes, clichés, proverbs, quotes and formularies

since their understanding implies a reference to cultural beliefs and conventions. They present a cultural-pragmatic character and for this reason they can be included in the wide domain of idiomatic expressions, but only in a broader sense, as lexical saturated expressions. On the contrary, if the semantic variable is privileged, the idiomatic expressions are of the holistic institutionalized type, while the others are labelled as clichés, proverbs, quotes, formulas and have distinctive aspects from the idiomaticity. However, for the purposes of the present paper, we agree with the broader conception and we examine all those classes in the following paragraph.

Findings and discussion

The analysis we conducted leads to consideration of comparative and typological types. When transferring the meaning from Italian to Russian, equivalence is not always univocal. It is therefore necessary to emphasize the grammatical syntactic structure of the expressions and the type of connection between the constituents, since the idiomaticity can be full or partial. Full means that from the meaning of the components it is not possible to predict the meaning of the phraseological unit. Partial means that the meaning of the phraseologism becomes clear on the basis of some rethinking processes. The following scheme presents the above-mentioned forms and clarifies the differences existing between the locutions of the two languages, Italian (the source language) and Russian (the target one):

Table 1: Comparison of forms and meanings of Russian and Italian expressions

Italian	Russian	Description
<i>Vuotare il sacco</i>	<i>Ne tait' grecha</i>	Both expressions are exhortations to reveal everything when you are wrong. <i>Vuotare il sacco</i> appears to be more figurative, since literally it means 'to empty the bag'. <i>Ne tait' grecha</i> instead means 'to not hide the sin'.
<i>Tirare le cuoia</i>	<i>Kondartij khvatil</i>	The meaning of these expressions is 'to die'. There are a wide range of expressions corresponding to the event of dying; however, we chose <i>Kondartij</i>

Italian	Russian	Description
		<i>khvatil</i> because of the analogy to body rigidity after the death.
<i>Patata bollente</i>	<i>Zhguchij / zlobodnevnyj vopros</i>	The Russian language uses the term <i>vopros</i> (<i>question</i>) instead of <i>patata</i> (<i>potato</i>) and the second alternative <i>zlobodnevnyj vopros</i> would rather sound as <i>questione scottante</i> (<i>delicate issue</i>), which is also used in the Italian language.
<i>Testa di cuoio</i>	<i>Specnaz</i>	The source language expression refers to police officers, whose uniform is characterized by a leather hat; the target language expression is an abbreviation of ‘ <i>voinskie podrazdelenie special’nogo naznachenija</i> ’ (<i>special purpose troops</i>). Therefore, the two expressions allude to the same military unit, but the second one does not keep the specific feature of the hat.
<i>All’acqua di rose</i>	<i>Poverkhnostnyj</i> (adjective)	In this case the equivalence is null. <i>Poverkhnostnyj</i> is a paraphrase of the Italian idiomatic expression, which conserves the source meaning of ‘superficial’.
<i>Alla bell’e meglio</i>	<i>Koe-kak</i>	The source expression refers to ‘something that is done in a rush and without too much attention’. There is no grammatical correspondence; however, both are adverbial locutions.
<i>Bustarella</i>	<i>Vzjatka</i>	Here, there is a full correspondence between Italian and Russian and both terms belong to the class of nouns and are characterized by diminutive suffixes. Moreover, the Russian term can be considered a noun derived from the verb <i>vzjat</i> ‘without the addition of any suffix. The meaning is ‘bribe’.
<i>Rompiscatole</i>	<i>Zanuda</i>	Also in this case, the two expressions are nouns and there is full correspondence; however, it should be noticed that the first term has euphemistic sense and is a compound, formed by two parts, <i>rompi</i> (from the verb <i>rompere</i> – <i>to break</i>) and <i>scatole</i> (<i>boxes</i>) that refer to ‘someone who is annoying’.
<i>Fare il burattino</i>	<i>Legkomyslennyj chelovek, vetrenik</i>	On a grammatical level, the Italian expression prefers the use of the construction with the verb <i>fare</i> (<i>to do</i>), whereas the Russian one uses the verb ‘to be+noun’ (<i>on - legkomyslennyj chelovek</i>). Moreover, <i>legkomyslennyj</i> is a compound of the adverb <i>legko</i> (<i>light</i>) and the adjective <i>myslennyj</i> (<i>minded</i>), so that <i>legkomyslennyj chelovek</i> is an empty-headed or frivolous person. This appears to be a different variation from the Italian one, where <i>burattino</i> is a marionette, thus it is the metaphor of a person who lacks personality or who is unreliable or manipulated by others. The metaphorical meaning hence falls apart in the Russian language.

Italian	Russian	Description
<i>A mio avviso</i>	<i>Po-moemu</i>	This partially saturated expression includes a possessive adjective in Italian, whereas it has a 'prepositional + dative' form in Russian. Their meaning is 'according to me'.
<i>In primo / secondo luogo</i>	<i>Vo-pervykh / vo-vtorykh</i>	(Firstly, secondly) Both languages have a preposition as first element; however, the Italian word <i>luogo</i> is missing in the target language (<i>at first</i>).
<i>Gli affari sono affari, I figli sono figli</i>	<i>Biznes est' biznes, deti est' deti</i>	The meaning of those expressions is 'business is business' and 'children are children'. The mentioned scheme 'definite article + noun + verb essere + (definite article) + noun', typical of the Italian language, is fully provided in Russian, except for the determinative article, which Russian lacks. Those structures are similar to another type of phraseological syntactic fixed constructions, called 'patterns with empty spaces' (Baranov, Dobrovol'skij, 2013: 86), which provide some fixed and free positions, saturated by lexical material used in a referential sense and generally subject to grammatical or semantic restrictions. An example of these phraseologisms-construction is "X – on i v Afrike X" (literally: 'X – anche in Africa è X'), where X has constant traits, independently on the situation, like in "krizis – on i v Afrike krizis" (<i>la crisi è crisi ovunque</i>), "rabota – ona i v Afrike rabota" (<i>il lavoro è lavoro ovunque</i>) (Baranov, Dobrovol'skij, 2013: 86). The idiomatic value in these cases is in the structure itself as a whole, regardless of the lexicon that completes it, and its meaning is unitary, as if it was a lexeme (Ramusino, 2018: 107).
<i>Disco fisso / rigido</i>	<i>Zhëstkij disk</i>	Those are calques of the English IT term (<i>hard disk</i>). They present equivalence of adjectives and nouns.
<i>Giacca a vento</i>	<i>Vetrovka</i>	It is interesting to notice that the Italian language prefers a locution constituted by 'noun + preposition + noun' where the Russian language adapts the noun from the word <i>veter</i> (<i>wind</i>). The meaning is 'wind breaker'.
<i>Donna delle pulizie</i>	<i>Uborshchica</i>	The same as above can be asserted about this expression. The Italian language has a 'noun + article + noun' form, and the Russian adjusts the term from the verb <i>ubirat'</i> (<i>tidy up</i>). The meaning is 'house cleaner'.
<i>Macchina da scrivere</i>	<i>Pishushchaja mashina</i>	While the Italian preposition 'da+infinitive' expresses the meaning of purpose, the Russian language adopts the adjective-participle form. The meaning is 'typewriter'.

Italian	Russian	Description
<i>Dopo di che / per lo più</i>	<i>Posle togo kak / chashche vsego</i>	These fixed structures are respectively conjunction and phrasal adverb, and, from a formal point of view, these phraseological materials are meant as spheres of irregular, idiomatic means of expression for grammatical relations. For this reason, they are represented as a combination of grammatical words (conjunctions, particles, prepositions, interjections, etc.) (Ramusino, 2018: 107; Baranov, Dobrovol'skij, 2013: 83). These translate as 'after' and 'mostly'.
<i>Essere alla disperazione</i>	<i>Byt' dovedënnij do otchajanija</i>	Both languages use the verb 'to be'; the Russian phraseologism uses a past passive participle with the meaning of 'to be driven to despair', the Italian uses a preposition and the meaning is 'to be in despair'.
<i>Aglio e olio / fante, cavallo e re</i>	<i>Chesnok i maslo / vatel, kon' i korol'</i>	In both cases there is a full correlation between the two languages (<i>garlic and oil, bishop, knight and king</i>).
<i>Tragica scomparsa</i>	<i>Tragicheskaja smert'</i>	(Tragic death) The term <i>scomparsa</i> is a euphemism for 'death'; however, the two languages preserve the 'adjective + noun' structure.
<i>Essere bello come una rosa</i>	<i>Byt' krasivym kak roza</i>	The equivalence is full in this case (<i>to be beautiful like a rose</i>).
<i>Chi dorme non piglia pesci</i>	<i>Bez truda ne vytashchit' i rybki iz pruda</i>	These proverbs are similar in that they both refer to the action of catching fish as a metaphor meaning 'nothing is reached without hard work'; in order to convey this meaning, the Italian expression uses the verb <i>dormire</i> (to sleep) to refer to people's inactivity, whereas the Russian one is more explicit with the terms <i>bez truda</i> (without any work). In addition, the Russian proverb completes the sentence with the figure of the pond as place where the fish is caught. An English equivalent might be 'The early bird catches the worm'.
<i>Il tempo è denaro</i>	<i>Vremja – den'gi</i>	Those constructions are akin to each other (<i>time is money</i>).
<i>Cogito ergo sum / de gustibus</i>	<i>Ja myslju, znachit sushchestvuju / o vkusakh ne sporjat</i>	In the Italian language both expressions maintain their Latin original forms, but Russian translates from Latin. English is 'I think therefore I am'.
<i>Come va</i>	<i>Kak dela</i>	It was asserted above that the illocutive performative acts constitute formularies; therefore, the Italian and Russian forms are oriented in the same

Italian	Russian	Description
		way with the same purpose. Notwithstanding, the difference between the two formulas is that the Italian act uses the verb <i>andare</i> (to go) and the Russian act uses the word <i>dela</i> (things). The meaning is ‘how are things’.
<i>Buon appetito</i>	<i>Prjatnogo appetita</i>	These are conversational acts (with the meaning of ‘enjoy your meal’) with full equivalence, despite the use of the genitive case in Russian.
<i>In bocca al lupo</i>	<i>Ni pukha ni pera</i>	There is no correspondence between these two expressions that wish one ‘good luck’.
<i>Vi dichiaro marito e moglie</i>	<i>Ob’javljaju vas muzhem i zhenoj</i>	The correspondence is full and the meaning is ‘I pronounce you husband and wife’.
<i>Per concludere</i>	<i>V zakljuchenie</i>	The two locutions (to conclude) present prepositions, but in Italian a verb is used, while Russian uses a noun.
<i>A proposito / distinti saluti</i>	<i>Kstati / s uvazheniem</i>	As conversational and epistolary messages (by the way and best wishes), they are fixed for each language, in the sense that each language presents its own grammatical characteristics.
<i>Pesce palla</i>	<i>Ryba-ëzh</i>	It is interesting to notice the different conceptualization of this kind of fish: in Italian it is identified as a ball, while in Russian as a hedgehog. In English it is called a ‘Puffer Fish’.
<i>Pellerossa</i>	<i>Krasnokozhij</i>	The equivalence is full and both <i>pellerossa</i> and <i>krasnokozhij</i> (redskin) are substantivized adjectives.
<i>Donna cannone</i>	<i>Zhenshchina – pushechnoe jadro</i>	In Russian <i>jadro</i> is a cannon ball, but still the two forms match. The phrase in English translates to ‘a [female] human cannonball’.
<i>Andare a zonzo</i>	<i>Brodit’</i>	As was already mentioned, the term <i>zonzo</i> exists exclusively in this expression; its meaning is that of wandering, that is the way it is transferred into the Russian language. English is ‘to go for a stroll’.
<i>Andare a ruba</i>	<i>Byt’ naraskhvat</i>	The only difference between the two expressions meaning ‘to go at a good price’, is in the verb forms (in Italian ‘ <i>andare</i> ’ – to go, in Russian ‘ <i>byt’</i> ’ – to be).
<i>Prendere quota</i>	<i>Nabrat’ vysotu</i>	The two languages present full correspondence (gain altitude).
<i>Prendere il sole</i>	<i>Zagorat’</i>	The source language uses an expression that might not be predictable, since the verb used is ‘to take’. The correspondence is null. However, in Italian language, another verb exists, that of <i>abbronzarsi</i> (to sunbathe), but it does not constitute a verbal locution.
<i>Prendere tempo</i>	<i>Ne toropit’sja</i>	The meaning of this expression is ‘take your time’. The Russian variant uses a negative construction and a verb with the meaning ‘to rush’.

On the basis of this analysis, it is possible to deduce that some Russian translations and adaptations do not belong to the same categories as Italian expressions. Some of them are just adjectives like *poverkhnostnyj* (*superficial*) which does not have any metaphorical meaning in contrast to the Italian expression *all'acqua di rose*. As far as the saturated expressions are concerned, in our opinion, the categorization is appropriate for Russian expressions, but more for the partially saturated ones than the lexically saturated, since the lexical variable element can be inserted and it changes according to the meaning that the speaker wants to give (*po-moemu*, *po-tvoemu*). However, it is worth keeping in mind that in Russian, the lexical variable element can be a possessive or a quantifier, but not a determiner. Indirect speech acts, clichés and proverbs also closely match the Italian equivalent. Some of the Russian expressions categorized as denominations of specific entities are actually part of this class (*zhěstkiy disk* and *pishushchaja mashina*), but others, being derivative forms of nouns or verbs, can rather be categorized as monomorphemes (*vetrovka* and *uborshchica* are, in this sense, closer to the examples of *vzjatka* and *zanuda*). On the other hand, the grammatical locutions (*dopo di che – posle togo kak*, *per lo più – chashche vsego*) present similarities, although they are irregular idiomatic expressions. The same cannot be asserted of the non-autonomous lexemes, which in Italian occur exclusively in certain kinds of locutions (*andare a zonzo*, *andare a ruba*). In Russian the correspondent forms (*brodit'*, *byt' naraskhvat*) are also used in other locutions and contexts.

Conclusion

In short, this examination has shown that the equivalence among the Italian and Russian phraseologisms can be full or partial, that translation and paraphrase processes can be applied to the target language in order to preserve the source metaphorical meaning, and, most of all, it underlined that the idiomatic meaning manifests itself through

phraseological units. The Italian and Russian theories presented above claim that Russian literature on phraseologisms is nowadays more focused on the cognitive aspects issued by metaphorical expressions. Casadei's study also arrives at the conclusion that transparency of the metaphorical motivation of the expression is the key to reinterpreting the relation between the form in its entirety and its overall meaning. Behind the stable vocabulary, there are physical, psychical and social situations that reflect cultural aspects. Therefore, expressions such as *tirare le cuoia* and *vuotare il sacco* are related to figurative perception and to mental representations that are innate in native speakers and they constitute part of the metaphorization process. Similarities, affinities and analogies are mental mechanisms that native speakers activate at a cognitive level. Through speech and experience, mental representations are issued and metaphors and phraseologisms are expressed.

Author contributions: the sections “Results”, “Findings and discussion” and “Conclusion” have been written by Alessandra Marabini; the sections “Introduction”, “Purpose of the Paper” and “Material and Methods of research” have been written by Anna Angela Mezzina.

References

- Baranov, A.N. and Dobrovol'skij, D.O., *Osnovy frazeologii: kratkij kurs* [A framework for phraseology: a short course], Moskva: Flinta Nauka, 2013, 312 p. (in Russian).
- Barkhudarov, L.S., *Yazyk i perevod*, [Language and translation], Moskva: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1975, 240 p. (in Russian).
- Benigni, V., Ramusino, P.C., Mollica, F. and Schafroth, E., How to apply CxG to Phraseology: a multilingual research project, *Journal of social sciences*, 11, №3, 2015, pp. 275-288 (in English).
- Cacciari, C. and Glucksberg, S., Imaging idiomatic expressions: literal or figurative meanings?, in Everaert, Martin et al (ed.). *Idioms: Structural and psychological perspectives*, Psychology Press, 1995, pp. 43–56 (in English).

Casadei, F., La semantica nelle espressioni idiomatiche [Semantics in idiomatic expressions], *Studi italiani di linguistica teorica e applicata*, 1, № 23, 1994, pp. 61-81. (in Italian).

Casadei, F., Per una definizione di “espressione idiomatica” e una tipologia dell’idiomatico in italiano [For a definition of “idiomatic expression” and a typology of idiomaticity in Italian], *Lingua e stile*, 2, № 30, 1995, pp. 335-358, Retrieved from: https://www.researchgate.net/publication/328134348_Per_una_definizione_di_espressione_idiomatica_e_una_tipologia_dell'idiomatico_in_italiano_in_Lingua_e_stile_30_2_1995_pp_335-58 (Accessed 11 July 2019) (in Italian).

Casadei, F., Flessibilità lessico-sintattica e produttività semantica delle espressioni idiomatiche: un’indagine sull’italiano parlato [Lexico-semantic flexibility and semantic productivity of idiomatic expressions: a study on spoken Italian], in Casadei, F., Fiorentino, G. and Samek-Lodovici, V. (ed.), *L’italiano che parliamo* [The Italian we speak], FARA, Santarcangelo di Romagna, 1996, pp. 5–15 (in Italian).

Cicalese, A., I composti polirematici con struttura N A N [Polirematic compounds with N A N structure], in D’Agostino, E. (ed.), *Tra sintassi e semantica. Descrizioni e metodi di elaborazione automatica della lingua d’uso*. [Between syntax and semantics. Descriptions and methodologies of automated data processing of spoken language], Edizioni Scientifiche Italiane, Napoli, 1995, pp. 329–349 (in Italian).

Dardano, M. and Trifone, P., *La nuova grammatica italiana* [The new Italian grammar]. Bologna, Zanichelli, 1997, 768 p. (in Italian).

Dobrovolskij, D.O., Grammatika Konstruktsij i Frazеologija [Construction Grammar and Phraseology], *Voprosy jazykoznanija*, RAN, №3, 2016, pp. 7-21 (in Russian).

Iordanskaja, L.N., Tipy frazem [Types of phrasemes], in Iordanskaja, L.N. and Melchuk, I. A. (ed.), *Smysl i sochetajemost’ v slovare* [Meaning and combinability in dictionaries], Jazyki slavjanskikh kul’tur, Moscow, 2007, pp. 215-245 (in Russian).

Korobejnikova, V.E., Funktsionirovanie frazeologicheskikh edinits v khudozhestvennom diskurse i osobennosti ikh perevoda na russkij jazyk [Functioning of phraseological units in the artistic discourse and specificity of their translation into Russian language], *Uralskij*

gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet, Yekaterinburg, 2017, 69 p. (in Russian).

Kunin, A. V., *Anglijskaja frazeologija (teoreticheskij kurs)* [English phraseology: a theoretical course], Moscow: Vysshaja shkola, 1970, 344 p. (in Russian).

Lingvisticheskij entsiklopedicheskij slovar’, V.N. Yartseva (ed.), Moscow: Sovetskaja Entsiklopedija, 1990, 685 p. (in Russian).

Masimova, L., Concept of phraseological units. Functional, structural and semantic classification of phraseological units, *World Science*, 8, № 6 (34), 2018, pp. 11-14. Retrieved from:

https://doi.org/10.31435/rsglobal_ws/12062018/5885 (Accessed 11 July 2019) (in English).

Melchuk, I. A., Phrasemes in language and phraseology in linguistics, in Everaert, Martin et al (ed.). *Idioms: Structural and psychological perspectives*, Psychology Press, 1995, pp. 167-232 (in English).

Moon, R., Time and idioms, in Snell-Hornby, M. (ed.), *ZurILEX ‘86 Proceedings*, Tübingen: A. Francke, 1988, pp. 107-115 (in English).

Naciscione, A., *Stylistic use of phraseological units in discourse*, Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2010, 308 p. (in English).

Ramusino, P.C., “Kuda by tebjа ni zaneslo...”. Connettivi concessivi o fraseologismi sintattici? [“Kuda by tebjа ni zaneslo...”. Concessive Conjunctions or Syntactic Idioms?], in Ferro, M.C, Salmon, L. and Ziffer, G. (ed.), *Contributi italiani al XVI Congresso internazionale degli Slavisti*, Firenze University Press, 2018, pp. 107-119 (in Italian).

Shanskij, N.M., *Frazeologija sovremenogo russkogo yazyka* [The Phraseology of Contemporary Russian Language], Moscow: Vysshaja shkola, 1963, 156 p. (in Russian).

Strassler, J., *Idioms in English: a pragmatic analysis*, Tübingen: Gunter Narr, 1982, 160 p. (in English).

Telija, V.N., Ob’em frazeologii i tipy ee edinits [Volume of phraseology and types of phraseological units], in Telija V.N (ed.), *Russkaja frazeologija. Semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokulturologicheskij aspekty* [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects], Shkola «Yazyky russkoj kul’tury» Moscow, 1996, pp. 56-84 (in Russian).

Vietri, S., *Lessico e sintassi delle espressioni idiomatiche. Una tipologia*

tassonomica dell'italiano [Lexicon and syntax of idiomatic expressions. A taxonomic typology of Italian language] Napoli: Liguori, 1985, 534 p. (in Italian).

Zubkova, O.S., Medicinskaja metafora kak rezultat kulturnoj fiksacii v medicinskoj terminologii [The medical metaphor as a result of cultural fixing in medical terminology], *Vestnik Leningradskogo Gosudarstvennogo Universiteta Imeni A.S. Pushkina*, №5 (19), 2008, pp. 127–135 (in Russian).

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author have no conflict of interest to declare.

Anna Angela Mezzina, Assistance Lecturer, Department of Letters, Language, Arts, Italian Studies and Comparative Cultures, University of Bari Aldo Moro

Alessandra Marabini, Assistance Lecturer, Department of German and French Languages, Belgorod State National Research University

РАЗДЕЛ II. СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ
SECTION II. COMPARATIVE LINGUISTICS

УДК 811-11

DOI: 10.18413/2313-8912-2020-6-3-0-6

Будаев Э. В.

Кино как сфера-источник прецедентных имен
в СМИ Великобритании (2010-2019 гг.)

Российский государственный
профессионально-педагогический университет
ул. Машиностроителей, д. 11,
Екатеринбург, 620012, Россия
E-mail.ru: aedw@mail.ru
ORCID id: 0000-0003-2137-1364

*Статья поступила 29 июня 2020 г.; принята 5 сентября 2020 г.;
опубликована 30 сентября 2020 г.*

Аннотация

В статье рассматриваются прецедентные имена из сферы-источника «Кино», функционирующие в СМИ Великобритании. Материал исследования – 300 прецедентных имен, использованных британскими печатными СМИ (The Guardian, The Times, The Daily Mail, The Daily Telegraph, The Independent) в 2010-2019 гг. Методы исследования – когнитивно-дискурсивный анализ, лингвокультурологическое описание. Сделан вывод о том, что сфера-источник «Кино» относится к самым востребованным источникам прецедентности в СМИ Великобритании, при этом британские журналисты отдают предпочтение онимам, широко известным не только в Великобритании, но и во всем мире благодаря американскому кинематографу. Рассмотренные примеры разделяются на ПИ, восходящие к именам реальных персоналий (актеров, режиссёров), и ПИ, апеллирующие к именам вымышленных персонажей – героев кинофильмов и мультфильмов. Имена первой группы служат эталоном успеха, красоты, славы и мастерства (Brad Pitt, Leonardo DiCaprio, Johnny Depp, Richard Gere, Steven Spielberg). Во второй группе ПИ разделяются на онимы, несущие пейоративные (Darth Vader, Joker, Terminator) или мелиоративные (Batman, Superman, Indiana Jones, Obi Wan Kenobi, Princess Leia) коннотации в зависимости от характеристик кинообраза. Еще одна особенность прецедентных имен из сферы-источника «Кино» в диффузности границы между культурно-специфичными и универсальными онимами. Так как в мировой популярной культуре доминирует англоязычное кино, наиболее востребованные в британских СМИ онимы широко известны не только в Великобритании, но и во всем мире.

Ключевые слова: прецедентное имя; прецедентные феномены; интертекстуальность; СМИ Великобритании; кино; когнитивный анализ; метафора; дискурс СМИ.

Информация для цитирования: Будаев Э.В. Кино как сфера-источник прецедентных имен в СМИ Великобритании (2010-2019 гг.) // Научный

результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2020. Т.6, N 3.
С. 72-84. DOI: 10.18413/2313-8912-2020-6-3-0-6

Eduard V. Budaev

**Cinema as a source domain of precedent names
in the UK mass media (2009-2019)**

Russian State Vocational Pedagogical University
11 Mashinostroitelei St.,
Yekaterinburg, 620012, Russia
E-mail.ru: aedw@mail.ru
ORCID id: 0000-0003-2137-1364

Received 29 June 2020; accepted 5 September 2020; published 30 September 2020

Abstract

The paper deals with precedent names derived from a source domain “Cinema” in the mass media of the UK. The data of research include 300 precedent names used in UK press (The Guardian, The Times, The Daily Mail, The Daily Telegraph, The Independent) in 2010-2019. The methods of research include: cognitive analysis of discourse, linguistic and cultural analysis. It is argued that the source domain “Cinema” is one of the most popular sources of precedent names in the UK media. The research provides evidence for the fact that British journalists are inclined to refer to onyms associated with American cinema widely known not only in the UK, but around the world. The considered onyms are divided into two groups: precedent names of real personalities (actors, directors) and precedent names of fictional characters (characters of films and cartoons). The precedent names of the first group serve as a pattern of success, beauty, fame and skill (Brad Pitt, Leonardo DiCaprio, Johnny Depp, Richard Gere, Steven Spielberg). The precedent names of the second group are divided into onyms that carry pejorative (Darth Vader, Joker, Terminator) or meliorative (Batman, Superman, Indiana Jones, Obi Wan Kenobi, Princess Leia) connotations depending on the characteristics of the film image. Another feature of precedent names from the source domain “Cinema” is the diffusion of the border between culturally specific and universal onyms. Since English-language cinema dominates in the world’s popular culture, the onyms most in demand in the British media are widely known not only in the UK, but throughout the world.

Keywords: precedent name; precedent phenomena; intertextuality; British mass media; cinema; cognitive analysis; metaphor; mass media discourse

How to cite: Budaev E.V. (2020). Cinema as a source domain of precedent names in the UK mass media (2010-2019). *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, 6(3), 72-84, DOI: 10.18413/2313-8912-2020-6-3-0-6

Введение

Отличительной чертой современной массовой коммуникации является активное использование прецедентных имен (ПИ) (Богоявленская, Чудинов, 2015; Будаев, Нахимова, Чудинов, 2019; Гудков, 2020; Зырянова, 2016; Ибрагим, Дарвиш

2013; Иванова, Чанышева, 2014; Нахимова, 2011 и др.). Согласно определению В. В. Красных, прецедентное имя (ПИ) – «индивидуальное имя, связанное или с широко известным текстом (например, Печорин, Теркин) или с прецедентной ситуацией (например, Иван Сусанин,

Стаханов). Это своего рода сложный знак, при употреблении которого в коммуникации осуществляется апелляция не к собственно денотату (в другой терминологии – референту), а к набору дифференциальных признаков данного ПИ» (Красных, 2002: 172). В отличие от других прецедентных феноменов ПИ хранятся в когнитивной базе как вербальный феномен, а также как совокупность дифференциальных признаков и атрибутов, которые и делают его прецедентным. Схожее понимание ПИ предложено Д. Б. Гудковым в «Словаре лингвокультурологических терминов»: «прецедентное имя – «воплощенное» имя собственное, связанное с широко известным текстом, ситуацией и/или фиксированным комплексом определенных качеств способное регулярно употребляться денотативно (интенционально), выступая в роли семантического предиката» (2017: 114).

В зарубежной лингвистике не используется понятие прецедентных феноменов, что не означает, что сам феномен не изучается. В научных публикациях на немецком языке используется термин *Namenmetaphern*, который можно считать аналогом ПИ, только *Namenmetaphern* описываются не как когнитивные структуры, имеющие корреляты в языке и речи, а как обычные языковые метафоры. В качестве примера можно привести исследование Петры Эвальд, посвященное изучению «имен-метафор» в немецкой прессе (Ewald, 2014).

В англоязычном научном дискурсе случаи коннотативного употребления прецедентных имен описываются с помощью понятия *intertextual metaphors* (Kennedy, 2000). Вместе с тем такие примеры обычно рассматриваются как метафоры, которые по механизму семантического сдвига не отличаются от метафор, выраженных именами нарицательными. Случаи же денотативного употребления прецедентных феноменов рассматриваются в контексте

исследования интертекстуальности в целом, что более подробно рассмотрено в специальном исследовании (Теория и методика 2016).

Высокая востребованность коннотативного употребления прецедентных имен в СМИ обусловлена тем, что метафорический антропоним позволяет задействовать широкий спектр функций с помощью небольшого количества средств в плане выражения. В этом спектре выделяются парольная (Гудков, 2003), интеллектуализирующая (Драпалюк, 2010), людическая (Рогозина, 2009), суггестивная (Саблукова, 2014), манипулятивная (Салахова, Грачева, 2016), прагматическая (Гришаева, 2008), эстетическая, гипертекстовая и компрессионная (Чернобров, 2009) функции. Прецедентные имена выполняют значимую роль в формировании доминанты идиостиля (Нахимова, Чудинов, 2016), приращении смысла (Орехова, 2013), оценке (Качалова, 2010), создании языковой игры (Радченко, 2013) и др.

Прецедентные имена относятся к основным факторам выражения культурного своеобразия концептуальной картины мира, поэтому понимание особенностей функционирования прецедентных имен является необходимым условием для осмысления специфики национального менталитета определённого лингвокультурного сообщества, что способствует успешному межкультурному взаимодействию. Последняя задача представляется особенно актуальной в контексте последних политических событий, свидетельствующих о новом витке ухудшения отношений между Россией и Великобританией.

Материал и методика исследования

Материалом для настоящего исследования послужили 300 контекстов, содержащих случаи употребления прецедентных имен, в СМИ Великобритании за период 2009–2019 гг. Во внимание принимались только

примеры коннотативного употребления ПИ, потому что оним становится прецедентным с того момента, как фиксируется его метафоризация.

Можно выделить две основные методики анализа коннотативного употребления ПИ:

1) методика исследования ПИ, объединяемых сферой-источником;

2) методика исследования ПИ, объединяемых сферой-мишенью.

1. Методика исследования ПИ, объединяемых сферой-источником. Данная методика исследования ПИ подразумевает выбор определённой сферы-источника прецедентности и изучение примеров всех ПИ, объединяемых выбранной сферой-источником, в текстах СМИ. К настоящему моменту исследования ПИ в российских СМИ с применением такого подхода проведены на примере сфер-источников «Монархи» (Нахимова, 2009), «Немецкая философия» (Быкова, 2012), «Литература» (Боярских, 2008), «Русская классическая литература» (Наумова, 2017), «Политика» (Будаев, Щербинина, 2020), «Библия» (Пыстина, 2016).

Иногда в качестве сферы-источника может служить вся совокупность ПИ определённой культуры, т.е. исследователь фиксирует ПИ, относящиеся к одной культуре. Например, «Немецкоязычная культура» как сфера-источник прецедентных феноменов в современных российских печатных СМИ рассмотрена в диссертации Л. В. Быковой (2009).

2. Методика исследования ПИ, объединяемых сферой-мишенью. Данная методика исследования подразумевает анализ ПИ, задействованных для описания определённого концепта. Методика используется в тех случаях, когда необходимо изучить особенности осмысления определённого фрагмента действительности, но исследователь не знает, какие сферы-источники ему предстоит анализировать. Определение сфер-источников, актуализированных в СМИ

для описания некоторой сферы-мишени, и их анализ являются при таком подходе основными задачами (Богданович, Нахимова, Сегал, 2019; Мещерякова-Клабахер, 2016; Сипко, 2019).

В настоящей работе используется методика исследования ПИ, объединяемых сферой-источником «Cinema».

Анализ материала

Как показал анализ, данная семантическая сфера относится к числу самых востребованных источников прецедентности в современных СМИ Великобритании (2010-2019 гг.) (27 % от общего корпуса примеров прецедентных имен).

Сфера-источник «Cinema» представлена двумя группами онимов: именами реальных персоналий – актеров и режиссеров (Brad Pitt, Carrie Bradshaw, George Clooney, Arnold Schwarzenegger, Marilyn Monroe, Steven Spielberg и др.) и именами вымышленных персонажей – героев кинофильмов (мультфильмов) (Bridget Jones, Indiana Jones, Terminator, Harry Potter, Superman и др.). Рассмотрим подробнее эти примеры. Ср.:

Brad Pitt – прецедентное имя, которое связано с представлениями об очень популярном человеке, чье появление неизменно вызывает восторг окружающих. Примечательно, что данное ПИ может употребляться не только для обозначения популярного мужчины. В приведенном контексте речь идет о женщине, которая чувствует себя такой же популярной, как и известный американский актер. Ср.:

New York. Two months ago she attended her first book launch. "I wandered into this room and there were people screaming. I felt like Brad Pitt." (The Time, 12 April 2015).

Вместе с тем Брэд Питт – прецедентное имя, ассоциативно связанное с представлениями об идеальном мужчине. В заголовке следующей статьи, посвященной женской аудитории, которая мечтает найти себе красивых, успешных и состоятельных партнеров, даются

практические советы о том, как добиться внимания и расположения подобных «Брэдов Питтов». Ср.:

How to find your own Brad Pitt (The Times, 9 April 2011).

Схожие смыслы привносит имя другого голливудского актера – George Clooney. Это прецедентное имя ассоциируется с образом харизматичного человека с яркой внешностью. Употребление ПИ George Clooney направлено на актуализацию признаков красивого и успешного человека, о чем, по замыслу автора следующего контекста, мечтает любой человек. Ср.:

“Would you like to find a remedy for global warming? Of course you would! What about unraveling the mystery of dark matter? Sure, why wouldn’t you? But let’s be honest. Hands up: is there anyone who wouldn’t like to be George Clooney?” (The Guardian, 2 November 2015).

Donald Berwick doesn’t look much like George Clooney. But to a White House with a healthcare system to manage, the good doctor must have seemed like a gift sent straight from the set of ER. He ticked every box: paediatrician, Harvard professor, devoted husband who had supported his own wife through illness (The Daily Mirror, 3 August 2015).

Carrie Bradshaw – прецедентное имя, обозначающее остроумную, самодостаточную и привлекательную женщину, которая никогда не отчаивается и сохраняет чувство юмора в любой ситуации. К. Брэдшоу хорошо разбирается в модных трендах и вещах, особенно в модной обуви. Имя героини получило широкую известность благодаря сериалу «Sex and the City» и стало использоваться для характеристики успешной и независимой женщины. Ср.:

“I have decided to play the role in the style of Carrie Bradshaw. As such, I am wearing a seasonally inappropriate outfit, have positioned my laptop in front of the window, and will now proceed to strike pensive poses while trying desperately to help

myself from wondering (The Time, 3 March 2015).

ПИ персонажей фильмов из сферы-источник «Cinema» употребляются в британских СМИ, как правило, в период популярности первоисточника. Так как подавляющее число популярных фильмов снимается в США, неудивительно, что в прессе Великобритании используются ПИ из американских кинофильмов. Вместе с тем некоторые ПИ входят в фонд британских ПИ и регулярно актуализируются в СМИ. Среди них можно отметить ПИ Bridget Jones (Бриджит Джонс), источником которого послужил фильм «Дневник Бриджит Джонс» (Bridget Jones's Diary), который в свою очередь является экранизацией одноименной книги британской писательницы Х. Филдинг. Главная героиня – девушка, страдающая от комплекса полноты, что вместе с тем не мешает ей пользоваться успехом у мужчин. В приведенном контексте речь идет о том, что реальная женщина похожа на Бриджит Джонс, а не на героиню с обложки глянцевого журнала, о чем современным женщинам нужно почаще вспоминать. Таким образом, данное ПИ выполняет по замыслу авторов подобных текстов психотерапевтическую функцию. Ср.:

The reason Bridget is such a sexy little minx is because she looks like a real woman ... Bridget Jones is not merely a fat cow. She cares about her weight, but not too much. We are so accustomed to seeing women who do not look very real - women who are starved to perfection for the cover of Vogue or worn to a frazzle in the gym – that we have almost forgotten what a real woman looks like. A real woman looks like Bridget Jones (The Guardian, 26 Apr 2011).

Другой дифференциальный признак ПИ Bridget Jones – одинокая женщина, которая в определённый момент решает, что пора найти себе партнера, но понимает, что это непросто сделать. Примечательно, что реализация данного признака необязательно подразумевает

женщину в сфере-мишени метафорического переноса. В следующем контексте концепт сферы-мишени – принц Гарри. Ср.:

Is Prince Harry the new Bridget Jones? There's a new tabloid narrative for the playboy prince – that he's a lonely singleton who just wants to have babies. Is he a hapless victim or does he know exactly what he's doing? <...> Now, Prince Harry is the male Bridget Jones <...> He certainly feels like Bridget Jones this. He has laid it all out and said, 'I'd like to find somebody.' <...> Prince Harry has often made frank declarations about his emotional life (he previously told Hello magazine it was hard to find a partner.) He says things that Bridget Jones would say: he once told an interviewer he was "100% single", suggesting not only extreme loneliness and a Jonesian eagerness to advertise availability, but also a willingness to see singledom as something that exists on a spectrum (The Guardian, 12 May 2015).

Еще один признак рассматриваемого ПИ – женщина, которая пьет от одиночества и часто попадает в комичные ситуации на публике. Ср.:

Like Bridget Jones, Harry sometimes drinks too much and makes a fool of himself in front of people (The Guardian, 12 May 2015).

Pity the performer who shares a stage with her. Blonde and bright-eyed with a sparkling voice to match, the 30-year-old soprano burst on to the scene as a Bridget Jones-esque Poppea – drunkenly stripping to her scanty underwear. She has proved an effortless scene-stealer ever since, whether vamping up Handel or playing tragic Purcell to perfection (The Daily Mirror, 19 June 2015).

Наконец, ПИ Bridget Jones может символизировать женщину, которая, устав от одиночества, в конце концов способна изменить свою жизнь, несмотря ни на что прийти к счастливому финалу и личному счастью. В этом контексте ПИ Bridget Jones связано с прецедентной ситуацией,

сформированной в сознании зрителей под воздействием кинофильма. Ср.:

The Bridget Jones effect: how life has changed for the single woman (The Guardian, 20 Dec 2013).

В отличие от Bridget Jones прецедентное имя Dart Vader обладает выраженными пейоративными коннотациями. Дарт Вейдер – ведущий антагонист в серии фильмов «Звездные войны» (Star Wars), воплощающий зло и жестокость. Данное ПИ хорошо известно современному зрителю по всему миру, поэтому прецедентное имя Dart Vader обладает чертами универсально-прецедентных феноменов. Опираясь на знание сюжета кинофильма, журналист активизирует не только концептуальные признаки прецедентного имени, но и смежные когнитивные структуры, к которым относится динамический фрейм, характерный для поведения Дарта Вейдера при столкновении с инакомыслием: принуждение тех, кто не хочет добровольно подчиняться злой воле и принять «новый порядок» или полное уничтожение непокорных. Для усиления прагматического эффекта в СМИ используется сравнение признаков данного ПИ с определенным политиком, который представляется носителем более ярких черт характера по сравнению с кинематографическим эталоном зла. Подобные контексты были особенно востребованы при описании Д. Трампа. В следующем примере автор дополняет образ Трампа-Вейдера ПИ Jabba the Hutt, символизирующим главаря бандитов, обладающего мерзким внешним видом. Это сочетание позволяет приносить негативные смыслы в оценку не только президента США, но и тех политиков, с которыми Д. Трамп пытается наладить сотрудничество. Ср.:

The Donald, like the Darth, is backed by an alarmingly large army of white guys with guns. But the real estate mogul doesn't want to get into any wars; Vader is fairly obsessed with taking real estate by force. He

invaded Hoth, put a base on the forest moon of Endor over the protests of the locals, and propped up a puppet baron, Lando Calrissian, to run the gas mines of Bespin. Trump approves of working with autocrats, at least, and would probably make fast friends with the galaxy's less reputable leaders – especially those who share his interests, eg crimelord Jabba the Hutt, who lives in an ostentatious palace, loves parties, demeans women and feeds a literal Rancor (The Guardian, 18.12.2015).

Еще один признак ПИ Dart Vader связан с тем, что данный киноперсонаж изначально был представителем сил добра, но перешел на сторону темных сил. Это знание используется в СМИ для концептуализации демократов в США в качестве сил добра, которые Д. Трамп покинул, примкнув к консерваторам-республиканцам, которые олицетворяют темные силы. Ср.:

Vader was a Jedi who slipped to the dark side. Trump was a liberal who morphed into a conservative (The Guardian, 18.12.2015).

Дарт Вейдер в фильме имеет специфичное одеяние – черный плащ и черный блестящий шлем, напоминающий по форме каски солдат фашистской Германии. Неудивительно, что такой внешний образ дает основания для метафорического переноса особенно в контексте проблемы неонацистских настроений. Ср.:

A man dressed like Darth Vader who stabbed an assistant teacher and pupil to death at a school with a high proportion of immigrant students was a suspected neo-Nazi (The Times, 23 October 2015).

Противником Дарта Вейдера является Оби-Ван Кеноби – рыцарь-джедай, который ведёт отшельнический образ жизни. В одном из эпизодов он приходит на помощь принцессе Лейле в тот момент, когда кажется, что потеряны уже все надежды. Таким образом, данное ПИ служит номинацией для последней надежды. В следующем примере речь идет

о футбольном клубе Эвертон, который сравнивают с Оби-Ван Кеноби, потому что это единственный английский клуб, который на тот момент продолжил борьбу в Европейской футбольной лиге и на который болельщики возложили оставшиеся надежды на победу. Ср.:

Suddenly, like Obi Wan Kenobi to Princess Leia, Everton look like Britain's only hope in the Europa League. Celtic have been knocked out by Inter, while Spurs have contrived to lose to Fiorentina (The Guardian, 26 Feb 2015).

В другом примере ПИ Obi Wan Kenobi используется в переносном смысле для описания внешнего вида героя статьи, который в подростковые годы был стеснительным и все время испытывал желание спрятать себя, поэтому надевал на себя так много одежды, что был похож на отшельника-джедая. Ср.:

My next phase was shapeless clothes from Ghost. I was desperately insecure about my body. Why? Women are. I was so unhappy during my adolescence that I wanted to hide myself all the time. That hit its pitch at university. I was so covered up then I looked like Obi-Wan Kenobi (The Guardian, 10 June 2009).

Arnold Schwarzenegger – прецедентное имя, которое ассоциируется с физически сильным человеком, который не останавливается, пока не достигнет цели. Во многом образ Шварценеггера переплетается с образом киногероя Терминатора, робота-киборга, задача которого, убивать людей, представляющих угрозу глобальному искусственному интеллекту. Данное ПИ тесно связано прецедентным высказыванием Терминатора *I'll be back*. Благодаря большой популярности фильма ПИ Schwarzenegger получило распространение в британских СМИ. В следующем примере обыгрывается данная фраза, которую Мартин Йол, новый тренер «Фулхэма» произнес перед уходом из премьер-лиги. Ср.:

I said that when I left, like Arnold Schwarzenegger I will be back, and I am back (The Times, 30 November 2015).

Рассматриваемый образ Шварценеггера-Терминатора стал своеобразным типажом для ролей подобного рода, поэтому другие артисты, напоминая по амплуа Шварценеггера, описываются с помощью данного ПИ. Ср.:

Let's rock! Why Dwayne Johnson is the new Schwarzenegger. The action hero dominates the box office, with his new film Skyscraper set to soar. From his apolitical attitude to his everyman heritage, we explore the magic behind the muscle (The Guardian, 7 Jan 2020).

ПИ Superman восходит к герою американских комиксов, фильмов и мультфильмов. Данное ПИ связано с образом героя, который обладает большим набором сверхспособностей: непробиваемость (тело Супермена прочно), иммунитет ко всем болезням и ядам, суперсила (способен передвигать гигантские объекты и наносить удары огромной мощи), супервыносливость (при условии подпитки солнечной энергией), самоисцеление, способность летать в воздухе и в космосе, сверхскорость, «рентгеновское» зрение (способность смотреть сквозь любые предметы, кроме свинца), микроскопическое зрение, телескопическое зрение, инфракрасное и ультрафиолетовое зрение, суперслух, невероятные умственные способности (может выучить новый язык за пару часов) и т.п. Таким образом, Супермен – человек, который способен решить любую проблему, даже самую сложную и на первый взгляд невыполнимую. Ср.:

He does not pretend on the role of Superman in our society (The Independent, 8 November 2015).

Marilyn Monroe – прецедентное имя, связанное с образом сексуальной блондинки, которая хотела быть не только привлекательной актрисой. В данном примере обыграна апелляция к имени

известной киноактрисы с присущими ей качествами. Ср.:

However, she insisted, LaBeouf's stunts are more meaningful than the hip-hop star's antics. "It's like Marilyn Monroe," she mused. "She wanted to be more than an actress. Shia's gone from being an actor to something else ... He's this weird figure now" (The Daily Mirror, 2 March 2016).

Batman – имя вымышленного супергероя, ставшее популярным благодаря комикса, фильмам, мультфильмам. Бэтмен обладает чертами сильного и смелого героя, посвятившего всю свою жизнь борьбе с преступностью. Этот признак ПИ становится основанием для метафорического осмысления реальных или кинематографических героев, обеспечивающих правопорядок. Ср.:

Will Smith explains how his character could become the next Batman (The Time, 4 April 2015).

В следующем примере с помощью прецедентного имени Indiana Jones, связанного с имевшей большой успех серий фильмов, создается собирательный образ героя приключенческой жизни, обладающего главными отличительными чертами внешности: шляпа и кнут, а также любовью к преодолению опасностей. Ср.:

You ride through the jungle on elephant back in fedora and leather jacket, crossing the river on a suspension bridge, sail up the Mekong, find lost temples and – just feel like Indiana Jones (The Guardian, 4 November 2015).

Прецедентное имя режиссёра Стивена Спилберга (Steven Spielberg) обладает дифференциальными признаками «профессионал» и «высокое качество работы». Данные признаки актуализируются в следующем примере. Ср.:

There's still a lot of love for Roald Dahl's stories, and this one is being adapted by none other than man like Steven Spielberg (The Independent, 5 Nov 2015).

Прецедентное имя Leonardo DiCaprio является символом мужественности, идеалом проявления мужской

привлекательности, силы и brutality. В приведенном контексте женщина рассуждает о том, что неизвестно, каков на самом деле Леонардо Ди Каприо, но все хотели бы иметь парня, похожего на Леонардо. Ср.:

What is Leonardo DiCaprio like in real life? Really couldn't say for sure, but ratings is available. I think everyone of us want to have boy like Leonardo DiCaprio (The Guardian, 8 April 2015).

Схожие смыслы привносит ПИ Johnny Depp, апеллирующее к внешней привлекательности и очарованию известного актера. Вместе с тем за этой привлекательностью часто скрывается странность, экстравагантность, а в некоторых случаях истеричность и чрезмерная чувствительность. Основанием для метафоризации при употреблении данного ПИ являются или внешнее сходство, или особенности поведения. Ср.:

Excuse me, but as landlord of this establishment, I do believe it is your duty to let me know when you're hoarding Johnny Depp in geek form on your property (The Time, 3 October 2015).

Считается, что Ричард Гир покоряет женские сердца улыбкой, природным обаянием и прекрасными внешними данными. В следующем контексте ПИ *Richard Gere* используется для актуализации этих характеристик. Ср.:

'Stop, stop! You've got caught in the Richard Gere! (The Independent, 30 November 2015).

Актриса Кира Найтли (Keira Knightley) широко известна ролью в фильме «Пираты Карибского моря». Вместе с тем данное ПИ востребовано для обозначения стройной юной девушки. Ср.:

'Then I turned round and saw 'it'. It (a dress) was just hanging there, on the shelf full of staff to be taken back into the store. Obviously one of the Keira Knightley esquire teens had tried it one and nearly drowned in it ... but for me...' (The Time, 1 February 2015).

Jackie Chan – прецедентное имя, связанное со знаменитым китайским актером, прославившимся своими каскадёрскими трюками в фильмах комедийного жанра. Джеки Чан вошел в книгу рекордов Гиннеса, как актер, исполнивший наибольшее количество трюков, многие из которых отличаются комичностью и высокой скоростью исполнения. Данное ПИ может использоваться для обозначения актеров, обладающих схожим каскадерским и актерским мастерством. Ср.:

And the journalists even called him the catchy nickname of "Jackie Chan" for the ability to work on the screen the hands, feet and other parts of the body. (The Time, 7 September 2015).

Некоторые ПИ, которые восходят к сфере-источнику «Кино», находят довольно неожиданное применение в британских СМИ. Например, *Audrey Hepburn* (Одри Хепбёрн) – британская актриса и фотомодель, признанная звезда Голливуда, которая занимает третье место среди величайших актрис США по данным Американского института киноискусства. В следующем заголовке автор задается вопросом, не является ли Анжелина Джоли новой Одри Хепберн. Ожидаемая ссылка на красоту или талант Одри Хепберн не оправдывается. Автор реализует эффект обманутого ожидания, поясняя, что О. Хепберн была брошенной дочерью помешанного на фашизме фаната Гитлера, который тратил все силы на деятельность в Британском союзе фашистов в 30-е гг., а отец А. Джоли также придерживался праворадикальных взглядов, что и послужило основанием для использования данного ПИ. Ср.:

Is Angelina Jolie the new Audrey Hepburn or Elizabeth Taylor? Like Hepburn, she is the estranged daughter of a rightwing nutcase, Audrey's Hitler-fancying pater having dived headlong into the British Union of Fascists in the 30s, while Jolie's dad Jon Voight has long since sailed off the rightward

edge of the Earth (The Guardian, 4 December 2010).

Вместе с тем для ПИ Audrey Hepburn характерны и традиционные смыслы – молодая и красивая актриса, которая быстро достигает успеха в Голливуде. Ср.:

Meet the new Audrey Hepburn. Janssen was actually born in Holland, and came from Amsterdam to work as a model in the US in her early 20s. In some respects, she's a modern version of Audrey Hepburn - another Dutch model who broke into Hollywood (The Guardian, 4 December 2011).

Заключение

Сфера-источник «Кино» является наиболее востребованным источником прецедентности в СМИ Великобритании (27 % от общего корпуса примеров ПИ). Кино относится к популярным видам развлечения (в отличие от России, где кино принято относить к категории искусства, в англосаксонской традиции кино относится к категории «entertainment» – «развлечение»), по этой причине оно служит первостепенным источником для формирования картины мира зрителей, предлагает образцы для осмысления действительности и поведения.

Рассмотренные онимы разделяются на ПИ, восходящие к именам реальных персоналий (актеров, режиссёров), и ПИ, апеллирующие к именам вымышленных персонажей – героев кинофильмов и мультфильмов.

Имена первой группы служат эталоном успеха, красоты, славы, мастерства (Brad Pitt, Leonardo DiCaprio, Johnny Depp, Richard Gere, Steven Spielberg). Молодых актрис и актеров называют именами их коллег, достигших успеха в киноиндустрии и считающихся образцом таланта в своей профессии. Нередко это сравнение отрицательное – журналисты используют ПИ успешного актёра для номинации начинающего актёра, чтобы создать контраст между двумя личностями и подчеркнуть, что сравниваемый актер еще далек от

мастерства кинозвезды, принятого за эталон.

Во второй группе ПИ разделяются на онимы, несущие пейоративные (Darth Vader, Joker, Terminator и др.) или мелиоративные (Batman, Superman, Indiana Jones, Obi Wan Kenobi, Princess Leia и др.) коннотации в зависимости от характеристик кинообраза. Вместе с тем дискурсивные факторы способны преломлять признаки в конкретных контекстах так, что мелиоративные ПИ приносят негативные коннотации в осмысление концептов сферы-мишени.

Закономерно, что британские журналисты отдают предпочтение прецедентным именам, связанным с американским кинематографом, потому что данные ПИ хорошо известны адресатам британских СМИ. Более того, граница между культурно-специфичными и универсальными ПИ из сферы-источника «Кино» размыта, так как в мировой популярной культуре доминирует англоязычное кино и наиболее востребованные в британских СМИ онимы широко известны не только в Великобритании, но и во всем мире.

Список литературы

Богданович Г. Ю., Нахимова Е. А., Сегал Н. А. Библиейские мотивы как источник формирования медийного образа Крыма // Язык и культура. 2019. № 47. С. 8–20.

Богоявленская Ю. В., Чудинов А. П. Функционирование прецедентных высказываний во французском медиадискурсе // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2015. № 29. С. 20–35.

Боярских О. С. Прецедентные феномены со сферой-источником "Литература" в дискурсе российских печатных СМИ (2004–2007 гг.): автореферат дис. ... кандидата филологических наук / Ур. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2008.

Будаев Э. В., Чудинов А. П., Нахимова Е. А. Буратино как прецедентный феномен в российских СМИ // Детская книга как институт социализации: «золотой ключик» к миру взрослых : материалы XI Всероссийской

научно-практической конференции / Отв. ред. А. Н. Садриева. Нижний Тагил: НТГСПИ, 2019. С. 23–31.

Будаев Э. В., Щербинина П. П. Прецедентные имена со сферой-источником «Политика» в СМИ Великобритании (2010–2019 гг.) // Политическая лингвистика. 2020. № 1 (79). С. 27–34.

Быкова Л. В. Немецкая философия как сфера-источник прецедентных феноменов в современной российской прессе // Язык и культура. 2012. № 1-2. С. 198-206.

Быкова Л. В. Немецкоязычная культура как сфера-источник прецедентных феноменов в современных российских печатных СМИ: автореф. дисс. ... канд. филол. н. / Уральский государственный педагогический университет. Екатеринбург, 2009.

Гришаева Л. И. Прецедент как универсальное средство передачи и хранения культурной информации // Политическая лингвистика. 2008. № 1 (24). С. 118–123.

Гудков Д. Б. Люди и звери. Русские прецедентные имена и зоонимы в национальном мифе. Лингвокультурологический словарь. М.: ЛЕНАНД, 2020. 200 с.

Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: Гнозис, 2003. 288 с.

Драпалюк А. С. Прецедентные феномены как один из способов интеллектуализации газетного текста: дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2010. 300 с.

Зырянова, И. П. Прецедентные феномены в заголовках российской и британской прессы (2005–2009 гг.): дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2016. 239 с.

Ибрагим В.Ф., Дарвиш Р.Х. Сферы-источники прецедентных имен в российской и египетской прессе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. № 4 (37). С. 92–99.

Иванова С. В., Чанышева З. З. Национально-культурные прецеденты в политической коммуникации // Политическая лингвистика. 2014. № 4 (50). С. 39–47.

Качалова И. Н. Оценочная функция языковой игры в дискурсе СМИ : дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2010. 189 с.

Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. 284 с.

Мещерякова-Клабахер В.А. Номинация лица в текстах немецких СМИ (на примере номинаций писателя): автореферат дис. ...

кандидата филологических наук. Санкт-Петербург, 2016.

Наумова И.А. О прецедентных феноменах из сферы-источника «Русская классическая литература» в средствах массовой информации Российской Федерации // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2017. Т. 14, № 2. С. 81–87.

Нахимова Е. А. Имена русских царей как прецедентное поле в современных Российских СМИ // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2009. № 2. С. 12–19.

Нахимова Е. А. Прецедентные онимы в современной российской массовой коммуникации: теория и методика когнитивно-дискурсивного исследования. Екатеринбург: УрГПУ, 2011. 276 с.

Нахимова Е. А., Чудинов А. П. Прецедентные феномены как доминанта идиостиля публициста // Филология и человек. 2016. № 2. С. 107–115.

Орехова Е. Н. Прецедентность и приращение смысла в общественно-политическом дискурсе (когнитивно-прагматический аспект): дис. ... канд. филол. наук. Майкоп, 2013. 226 с.

Пыстина О.В. Функционирование библеизмов как прецедентных феноменов в современном медиатексте (на примере региональных СМИ) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 10-3 (64). С. 137–141.

Рогозина Л. Э. О людической функции прецедентного имени (на материале французского языка) // Актуальные проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков. 2009. № 4. С. 72–79.

Саблукова В. А. Суггестивные механизмы использования национально-прецедентных феноменов в дискурсе конфликта (на материале реалий русской лингвокультуры в англоязычных СМИ) // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 16 (345). С. 124–127.

Салахова А. Б., Грачева К. Л. Лингвистический анализ манипулятивных средств воздействия СМИ в период информационных войн (на материале прессы Германии) // Политическая лингвистика. 2016. № 6 (60). С. 132–138.

Сипко Й. СССР – только репрессии, деформации, застои? // Политическая лингвистика. 2019. № 5 (77). С. 193–201.

Словарь лингвокультурологических терминов / Авт.-сост. М. Л. Ковшова, Д. Б. Гудков. Отв. ред. М. Л. Ковшова. М.: Гнозис, 2017. 192 с.

Теория и методика лингвистического анализа политического текста / А. П. Чудинов, Э. В. Будаев, Е. В. Дзюба (и др.). Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2016. 308 с.

Чернобров, А. А. Компрессионная, гипертекстовая и эстетическая функции имен в тексте // Актуальные проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков. 2009. № 4. С. 109–117.

Ewald P. Rostock, das Sydney der Ostsee – Zur Spezifik von Namenmetaphern // Methoden der Metaphernforschung und –analyse / M. Junge (Hrsg.). Wiesbaden: Springer, 2014. S. 197–213.

Kennedy V. Intended tropes and unintended metatropes in reporting on the war in Kosovo // *Metaphor and Symbol*. 2000. Vol. 15. № 4. P. 252–265.

References

Bogdanovich, G. Yu., Nakhimova, E. A., Segal, N. A. (2019). “Bibleiskie motivy kak istochnik formirovaniya mediynogo obraza Kryma”, *Language and Culture*, 47, 8-20 (in Russian).

Bogoyavlenskaya, Yu. V., Chudinov, A. P. (2015). “Funktsionirovanie pretsedentnykh vyskazyvaniy vo frantsuzskom mediadiskurse”, *Bulletin of the Nizhny Novgorod State Linguistic University*, 29, 20-35 (in Russian).

Bojarskih O. S. (2008). *Pretsedentnye fenomeny so sferoy-istochnikom "Literatura" v diskurse rossijskikh pechatnyh SMI (2004-2007 gg.)*, “Precedent phenomena from source domain “Literature” in the discourse of the Russian print media (2004-2007)”, Abstract of Ph.D. dissertation, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia (in Russian).

Budaev, E. V., Chudinov, A. P., Nakhimova, E. A. (2019). “Buratino as a precedent phenomenon in the Russian mass media”, *Detskaya kniga kak institut sotsializatsii: «zolotoy klyuchik» k miru vzroslykh*. Nizhniy Tagil: NTGSPi, 23-31 (in Russian).

Budaev, E. V., Shcherbinina, P. P. (2020). “Pretsedentnye imena so sferoy-istochnikom «Politika» v SMI Velikobritanii (2010-2019 gg.)”, *Political Linguistics*, 1(79), 27-34 (in Russian).

Bykova, L. V. (2012). “German philosophy as a source domain of precedent phenomena in the

modern Russian press”, *Language and Culture*, 1-2, 198-206 (in Russian).

Bykova, L. V. (2009). “German-speaking culture as a source domain of precedent phenomena in modern Russian print media”, Abstract of Ph.D. dissertation, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia (in Russian). Grishaeva, L. I. (2008). “Precedent as a universal means of transmitting and storing cultural information”, *Political Linguistics*, 1 (24), 118-123 (in Russian).

Gudkov, D. B. (2020). *Lyudi i zveri. Russkie pretsedentnye imena i zoonimy v natsional'nom mife* [People and animals. Russian precedent names and zoonyms in the national myth], Moscow, Russia: Lenand (in Russian).

Gudkov, D. B. (2003). *Teoriya i praktika mezhkul'turnoy kommunikatsii* [Theory and practice of intercultural communication], Moscow, Russia: Gnosis, (in Russian).

Drapalyuk, A. S. (2010). “Precedent phenomena as one of the ways to intellectualize newspaper text”, Ph.D. dissertation, Saratov State University, Saratov, Russia (in Russian).

Zyryanova, I. P. (2010). “Precedent phenomena in the headlines of the Russian and British press (2005-2009)”, Ph.D. dissertation, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia (in Russian).

Ibragim, V.F., Darvish, R.H. (2013). “Source domains of precedent names in the Russian and Egyptian press”, *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*, 4 (37), 92-99.

Ivanova, S. V., Chanysheva, Z. Z. (2014). “National-cultural precedents in political communication”, *Political Linguistics*, 4 (50), 39-47 (in Russian).

Kachalova, I. N. (2010). “Evaluation function of a language game in media discourse” Ph.D. dissertation, Moscow Region State Pedagogical University, Moscow, Russia (in Russian).

Krasnykh, V. V. (2002). *Etnopsikholingvistika i lingvokul'turologiya* [Ethnopsycholinguistics and linguoculturology], Moscow, Russia: Gnosis, (in Russian).

Meshherjakova-Klabaher, V. A. (2016). “Nomination of the person in the texts of the German media (for example, the nominations of the writer)”, Abstract of Ph.D. dissertation, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia (in Russian).

Naumova, I. A. (2017). “On precedent phenomena from the source sphere “Russian

Classical Literature” in the mass media of the Russian Federation”, *Bulletin of the South Ural State University. Series: Linguistics*, 14(2), 81-87.

Nakhimova, E. A. (2009). “The names of Russian tsars as a precedent field in modern Russian media”, *Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaja i zarubezhnaja filologija*, 2, 12-19.

Nakhimova, E. A. (2011). *Pretsedentnye onimy v sovremennoj rossijskoy massovoy kommunikatsii: teoriya i metodika kognitivno-diskursivnogo issledovaniya* [Precedent onyms in modern Russian mass communication: theory and methodology of cognitive-discursive research], Ekaterinburg, Russia: UrGPU (in Russian).

Nakhimova, E. A., Chudinov, A. P. (2016). “Precedent Phenomena as the Dominant of the Publicist Idiostyle”, *Filologiya i chelovek*, 2, 107-115 (in Russian).

Orehkova, E. N. (2013). “Precedence and the increment of meaning in socio-political discourse (cognitive-pragmatic aspect)”, Ph.D. dissertation, Adyghe State University, Maykop, Russia (in Russian).

Pystina, O. V. (2016). “The functioning of biblical expressions as precedent phenomena in modern media text (on the example of regional media)”, *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 10-3 (64), 137-141 (in Russian).

Rogozina, L. E. (2009). “On the ludic function of the precedent name (in French)”, *Aktual'nye problemy filologii i metodiki prepodavaniya inostrannykh yazykov*, 4, 72-79 (in Russian).

Sablukova, V. A. (2014). “Suggestive mechanisms for the use of national precedent phenomena in the discourse of the conflict (based on the realities of Russian linguistic culture in the English-language media)”, *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 16 (345), 124-127 (in Russian).

Salakhova, A. B., Gracheva, K. L. (2016). “Linguistic analysis of the manipulative means of influence of the media during the period of

information wars (based on German press)”, *Political Linguistics*, 6 (60), 132-138 (in Russian).

Sipko, J. (2019). “USSR: Only Repressions, Deformations, Stagnation?”, *Political Linguistics*, 5 (77), 193–201 (in Russian).

Slovar' lingvokul'turologicheskikh terminov (2017). [Dictionary of linguistic and cultural terms], in M. L. Kovshova (ed.), Moscow, Russia: Gnozis, (in Russian).

Chernobrov, A. A. (2009). “Compression, hypertext and aesthetic functions of names in the text”, *Aktual'nye problemy filologii i metodiki prepodavaniya inostrannykh yazykov*, 4, 109-117 (in Russian).

Ewald, P. (2014). “Rostock, das Sydney der Ostsee – Zur Spezifik von Namenmetaphern”, in M. Junge (ed.), *Methoden der Metaphernforschung und –analyse* [pp. 197–213], Springer, Wiesbaden (in German).

Kennedy, V. (2000). “Intended tropes and unintended metatropes in reporting on the war in Kosovo”, *Metaphor and Symbol*, 15(4), 252–265.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Будаев Эдуард Владимирович, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков, теории и методики обучения Российского государственного профессионально-педагогического университета.

Eduard V. Budaev, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Foreign Languages, Educational Theory and Teaching Methods, Russian State Vocational Pedagogical University.

УДК 81'26

DOI: 10.18413/2313-8912-2020-6-3-0-7

Жирова И. Г.

Структура высказывания и система языковых коммуникативных средств: на материале современных художественных произведений

Московский государственный областной университет
ул. Веры Волошиной, д. 14, Московская обл.,
г. Мытищи, 141014, Россия
E-mail: zhirova557@yandex.ru
ORCID id: 0000-0001-5684-3005

*Статья поступила 30 июля 2020 г.; принята 11 сентября 2020 г.;
опубликована 30 сентября 2020 г.*

Аннотация

Статья посвящена языковым коммуникативным средствам, участвующим в структурировании высказывания. *Актуальность* статьи обусловлена а) необходимостью целостного подхода к исследованию высказывания как минимальной, «молекулярной» единицы коммуникации, а также б) научно-теоретическими и практическими потребностями науки о языке в расширении знаний о тексте в теории коммуникации, механизмах его построения и информационном наполнении. Объектной областью исследования является высказывание и та универсальная система коммуникативных средств, которая участвует в его структурировании. В центре внимания статьи находится актуальная для коммуникативной лингвистики *проблема* структуры высказывания, а также связь и взаимоотношение языковых коммуникативных средств, присутствующих в том или ином высказывании. В статье также представлена комплексная *методика* исследования: структурно-семантический анализ высказывания, описательный метод, метод интроспекции и интерпретации. Используемые как общие лингвистические, так и собственно коммуникативные методы способствуют интеграции результатов, сопоставлению логической последовательности результатов исследования. Полученные *результаты* свидетельствуют о важной роли коммуникативных средств в формировании высказывания в тексте, а также о том, что они, будучи единицами того или иного уровня языка, конструируются по некоторому набору речевых и языковых правил и формул. Автор статьи рассматривает собственно языковые, параязыковые, стилистические и жанровые средства, участвующие в формировании того или иного высказывания. В конце статьи автор приходит к *выводу*, что в построении высказывания участвует целостная система универсальных коммуникативных средств.

Ключевые слова: фокусное высказывание; фоновое высказывание; коммуникативные средства; участник коммуникации; система средств; целостная структура; языковой потенциал; семантический конструкт.

Информация для цитирования: Жирова И.Г. Структура высказывания и система языковых коммуникативных средств: на материале современных художественных произведений // Научный результат. Вопросы теоретической

и прикладной лингвистики. 2020. Т.6, №3. С. 85-98. DOI: 10.18413/2313-8912-2020-6-3-0-7

Irina G. Zhironova

The structure of utterance and the system of language communication tools: based on contemporary literary works of art

Moscow Region State University
14 Vera Voloshina St., Moscow region,
Mytishchi, 141014, Russia
E-mail: zhirova557@yandex.ru
ORCID id: 0000-0001-5684-3005

Received 30 July 2020; accepted 11 September 2020; published 30 September 2020

Abstract: The article deals with the language communication tools deeply involved in the structure of the utterance. The pertinence of the article stems from: a) the need for a holistic approach to the study of the utterance as a minimum, the "molecular" unit of communication, and b) scientific-theoretical and practical needs of the science of language in gaining knowledge about the text in communication theory, the mechanisms of its construction and content. The object area of the study is the utterance and the universal system of communication tools that is involved in its structuring. The article focuses on the problem of utterance structure that is relevant for communicative linguistics, as well as connection and relationship of language communication tools present in a particular utterance. The article also presents a comprehensive research methodology: structural and semantic analysis of statements, descriptive research, and the method of introspection and interpretation. Both general linguistic and actual communicative methods are used to integrate the results and compare the logical sequence of research results. The obtained results indicate the important role of communication tools in the formation of statements in the text, as well as the fact that they, being units of a particular level of language, are constructed according to a certain set of speech and language rules and formulas. The author of the article considers the actual language, para-language, stylistic and genre means involved in the formation of a particular utterance. In conclusion the author reaches the relevant opinion that an integral system of universal communication tools is involved in the construction of the utterance.

Keywords: focus utterance; background utterance; communication tools; communication participant; system resources; holistic structure; language capabilities; semantic construct.

How to cite: Zhironova I.G. (2020). The structure of utterance and the system of language communication tools: based on contemporary literary works of art. *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, 6 (3), 85-98, DOI: 10.18413/2313-8912-2020-6-3-0-7

Введение (Introduction)

В сфере языковой коммуникации при объяснении структуры некоторых сложных явлений достаточно часто встречаются понятия *иерархии, уровня,*

яруса, пласта и пр., относящиеся к структуризации пространства. Они, как правило, носят образный характер и значительно облегчают наше представление об окружающей

действительности. В то же время эти термины обладают явной семантической общностью и образуют небольшую по объему, вполне компактную группу наглядно-образных лингвистических понятий. Эти же лексемы выступают и как элементы системно-структурной организации языка, характерной для нашего мышления, поскольку пространственные «картинки» постоянно сопровождают нашу мыслительную (когнитивную) деятельность по фиксации понятий. В то же время эти понятия обладают и весьма существенным недостатком, поскольку вспомогательная область воображения подталкивает к образованию тех или иных – подчас ложных – аналогий, что естественно способствует в дальнейшем множественности интерпретаций происходящего. *Целью* статьи является системное представление всех тех коммуникативных средств, которые участвуют в продуцировании высказывания. Недостаточная изученность как коммуникативных средств разных уровней, так и их функциональной специфики обусловила обращение к этой области теории коммуникации.

В статье затрагивается проблема выявления и описания системных коммуникативных (рече-языковых и текстовых) средств, участвующих в продуцировании высказывания, а также норм и правил их использования. Для достижения сформулированной цели поставлены следующие конкретные задачи: а) описать уровни структуризации языка, исходя из основных свойств собственно высказывания; б) выявить коммуникативные средства, участвующие в формировании высказывания; в) соотнести систему средств языка и актуальные высказывания. Вполне естественно, что в статье впервые, хотя и фрагментарно, предлагается рассмотреть вопрос о том, что все компоненты языка в конечном счете – прямо или косвенно – функционируют как основные средства коммуникации. Для достоверности

результатов исследования к анализу был привлечен корпус необходимого теоретического и практического материала а) научные работы, посвященные тексту и высказыванию как основной коммуникативно-информационной единицы текста, а также б) отрывки из современной художественной и художественно-публицистической литературы.

Основная часть (Main Part)

Для мышления, использующего язык в качестве инструмента, характерны пространственные и временные понятия, поскольку именно благодаря им человек способен распознавать отдельные элементы сложных явлений по разным аспектам. Так, например, соотношение «форма / выражение – содержание / значение»; «схема / система – норма – узус». Однако, как правило, рассматриваются иерархии частей некоторого целого при формировании более сложных образований из простых, элементарных компонентов. Так, например, обычно анализируют уровни внутри языка: системы грамматических и лексических средств (Виноградов, 1947а: 12). Тем не менее система языковых средств является лишь одной из структур сложной семиотической системы, в которой так или иначе встречается иерархия указанного типа.

Еще одной структурой – а в рамках коммуникативной лингвистики собственно первой – является структура высказывания участника коммуникации. В текстовом пространстве прямому наблюдению доступны конкретные высказывания, тем не менее большинство свойств языковых средств определяется через отличительные особенности высказывания, его качественные характеристики. «Производство» высказывания предполагает наличие а) системы языка – совокупности языковых (лексических, грамматических, стилистических) средств, б) определенных правил (норм) их использования, а также в) тех сведений, данных об окружающем

мире, которые предпочтительно представить в высказывании. По-видимому, основные свойства высказывания лежат в основе уровневого подхода к структуризации языка и речи. Текстовый семантико-структурный уровень, как правило, предполагает наличие двух основных единиц: а) высказывание как коммуникативно реализованное предложение и б) объединение двух и более высказываний в межфразовое единство. В то время как более крупные текстовые фрагменты, включающие несколько межфразовых единств, обеспечивают необходимую целостность тексту. Так, доминантой текста естественно является высказывание «... как элементарная мыслительная и языковая единица, обладающая универсальным гносеологическим признаком выражения истинности или ложности человеческого знания» (Колшанский, 2005б: 59).

В теоретическом коммуникативном подходе к определению высказывания акцентируются такие его определяющие элементы, как содержание и форма (объем и структура), а также функциональность и интенциональность. Высказывание, как правило, является семантически самостоятельной частью текста и соотносится с конкретной ситуацией. Однако однотипные, часто повторяющиеся ситуации позволяют во многом стереотипизировать некоторые высказывания, образуя те или иные клише, речевые формулы и пр., облегчающие общение между людьми. Они, как правило, ситуативно детерминированы коммуникативной практикой участников общения и не несут особой смысловой нагрузки. Так, например, в следующем фрагменте представлена расширенная формула благодарности, соответствующая британскому речевому этикету, а также возможная реакция на нее. 'You want to use my car?' said Morris, producing the keys. O'Shea's jaw sagged. 'God bless you, Mr Zapp, you're a generous man, but I'd hate to take the responsibility.' 'Go ahead. It's only a

rented car.' [Выделено мною курсивом. – И. Жирова] (Lodge, 1978: 92).

Очевидно, система языковых средств не исчерпывает всей совокупности коммуникативных средств. В высказывании – помимо собственно языковых (лексических и грамматических) – могут использоваться еще несколько иных видов средств. В частности, параязыковые средства: а) фонетические (темп речи, заполнители пауз и пр.); б) кинетические (описание мимики, жестов, позы); в) графические (пунктуационные знаки, символы-заменители букв и пр.) (Анисимова, 2003; Валгина, 2004; Горелов, 2006; Колшанский, 2005а; Горсуева, 2009 и др.).

Так, ярким примером авторского нестандартного использования этой системы языковых средств является следующий текстовый отрывок из художественного произведения, в котором автор высказывания иронично анализирует свое неправильное произношение некоторых иностранных слов: название порта в Дании *Aarhus*, а также имени собственного *Kierkegaard*. 'Once you start browsing in dictionaries, you never know where it will lead you. I noticed that *Aarhus*, the name of a port in Denmark, was given the alternative spelling of *Arhus*. Further research revealed that this is the usual way the double *aa* is written in modern Danish, a single *a* with a little circle on top. So if Kierkegaard were alive today he would write his name as Kierkegard. More unsettling still was the discovery that all this time I've been pronouncing his name incorrectly. I thought it was something like Sor'n Key-erk-er-guard. Not at all. Apparently the *o* is pronounced like *eu* in the French *deux*, the *Kierk* is pronounced as *Kirg* with a hard *g*, the *aa* sounds like *awe* in English, and the *d* is mute. So the name sounds something like *Seuren Kirgegor*. I think I'll stick with the English pronunciation.' (Lodge, 1995: 123).

При этом необходимо учитывать еще один чрезвычайно важный фактор при формировании / продуцировании выска-

звания – это совокупность специфических для коммуникации на том или ином национальном языке стилистических и композиционных средств: повторение, градация, контраст, эмфаза / акцентуация и пр. (Жирова, 2012; Знаменская, 2016; Князев, 2007; Кожина, 2014; и др.). Так, в следующем высказывании присутствует звуковой повтор ‘rain and pain’ – ассонанс как способ его ритмической звуковой организации ‘Through a haze of rain and pain he dived for the shimmering, sneering face below him and saw its eyes widen with fear: Malfoy thought Harry was attacking him’ [Выделено мною курсивом. – И. Жирова] (Rowling, 1998: 129). В текстовом отрывке ‘But the scandal, think of the scandal. It will involve us all,’ muttered the Bursar desperately’ [Выделено мною курсивом. – И. Жирова] (Sharpe, 2002: 42) наблюдается авторская акцентуация эмоционального восприятия происходящего. В то же время в следующем высказывании присутствует градационный числительный ряд: ‘... he would make a point of coming home for dinner every night, then reading a good-night story – or two or three’ [Выделено мною курсивом. – И. Жирова] (Segal, 1996: 164). Точкой отчета на оценочной шкале является такой объект действительности, как ‘a good-night story’. Стилистический эмоционально-выразительный эффект достигается за счет постепенного повышения количественной семантической значимости этого оценочного словосочетания.

Отметим, что стилистические и композиционные средства играют существенную, в том числе и дискурсивную роль при формировании высказывания, поскольку активно участвуют в тематическом оформлении коммуникативной интеракции. Так, например, контраст затрагивает а) качественные и количественные показатели (тип предложения, его длина и пр.); б) языковые (звуки речи, слова, синтаксические конструкции) и параязыковые (голосовой «почерк» и т. п.) средства; в) тематические

единицы и образования (противопоставление взглядов-тезисов в научном изложении, описание характеров героев в художественном произведении, представление эмоциональных и логически обоснованных оценок в публицистическом тексте) и пр.

В отдельную группу, на наш взгляд, можно включить «актуальное членение», которое тесно связано не только с грамматическим, но и тематическим построением высказывания (Золотова, Онипенко, Сидорова, 2004: 382-397). Так, Н. В. Иванов констатирует, что «... в высказывании мысль задается в двух измерениях одновременно. В предметном аспекте высказывания выражается то, как представляет себе говорящий объективную реальность, как она существует для него. В аспекте актуального членения выражается то, в чём видит говорящий ценность данной реальности применительно к данным условиям общения. <...> Функциональная противопоставленность двух аспектов высказывания друг другу проявляется в особой предикативизации оценочного. Лексические элементы в высказывании ориентированы на два предикативных центра – предметный (сказуемый) и коммуникативный (рематический) – и в этом смысле бифункциональны» (Иванов, 2010: 33-34).

Еще одной группой средств, участвующих в формировании высказывания, является группа «жанровых форм», свидетельствующая о типе литературного произведения. Так, например, тематический подход к классификации художественных произведений позволяет выделить такие группы романов, как мистические, фантастические, приключенческие, психологические, исторические и др. Очевидно, многие произведения художественной литературы характеризуются полижанровостью, при которой автор того или иного романа намеренно использует элементы разных жанров и стилей, заимствуя при этом их особые художественные средства. Отметим, что

еще М. М. Бахтин справедливо указывал на необходимость а) экспликации понятия речевого жанра как родового к понятию литературного жанра, а также б) выработки единой программы (методологии) исследования разнородных типов высказываний (текстов) (Бахтин, 1997: 33-34).

Таким образом, в область коммуникативных, рече-языковых средств входят явления, касающиеся построения текста и его «первичного» звена – высказывания в целом. К числу средств формирования высказывания относятся элементы и комплексные образования формального и содержательного характера, при этом литературоведческая область композиции, стиля и жанра текстового нарратива наряду с лексико-грамматическими средствами включается непосредственно в коммуникативную лингвистику (Мельчук, 2012: 37-40).

Материалы и методы исследования (Materials and methods)

Для всестороннего изучения такой проблемной области коммуникативной лингвистики, как структура высказывания, а также системы коммуникативных языковых средств и для обеспечения актуальности исследования к анализу привлечен достаточно обширный теоретический (тридцать семь научных работ) и практический материал (десять художественных и одно художественно-публицистическое произведение).

Методологической основой настоящей статьи послужили работы ученых в междисциплинарных областях научного познания, в которых представлены различные аспекты исследования художественной коммуникации, художественного текста, а также его элементарной единицы – высказывания (Барт, 1989; Бахтин, 1997; Бабенко, 2004; Болотнова, 2007; Виноградов, 1980; Водоватова, 2006; Гальперин, 2006; Дейк Тен ван, 2015; Лотман, 2005; Лукин, 1999; Эко 2006; Baker, 2011; Biber, 1989; Brown, Yele, 1983; Crystal, 2003; Derrida, 1980;

Dummet, 1993; Hassan, 2008; Hatim, Munday, 2010; Saugstad, 1977; Stanton, 2009; Stubbs, 1983 и др.). Коммуникативные языковые средства, участвующие в оформлении текстовых высказываний, позволяют значительно систематизировать и упорядочить логическую и аксиологическую информацию, переданную автором текста читателю. В то время как функциональный анализ художественных текстовых фрагментов позволяет выделить их прагматическую составляющую, акцентирующую внимание на социолингвистических и лингвокультурологических особенностях коммуникации в области художественно-образной речевой деятельности.

Анализ собранного теоретического и практического материала проводился с опорой на общие и частные *методы* лингвистического исследования, которые позволяют учитывать как строгие факты и процедуры, так и использовать более субъективный подход к организации научного исследования. Так, в процессе сбора и первичного анализа собранного материала актуальным явился описательно-аналитический метод.

Дальнейшее подключение к исследованию коммуникативных методов исследования, в частности – информационного, контекстуального и интерпретативного анализа, позволило представить закономерности структуризации высказывания с учетом различных языковых коммуникативных средств. Предложенная методика включает целый ряд объективных и субъективных критериев: объективность, верифицируемость, когерентность и эвристичность и пр., способствующих более глубокому осмыслению объектной области исследования, а именно высказывания и его структуры.

Результаты исследования и их обсуждение (Result and Discussion)

В высказывании так или иначе языковая личность устанавливает соответствующие пропорции в системах понятий. Одним из основных принципов

использования говорящим или пишущим семантической системы выступает отношение «доминирование – подчинение». Это именно то отношение, которое позволяет более полно классифицировать внеязыковую окружающую действительность. Однако некоторые фоновые высказывания, будучи подчиненными ключевым (фокусным, доминирующим), являются в тексте «пустыми» в смысловом отношении. Тем не менее они, как правила, заметны, а их присутствие в тексте оправдано, поскольку либо а) дает реципиенту «передышку» в переработке информации, либо б) отвлекает его вполне осознанно от важной, существенной информации, которую автору высказывания необходимо скрыть (завуалировать) в силу определенных обстоятельств. Смысловая размытость текста чаще всего наблюдается в неоправданно объемных предложениях.

Так, например, в следующем высказывании достаточно проблемно отделить ключевую (доминирующую) информацию от фоновой: *There is an organization whose name escapes me (it may be Dangerously Small-Minded Reactionaries for a better America) that periodically runs earnest, carefully reasoned ads in the New York Times and other important publications calling for an end to immigration because, as one of its ads explains, it 'is devastating our environment and the quality of our lives'* (Bryson, 1999: 54). Как нам представляется, в приведенном высказывании ключевой интенцией автора является желание продемонстрировать насмешливо-негативное отношение к многочисленным общественным организациям, занимающимся всем и ничем.

В то же время смысловая «оптимизация» текста оправдана в исключительных случаях: либо когда необходимость точной (логически обусловленной) передачи информации превалирует над субъектно-оценочной, либо когда эмоции определяют такую текстовую оптимизацию, вызывая

повышенное внимание читателя исключительно к эмоциональному восприятию содержания. Например, *'Ron didn't speak. He didn't move. His eyes were fixed on a point some ten feet above the Forest floor, right behind Harry'* [Выделено мною курсивом. – И. Жирова] (Rowling, 1998: 204). В этом отрывке логически точно зафиксировано поведение человека, находящегося в состоянии оцепенения.

Еще хотелось бы высказать мысль о том, что любое высказывание обладает виртуальной способностью нести информацию о своих внеязыковых коррелятах. Информация в высказывании, на наш взгляд, представлена двояко. Первый род информации можно определить как логически оправданный, когнитивно обусловленный: это информация а) о неких сущностях: объектах, субъектах и явлениях; а также б) об их формах, признаках, свойствах, состояниях существования в окружающем мире. Второй род информации затрагивает модальные и прагматические субъектно-оценочные характеристики описываемой ситуации.

Оба вида информация определенным образом соотнесены одна с другой, коррелируют и взаимодействуют друг с другом. Они могут также в той или иной степени проецироваться из одной сферы в другую и подвергаться взаимопреобразованию. При интерпретации текста декодирующий его может ориентироваться на фокусных высказываниях, извлекая при этом исключительно логически детерминированную информацию, а может – на фоновых высказываниях, предоставляющих больше возможностей для аксиологического (оценочного) подхода к описываемой ситуации. Например: *'When he arrived at Midway Airport, Terminal 11C, George was standing by the gate waiting to greet him. He had hardly changed, a little more weight, a little less hair perhaps, and within an hour of swapping stories and bringing each other up to date on the pest three years, it was almost as though Abel had*

never been away' (Archer, 1979: 404). Так, фокусным высказыванием в данном текстовом фрагменте является первое предложение, в котором представлена в полном объеме необходимая информация о главных героях, месте их встречи. Однако именно второе предложение содержит информацию, дающую возможность прочувствовать и оценить эмоциональную составляющую художественного отрывка.

Вполне логично предположить, что основная цель языковой системы – это, конечно же, коммуникация, а весь запас коммуникативных языковых средств выполняет внешнеязыковую высказывательную функцию, в отличие от внутриязыковой конструкционной функции. В акте коммуникации любое высказывание, описывающее действительность, выступает в роли непосредственного средства общения и, соответственно, может быть подвергнуто оценке.

Безусловно, системно-структурная лингвистика не рассматривает жанр, стиль и композицию специфическим предметом своего исследования (они относятся, как правило, к литературоведческим объектам исследования), поскольку не считает себя вполне «компетентной» в области «запасных» элементов коммуникативных средств, необходимых для построения высказывания и его художественного оформления. Однако в рамках коммуникативной лингвистики, относящейся к антропоцентрической научной парадигме, функциональный подход к исследованию высказывания предполагает учитывать всю совокупность средств его построения, в том числе как собственно лингвистических, так и литературоведческих. Коммуникативная лингвистика как наука о языке коммуникации естественно принимает во внимание и семиотический аспект коммуникации а) элементарные явления знакового характера, а также минимальные знаковые единицы и б) текстовые сообщения (высказывания) (Бугайски, 2010: 17).

Очевидно, что понятие системы включает как группу отдельных средств, так и принятые способы их применения, а именно коммуникативного функционирования в речевых актах. Использование любых коммуникативных (рече-языковых, текстовых) средств предполагает две операции: выбор и упорядочение. Если рассматривать формирование высказывания как акт определенного типа коммуникации (сообщение, приказ, просьба и пр.) (Валгина, 2004), то выбор проявляется в осознанном отборе языковой личностью того или иного средства / приема, а упорядочение выступает как определенная унифицированность этих средств. Например: “Will you be requiring references, Mr. Leroy?” “References! I know your background and history since you left Europe right through to you getting a degree in economics at Columbia” (Archer, 1979: 210). Вежливое обращение к субъекту представлена грамматической формой будущего продолженного времени.

Нетрудно убедиться в том, что с нормированными средствами и способами их использования в конкретных высказываниях появляются средства и способы необычные, заимствованные из других систем либо самостоятельно (дополнительно) созданные по той или иной причине автором текстового высказывания – интраиндивидуальные образования. Например, в качестве языкового интраиндивидуального образования можно рассматривать следующее авторское образное высказывание ‘I tasted sour jealousy in my mouth and helped myself to a chocolate to make it go away’ (Moriarty, 2018: 3), в котором четко прослеживается психологическая зависимость наших пищевых пристрастий при очевидном эмоциональном восприятии той или иной (чаще негативной) ситуации. Еще одним примером авторского смешанного (вербального и невербального) подхода к продуцированию высказывания является следующий текстовый фрагмент:

<@JoneseyBJ @_Roxster *Purrs* Why, that would be delightful!> <@_Roxster @JoneseyBJ *Growls* See you there, baby. > (Fielding, 2013: 162). В представленном фрагменте автор отразил содержание и форму общения в электронном коммуникативном пространстве, в котором взаимодействуют как вербальные, так и невербальные системы. Однако в коллективную *интра-* и *межиндивидуальную* системы входят лишь средства и способы нормированные, уже закрепленные в языке.

Коммуникативная (творческая) созидательность отдельных лиц (языковых личностей), всегда меньше возможностей, которые предлагает сама языковая система, поскольку никто не владеет языком в полном его объеме. Так или иначе творческий языковой потенциал людей настолько высок, что каждый носитель языка может модифицировать и по необходимости приспособить уже существующие средства, а также создать новые в процессе коммуникации. Современный «обновленный» язык, как правило, представлен либо расширенным понятийным составом того или иного слова, либо пополнением словарного запаса за счет появления новых слов, фиксирующих новые объекты, их состояния и явления. В то же время расширение семантического пространства высказывания потенциально увеличивает количество его прочтений. Например, “I think I must have terrible *where-ability*,” commented Ellen [Выделено мною курсивом. – И. Жирова] (Moriarty, 2018: 40). Так, английская сложносочиненная лексема *where-ability*, состоящая из двух «равноправных» частей: вопросительного слова *where* и абстрактного существительного *ability*, имеет значение “ориентироваться в пространстве”. При этом в приведенном в качестве примера высказывании английская отрицательная эмоционально-оценочная лексема *terrible* позволяет конкретизировать текстовое значение слова *where-ability*: «теряться,

переставать ориентироваться в чем-либо». Еще один пример: As I walked in, the light seemed *to whoosh through my head*, like a brisk breeze, and I could smell old books and the sea [Выделено мною курсивом. – И. Жирова] (Moriarty, 2018: 2). Окаzionale фразовый глагол звукоподражательного (ономатопеического) характера *to whoosh through* передает значение «мимолетности чего-либо» и соответствует в русском языке лексемам «пронестись, промелькнуть, промчатся».

Также очевидно, что в настоящее время в художественных текстах их авторы активно используют дополнительные дизайнерские элементы оформления текстовых высказываний, в том числе а) по особому расставляя знаки препинания, как, например, 'Just got home, relieved to have house to self, and sat down to ... What, though? Work? But I've been sacked, Haven't I?' (Fielding, 2013: 261); б) добавляя междометные восклицания *Euww!*, *Hahaha!* и др.: 'Euww! I thought, then instantly shrank at my own hypocrisy <...> 'Hahaha!' said Mum (Fielding, 2013: 183-184); в) преднамеренно увеличивая количество гласных для того, чтобы продемонстрировать ярко выраженные эмоции, например, радости, 'Dougieeeeeeeee! It' so nice to meet you at last. I've heard SO much about you! (Fielding, 2013: 239). Все вышеперечисленные текстовые средства помогают читателю визуализировать происходящее.

Целостная структура любого текста предполагает направленность и ориентированность его отдельных компонентов, в частности – высказываний. Конкретные высказывания всегда актуальны, однако именно системные явления языка (частые и комплексные средства) предлагают возможности для языковой личности сформировать то или иное высказывание. Любое высказывание обладает смыслом, иногда даже несколькими, в то время как система средств и правил потенциальным

семантическим содержанием, как правило, не обладает. Лишь некоторые элементы могут иметь потенциальное семантическое содержание. Так, например, лексико-грамматический класс междометий, обладает своим неповторимым эмоциональным семантическим содержанием. Семантическую структуру междометного высказывания актуализирует в тексте конкретная ситуация и контекст. Так, например, высказывания *Oh God* (о боже), *For God's sake* (ради бога) могут появляться в разных актуальных сообщениях. Например, *'Oh God,' Jude suddenly burst out. "This guy isn't a doctor. He was on Dance Lover Dating. It's the same photo!'* <...> *'For God's sake, shut up, Talitha,' said Tom* [Выделено мною курсивом. – И. Жирова] (Fielding, 2013: 32). Безусловно, вне контекста эти высказывания можно отнести к актуальным, поскольку благодаря своей комплексности они являются частью системы коммуникативных средств быстрого эмоционального реагирования. В эту систему входят как отдельные грамматические, лексические, а также некоторые тематические средства (например, дискурсивные средства научного нарратива, а в художественных текстах множество различных эмотивно-оценочных элементов), при помощи которых они построены.

В то же время высказывание «*Увы, молодость прошла!*» («*Уж не мечтать о нежности, о славе. Все миновало, молодость прошла!*») (Блок, 2014: 40) не входит в систему отдельных коммуникативных средств, поскольку оно находится на такой ступени обобщенности, которая, с одной стороны, превосходит область актуальных высказываний, с другой, однако, не достигает той ее ступени, какой обладают все элементы системы средств коммуникации. «*Молодость прошла*» – это тот семантический коммуникативный конструкт, который, с одной стороны, имеет в достаточной мере синтаксические и лексико-грамматические свойства, что

позволяет исследовать его логическую структуру. С другой стороны, настоящая актуализация этого высказывания в тексте не добавила бы с логической точки зрения ничего нового и существенного.

Соотношение между системой средств языка и актуальными высказываниями указывает на то, что в области естественной коммуникации а) при помощи средств одной системы возможно создать неограниченное число актуальных сообщений; б) коммуникативные средства нескольких систем могут участвовать в образовании актуального высказывания. Очевидно, системы коммуникативных средств не являются замкнутыми, в связи с этим актуализированные высказывания не однородны в отношении происхождения использованных средств.

Еще хотелось бы привлечь внимание к тому факту, что безусловно уровни языка не могут существовать самостоятельно, они представляют собой важную часть языковой системы и определяются лишь своим отношением и положением к другим более высоким уровням. Языковые средства более низшего уровня необходимы для построения единиц более высокого уровня. Так, например, некоторые типы фразеологических, утративших семантическую разложимость сочетаний в том или ином высказывании может иметь регрессивное функционирование, поскольку с семантической точки зрения оно, теряя семантическую наполненность каждой единицы, опускается на более низкий уровень.

Заключение (Conclusion)

Таким образом, в ходе исследования высказывания установлено, что оно, являясь реальной единицей текста, имеет структуру, в которой форма и содержание (смысл) определяются всей совокупностью контекстных условий, предполагающих наличие целой и целостной системы универсальных коммуникативных средств. При этом коммуникативные средства отвечают «запросам» структуризации высказываний. На любом уровне проду-

цирования высказывания языковая система предоставляет коммуникативные, узуально-нормированные средства, а также способы их использования с разной степенью обязательности.

Установлено, что автор художественного текста с высокой степенью гибкости использует все средства формирования высказываний, при этом целенаправленно модифицируя некоторые из них. Неформальный подход к использованию языковых средств в художественном тексте порождает а) множественность и разнообразие интерпретаций, а также позволяет автору б) представить «невербальный язык», привлекая тем самым внимание читателя к деталям, повышающим интерпретационный потенциал текста. Доказано, что многие авторы художественных произведений сознательно формируют читательский интерпретативный плюрализм.

Также верифицировано, что иерархическое ядро текстовых средств составляют языковые коммуникативные средства, участвующие в построении разной степени сложности знаковых единиц того или иного языка. При этом предложение либо сочетание предложений, ставшее в акте коммуникации высказыванием, непосредственно служит и средством коммуникации. Тексты художественной литературы обладают той структурной организацией, которую представляет автор, исходя из собственного подхода к тематической структуре, опираясь на ряд стилистических параметров, предлагая те или иные формы устного общения главных героев. Художественные произведения относятся к сложным коммуникативным явлениям, а высказывания, входящие в них, характеризуются той социально-психологической контекстуальностью, которая расширяет наши представления о коммуникации в целом.

Список литературы

Список литературы

Анисимова Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). М.: Изд. центр «Академия», 2003. 128 с.

Бабенко Л.Г. Лингвистический анализ художественного текста. М.: Флинта: Наука, 2004. 496 с.

Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика. М.: Прогресс, 1989. С. 413-423.

Бахтин М.М. Проблема текста. М.: Русские словари. Т. 5, 1997. С. 306-326.

Блок А.А. Стихотворения. М.: Эксмо, 2014. 197 с.

Болотнова Н.С. Филологический анализ текста. М.: Изд-во «ФЛИНТА»; Изд-во «НАУКА». 2007. 520 с.

Бугайски М. Язык коммуникации. Харьков: Гуманитарный центр, 2010, 544.

Валгина Н.С. Актуальные проблемы современной русской пунктуации. М.: Высшая школа, 2004. 259 с.

Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М.: изд-во МГУ имени М.В. Ломоносова, 1947. 783 с.

Виноградов В.В. О языке художественной прозы: избранные труды. М.: изд-во «Наука», 1980. 360 с.

Водоватова Т.Е. Семантика и прагматика языкового высказывания в свете инференциальной теории смысла. Самара: Изд-во СГПУ, 2006. 262 с.

Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: КомКнига, 2006. 144 с.

Горелов И.Н. Невербальные компоненты коммуникации. М.: КомКнига, 2006. 112 с.

Дейк Тён ван Язык. Познание. Коммуникация. М.: ЛЕНАНД, 2015. 320 с.

Жирова И.Г. Лингвистическая категория «эмфатичность» в антропоцентризме: Языковая личность Маргарет Тетчет в эмоционально-оценочном дискурсе. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 256 с.

Знаменская Т.А. Стилистика английского языка (основы курса). М.: Изд-во ЛКИ, 2016. 224 с.

Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: Изд-во Института русского языка РАН им. В.В. Виноградова, 2004. 544 с.

Иванов Н.В. Актуальное членение предложения в текстовом дискурсе и в языке.

М.: Издательский центр «Азбуковник», 2010. 215 с.

Князев Ю.П. Грамматическая семантика: Русский язык в типологической перспективе. М.: Языки славянских культур, 2007. 704 с.

Кожина М.Н. Речеведение. Теория функциональной стилистики: избранные труды (Стилистическое наследие). М.: ФЛИНТА: Наука, 2014. 624 с.

Колшанский Г.В. Паралингвистика. М.: КомКнига, 2005. 96 с.

Колшанский Г.В. Коммуникативная функция и структура языка. М.: КомКнига, 2005. 176 с.

Лотман Ю.М. Об искусстве. СПб: Искусство-СПб, 2005. 702 с.

Лукин В.А. Художественный текст: Основы лингвистической теории и элементы анализа. М.: Изд-во «Ось-89», 1999. 192 с.

Мельчук И.А. Язык: от смысла к тексту. М.: Языки славянской культуры, 2012. 176 с.

Торсуева И.Г. Интонация и смысл высказывания. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 112 с.

Эко У. Отсутствующая структура. СПб: Symposium, 2006. – 540 с.

Archer J. Kane and Abel. London: Harper Collins Publishers, 1979, 550 p.

Baker M. In other words. London: Routledge, 2011. 332 p.

Biber D. A typology of English texts // Linguistics. 1989. P. 3-43.

Brown G., Yule G. Discourse analysis. Cambridge: Cambridge University Press. 1983.

Bryson B. Notes from a Big Country. London: A Black Swan Book, 1999. 416 p.

Crystal D. English as a global language. Cambridge: Cambridge University Press. 2003. 212 p.

Derrida J. The Law of Genre // Glyph Seven: Textual Studies. Baltimore, 1980. № 7. С. 2-2-229.

Dummett M. Origins of analytical philosophy. London: Bloomsbury. 1993. 189 p.

Fielding H. Bridget Jones Mad about The Boy. London: Jonathan Cape, 2013. 386 p.

Hassan R. The information society. Cambridge; Malden (MA): Polity, 2008. 266 p.

Hatim B., Munday J. Translation: An advanced resource book. London: Routledge, 2010. 373 p.

Lodge D. Changing Places. London: Penguin Books, 1978. 251 p.

Lodge D. Therapy. London: Penguin Books, 1995. 321 p.

Moriarty L. The Hypnotist's Love Story. New York: Berkley, 2018. 546 p.

Pinker S. The stuff of thought. London: Penguin Books. 2008. 499 p.

Rowling J.K. Harry Potter and the Chamber of Secrets. London: Bloomsbury, 1998. 254 p.

Saugstad P. A Theory of communication and use of language: Foundations for Study of Psychology. Oslo: Universitetsforlaget. 1977. 263 p.

Segal E. Prizes. London: Bantam Books, 1996. 525 p.

Sharpe T. Porterhouse Blue. London: ArrowBooks, 2002. 327 с.

Stanton N. Mastering Communication. England: Palgrave Macmillan. 2009. 480 p.

Stubbs M. Discourse analysis: The Sociolinguistic Analysis of Natural Language. Oxford: Basil Blackwell. 1983. 272 p.

References

Anisimova, E.E. (2003). *Lingvistika teksta i mezhkul'turnaja kommunikatsija (na materiale kreolizovannyh tekstov)* [Linguistics of the text and intercultural communication (based on creolized texts)], Moscow, Russia: Izd. centr «Akademija» (in Russian).

Babenko, L.G. (2004). *Lingvisticheskij analiz khudozhestvennogo teksta* [Linguistic analysis of literary text], Moscow, Russia: Nauka (in Russian).

Bart, R. (1989). *Izbrannye raboty: Semiotika: Pojetika* [Sémiotique: Poétique], Moscow, Russia: Progress (in Russian).

Bahtin, M.M. (1997). *Problema teksta* [Text problem], Moscow, Russia: Russkie slovari (in Russian).

Blok, A.A. (2014). *Stihotvorenija* [Poems], Moscow, Russia: Jeksmo (in Russian).

Bolotnova, N.S. (2007). *Filologicheskij analiz teksta* [Philological analysis of the text], Moscow, Russia: Nauka (in Russian).

Bugajski, M. (2010). *Jazyk komunikatsii* [Language of communication], Har'kov, Ukraine: Gumanitarnyj centr (in Russian).

Valgina, N.S. (2004). *Aktual'nye problemy sovremennoj russkoj punktuatsii* [Current problems of modern Russian punctuation], Moscow, Russia: Vysshaja shkola (in Russian).

Vinogradov, V.V. (1947). *Russkij jazyk (grammaticheskoe uchenie o slove)* [Russian language (grammatical doctrine of the word)],

Moscow, Russia: MGU imeni M.V. Lomonosova (in Russian).

Vinogradov V.V. (1980). *O jazyke khudozhestvennoj prozy: izbrannye Trudy* [Based on the language of fiction: selected works], Moscow, Russia: Nauka (in Russian).

Vodovatova, T.E. (2006). *Semantika i pragmatika jazykovogo vyskazyvanija v svete inferentsial'noj teorii smysla* [The semantics and pragmatics of linguistic utterance in the light of the inferential theory of meaning], Samara, Russia: SGPU (in Russian).

Gal'perin, I.R. (2006). *Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovanija* [Text as an object of linguistic research], Moscow, Russia: KomKniga (in Russian).

Gorelov, I.N. (2006). *Neverbal'nye komponenty kommunikacii* [Non-verbal components of communication], Moscow, Russia: KomKniga (in Russian).

Dejk Tjon van (2015). *Jazyk. Poznanie. Kommunikatsija* [Language. Cognition. Communication.], Moscow, Russia: LENAND (in Russian).

Zhirova, I.G. (2012). *Lingvisticheskaja kategorija «emfaticnost» v antropotsentrizme: Jazykovaja lichnost' Margaret Thatcher v emotsional'no-otsenocnom diskurse* [The linguistic category “emphaticity” in anthropocentrism: The linguistic personality of Margaret Thatcher in an emotionally-evaluative discourse], Moscow, Russia: Knizhnyj dom «LIBROKOM» (in Russian).

Znamenskaja, T.A. (2016). *Stilistika anglijskogo jazyka (osnovy kursa)* [Stylistics of the English language (basics course)], Moscow, Russia: LKI (in Russian).

Zolotova, G.A., Onipenko N.K., Sidorova M.Ju. (2004). *Kommunikativnaja grammatika russkogo jazyka* [Communicative grammar of the Russian language], Moscow, Russia: Izd-vo Instituta russkogo jazyka RAN im. V.V. Vinogradova (in Russian).

Ivanov, N.V. (2010). *Aktual'noe chlenenie predlozhenija v tekstovom diskurse i v jazyke* [Actual division of sentences in text discourse and in language], Moscow, Russia: Azbukovnik (in Russian).

Knjazev, Ju.P. (2007). *Grammaticheskaja semantika: Russkij jazyk v tipologicheskoi perspektive* [Grammatical semantics: Russian language in a typological perspective], Moscow, Russia: Jazyki slavjanskih kul'tur (in Russian).

Kozhina, M.N. (2014). *Rechevedenie. Teorija funkcional'noj stilistiki: izbrannye trudy (Stilisticheskoe nasledie)* [Speech. Theory of functional stylistics: selected works (Stylistic heritage)], Moscow, Russia: Nauka (in Russian).

Kolshanskij, G.V. (2005). *Paralingvistika* [Paralinguistics], Moscow, Russia: KomKniga (in Russian).

Kolshanskij, G.V. (2005). *Kommunikativnaja funkcija i struktura jazyka* [Communicative function and language structure], Moscow, Russia: KomKniga (in Russian).

Lotman, Ju.M. (2005). *Ob iskusstve* [About art], St. Petersburg, Russia: Iskusstvo-SPB (in Russian).

Lukin, V.A. (1999). *Hudozhestvennyj tekst: Osnovy lingvisticheskoi teorii i elementy analiza* [Fiction: Fundamentals of Linguistic Theory and Elements of Analysis], Moscow, Russia: Os'-89 (in Russian).

Mel'chuk, I.A. (2012). *Jazyk: ot smysla k tekstu* [Language: from meaning to text], Moscow, Russia: Jazyki slavjanskoj kul'tury (in Russian).

Torsueva, I.G. (2009). *Intonatsija i smysl vyskazyvanija* [Intonation and meaning of the statement], Moscow, Russia: Knizhnyj Dom «LIBROKOM» (in Russian).

Jeko, U. (2006). *Otsutstvujushhaja struktura* [The missing structure], St. Petersburg, Russia: Symposium (in Russian).

Archer, J. (1979). *Kane and Abel*, London, England: Harper Collins Publishers.

Baker, M. (2011). *In other words*, London, England: Routledge.

Biber, D. (1989). A typology of English texts, *Linguistics*, 1, 3-43.

Brown, G. and Yule G. (1983). *Discourse analysis*, Cambridge, Great Britain: Cambridge University Press.

Bryson, B. (1999) *Notes from a Big Country*, London, England: A Black Swan Book.

Crystal D. (2003). *English as a global language*, Cambridge, Great Britain: Cambridge University Press.

Derrida, J. (1980). The Law of Genre, *Glyph Seven: Textual Studies*, 7, 2-22.

Dummett, M. (1993). *Origins of analytical philosophy*, London, England: Bloomsbury.

Fielding, H. (2013). *Bridget Jones Mad about The Boy*, London, England: Jonathan Cape.

Hassan, R. (2008). *The information society*, Cambridge, Great Britain: Polity.

Hatim, B. and Munday J. (2010). *Translation: An advanced resource book*, London, England: Routledge.

Lodge, D. (1978). *Changing Places*, London, England: Penguin Books.

Lodge, D. (1995). *Therapy*, London, England: Penguin Books.

Moriarty, L. (2018). *The Hypnotist's Love Story*, New York, The USA: Berkley.

Pinker, S. (2008). *The stuff of thought*, London, England: Penguin Books.

Rowling, J.K. (1998). *Harry Potter and the Chamber of Secrets*, London, England: Bloomsbury.

Saugstad, P. A (1977). *Theory of communication and use of language: Foundations for Study of Psychology*, Oslo, Norway: Universitetsforlaget.

Segal, E. (1996). *Prizes*, New York, The USA: Bantam Books.

Sharpe, T. (2002). *Porterhouse Blue*, London, England: Arrow Books.

Stanton, N. (2009). *Mastering communication*, London, England: Palgrave Macmillan.

Stanton, N. (2009). *Mastering communication*, London, England: Palgrave Macmillan.

Stubbs, M. (1983). *Discourse analysis: The Sociolinguistic Analysis of Natural Language*, Oxford, England: Basil Blackwell.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Жирова Ирина Григорьевна, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой переводоведения и когнитивной лингвистики, Московский государственный областной университет

Zhirova Irina Grigorievna, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Translation Studies and Cognitive Linguistics, Moscow Region State University

УДК 811.152.1

DOI: 10.18413/2313-8912-2020-6-3-0-8

Михайлова Т.А.

О семантической эволюции латинских дублетных заимствований в древнеирландском: *sén* vs *sigin*

(Серия статей «Литературные языки и литературные традиции: контакты и влияния» под руководством д.ф.н., профессора В. Я. Порхомовского и д.ф.н., профессора И. И. Чельшевой, Институт языкознания РАН, г. Москва)

Институт языкознания РАН

Б. Кисловский пер., 1, стр. 1,

Москва 125009, Россия

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Ленинские горы, д. 1,

Москва, 119991, Россия

E-mail: tamih.msu@mail.ru

ORCID: 0000-0001-7867-6260

Статья поступила 30 июля 2020 г.; принята 10 сентября 2020 г.; опубликована 30 сентября 2020 г.

Аннотация

Основной темой работы является анализ семантических сдвигов, происходящих в дублетных латинских заимствованиях в ирландском языке. Появление в древнеирландском латинских заимствований традиционно связывается с христианизацией и распространением монастырской культуры, но это не совсем так. Существует относительно ограниченный пласт латинских лексем, перешедший в ирландский язык посредством более ранних контактов с романизованной Британией. Их, как правило, отличает особая фонетика, демонстрирующая более архаический срез языка рецептора. В работе затрагивается проблема семантических изменений латинских заимствований в рамках ирландской культуры и делается попытка их мотивации. Автор предлагает схему «семантического сдвига», базирующуюся на изначальной, скрытой, полисемии в языке-доноре. Ранее заимствование *sén* (< *signum*) развило в древнеирландском языке дополнительное значение – «примета, знамение», а на следующем этапе семантической деривации – «заговор, заклинание». Позднее дублетное – *sigin* употребляется, как правило, в сочетании *sigin croiche* ‘крестное знамение’, причем может быть заменено в этом же значении исконной лексемой *aired*, обладающей семантическим полем, практически совпадающим с лат. *signum*.

Ключевые слова: гойделло-бриттские контакты; Поздняя Империя; заимствования; семантическая деривация; дублетные заимствования; метафора; рекурсивные семантические сдвиги; магия; заговоры.

Благодарность: автор благодарит Российский Фонд Фундаментальных Исследований, в рамках проекта которого (№ 17-29-09124) выполнено это исследование.

Информация для цитирования: Михайлова Т.А. О семантической эволюции латинских дублетных заимствований в древнеирландском: *sén vs sign* (Серия статей «Литературные языки и литературные традиции: контакты и влияния» под руководством д.ф.н., профессора В. Я. Порхомовского и д.ф.н., профессора И. И. Чельшевой, Институт языкознания РАН, г. Москва) // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2020. Т.6, №3. С. 99-111. DOI: 10.18413/2313-8912-2020-6-3-0-8

Mikhailova T.A.

Semantic evolution of Latin doublet borrowings in Old Irish: *sén vs sign* (Series of Papers “Standard Languages and Literary Traditions: Contacts and Influences” directed by Professor Irina I. Chelysheva and Professor Viktor Ya. Porkhomovsky, Institute of Linguistics RAS, Moscow)

Institute of Linguistics, RAS
1, bld. 1 B. Kislovsky Ln.,
Moscow, 125009, Russia
Lomonosov Moscow State University
1 Lenin Hills,
Moscow, 119991, Russia
E-mail: *tamih.msu@mail.ru*
ORCID: 0000-0001-7867-6260

Received 30 July 2020; accepted 10 September 2020; published 30 September 2020

Abstract

The main subject of this research is the mechanism of semantic shifts in Latin borrowings in Early and Middle Irish. The appearance of Latin borrowings in Old Irish is traditionally associated with Christianization and the spread of monastic culture, but this is not entirely true. There is a relatively limited stratum of Latin lexemes that have been adopted by the Irish language through earlier contacts with Romanized Britain. They, as a rule, are distinguished by a special phonetics, demonstrating a more archaic cut of the receptor language. The work touches upon the problem of semantic changes in Latin borrowings within the framework of Irish culture and attempts to motivate them. The author proposes a scheme of "semantic shift" based on the original, latent, polysemy in the donor language. Earlier, the borrowing *sén* (<*signum*) developed in the Old Irish language an additional meaning - "sign, sign", and at the next stage of semantic derivation – "conspiracy, spell". Later, the doublet – *sign* is used, as a rule, in combination *sign croiche* 'the sign of the cross', and can be replaced in the same meaning by the original lexeme *aired*, which has a semantic field that almost coincides with latin *signum*.

Keywords: Goidelic and Brittonic contacts; Late Empire, loanwords; semantic derivation; doublet borrowings; metaphor; universal semantic shifts; magic; charms

How to cite: Mikhailova T.A. On semantic shifts in Latin doublet borrowings in Irish: *sén vs sign*. (Series of Papers “Standard Languages and Literary Traditions: Contacts and Influences” directed by Professor Irina I. Chelysheva and Professor Viktor Ya. Porkhomovsky, Institute of Linguistics RAS, Moscow).

Research Result. Theoretical and Applied Linguistics, 6 (3), 99-111, DOI: 10.18413/2313-8912-2020-6-3-0-8

Введение (Introduction)

В течение очень длительного периода, охватывавшего наверно почти целое тысячелетие (с I по IX вв. н.э.), практически единственным не-кельтским языком, с которым носители языка гойдельского (ранняя форма ирландского) находились в контактной ситуации, была латынь. Проникновение латинского языка и культуры в Ирландию началось еще до распространения там христианства, и главным каналом трансфера в данном случае оказалась романизованная Британия, где во II – V вв. установилось своего рода несбалансированное устное двуязычие, при котором языком письменной культуры была только латынь. Более того, археологические находки (монеты, фундаменты зданий, керамика, захоронения римского типа) свидетельствуют о том, что и в самой Ирландии в начале н.э. существовали малочисленные римские поселения (см. Malloy, 2013: 194-198), которые также могли стать зонами распространения латинского языка. И латынь же, естественно, стала основным языком ученой традиции после принятия в Ирландии христианства (431 г.?). Ситуация немного изменилась в связи с началом экспансии викингов (IX в.), однако, как принято считать, влияние на ирландцев скандинавской культуры было не так уж велико, а число собственно языковых заимствований – ограничено кратким списком мотивированных культурным трансфером лексем (обозначения деталей одежды и вооружения, лексика, связанная с рыболовством и корабельным делом, названия монет и рынков и пр. – см. например Sandberg-McGowan, 1996). Но даже в этот период язык латинский, в его ученой форме, продолжал оставаться языком Церкви, на нем еще писали в *Анналах*, на нем создавались местные Жития и проповеди, ирландские монахи переписывали латинские ученые трактаты,

сопровождая их латинскими же глоссами. Не следует забывать и о многочисленных переложениях античных сюжетов, которые возникали и имели широкое хождение в Ирландии также в период между VIII и XII вв. Присутствие в Ирландии викингов, длившееся более 200 лет, действительно привнесло в местный язык и культуру на первый взгляд не так много, однако именно этот период считается переломным в истории ирландского языка: классический древнеирландский сменился – среднеирландским, в гораздо большей степени приближенным к реконструируемым разговорным формам. Кроме того, в связи с рядом сложных процессов, проходивших в монастырских и церковных институтах, собственно ирландская «ученая» традиция постепенно, но – невозвратно вытеснила латинскую из многих областей языкового употребления. Однако и этот процесс не означал вытеснения собственно латинского языкового материала: напротив, на ранних этапах «секуляризации» языка церкви происходили неизбежные вливания в ирландский язык терминологии, не имеющей автохтонных эквивалентов по самой своей природе. Сложные процессы контактирования и семантического трансфера, заканчивающиеся в итоге относительной победой языка автохтонного для Западной Европы могут быть названы скорее универсальными (см. например, о латинизмах в средне-английском в - Langslow, 2002: 36-39), однако применительно к кельтским языкам Британских островов этот континуальный инпут оказался наиболее длительным, многоступенчатым и естественным образом поделенным на неравные по времени периоды: «римский» и «христианский».

Лингвистический подход (linguistic approach)

Период почти в 1000 лет регулярных и многоуровневых контактов с латинской культурой не мог не оставить заметного следа в культуре и языке Ирландии. Но

говоря об этом слишком уж «очевидном» явлении, не следует забывать о том, что за столь длительный период менялась и сама латынь как язык-донор, более того: уже изначально (т.е. в первые века н.э., когда начался процесс ступенчатого трансфера) она и не могла быть и не была гомогенной, поскольку распадалась на так называемую «ученую» латынь, латынь церковную, латынь классических памятников, а также включала в себя далеко не гомогенные формы разговорных диалектов. Для истории самого ирландского языка все это воплотилось в обилии разно-оформленных латинских заимствований, которые к тому же, что особенно интересно с точки зрения диахронической лексикологии, могут образовывать дублиеты, семантическое разграничение между которыми далеко не всегда однозначно и легко пролагаемо. Данный феномен представляется скорее логически объяснимым, если мы примем во внимание уже отмеченную специфику языкового и культурного контактирования, которая представляла собой континуальный процесс, с одной стороны, и включала в себя последующие перемещения заимствованной лексики между разными стратами языка, с другой. Признанная многими исследователями доминанция «церковной» лексики среди всего корпуса заимствований, включая – ранние, не оказывается в то же время в противоречии с тем, что по своему фонетическому облику эти лексемы прошли стадию «бриттской аккомодации» (в основном – вокалической), что в то же время может свидетельствовать о том, что «христианство пришло в Ирландию из Британии, а не из Галлии, как в другие области Европы» (Charles-Edwards, 2004: 184).

Так, как уже было мной отмечено в результате детального контекстуального анализа, раннее заимствование *croch* ‘крест, виселица, орудие пытки’ (из лат. *crux*, *-cis*) не может быть названо полностью семантически дистанцированным от более позднего заимствования – *crus* ‘крест, крест

как геометрическая фигура, крест как изображение распятия’, и в ряде однотипных контекстов (в основном – в поздней агиографии) лексемы выступают как взаимозаменяемые (см. подробнее в Михайлова 2019). Несколько иной процесс развития семантического поля можно увидеть в другом дублиетном заимствовании: из лат. *planta* ‘поросль, отростки’; на раннем этапе в форме *clann* оно получило значение ‘потомки, дети по отношению к родителям’, в то время как вторичное заимствование уже в форме *planda* получило значение ‘росток’, но при этом также метафорически могло употребляться с семантикой ‘дети, потомки’, предположительно – с опорой на универсальную и имплицитную семантику фертильности (как в языке-доноре, так и в языке-рецепторе – см. в базе данных универсальных семантических переходов DatSemshift 2.0. # 2072 и # 2205). Отсутствие автохтонного ирландского термина для обозначения собственно «семьи» побудило язык вновь обратиться к латыни как языку-донору: так было заимствовано слово *monasterium* (предположительно, через бриттскую форму **monister-* см. Михайлова 2020) в значении ‘насельники монастыря; домочадцы, семья’, которое отчасти сохранилось и у позднего дублиета *mainistir* ‘монастырь, обитель, насельники монастыря’. Можно было бы также сравнить, например, раннее заимствование *ortha* ‘заговор, заклинание’, восходящее к лат. *oratio* ‘речь, речевое действие, монолог, выступление и т.д.’ и более позднее – *oróid* ‘молитва’, восходящее к той же латинской лексеме, но с ее более поздним, развившимся уже в монастырской латыни значением (точкой семантического пересечения здесь было бы – «устное исполнение сакрального текста»).

Регулярные контакты с романизованной Британией в первые века н.э. послужили базой для проникновения в Ирландию ранних латинских заимствований, фонетически относительно легко

вычленяемых (см. об этом в классической работе – Jackson, 1953: 122-148). Предложенная К. Джексоном классификация латинских заимствований по так называемым «группам *Cothriche ~ Pádrig*» (согласно фонетической аккомодации имени *Patricius* в ирландском языке) в дальнейшем подверглась критике (McManus, 1983; Koch 1981: 31), поскольку исследователями было засвидетельствовано множество «переходных» форм, которые ни в одну из групп не вписывались. Однако, как мне кажется, это лишь подтверждает то, что процесс влияния латинского языка на ирландский язык был континуальным, длительным и многоуровневым, поскольку именно этот языковой ресурс обеспечивал заполнение постоянно возникающих семантических лагун, откуда и возникновение ряда дублетных пар заимствований, относительная датировка которых может быть проведена при помощи уже разработанной системы фонетических соответствий.

Основная часть (Main part)

К списку названных выше дублетов можно добавить пару *sén ~ sigin*, восходящих к лат. *signum*, но развивших уже в рамках древнеирландского самостоятельные значения. В первую очередь следует отметить, что по своей фонетической форме лексема *sén* (n.) может быть отнесена к группе ранних заимствований, поскольку демонстрирует перегласовку в кратком ударном слоге под влиянием заударного *u*: *signum* > **segnu-*, а затем сокращение группы-кластера *-gn-* с последующим компенсаторным продлением предшествующего гласного: *sén*, что позволяет датировать проникновение латинской лексемы в ирландский язык периодом – до начала V в., то есть – до широкого распространения в Ирландии христианства (о датировках основных фонетических процессов в раннеирландском – см. Королев, 1984: 30).

Обращает на себя внимание также тот факт, что при переходе из классической

(народной?) латыни в ирландский язык, а также – в британские языки, лексема претерпела достаточно важный семантический сдвиг. Так, в латыни *signum* имеет множество значений, среди которых можно выделить как «материальные», то есть обладающие конкретными и реальными денотатами, так и – «метафорические», опирающиеся скорее на сигнификат, то есть трактовку говорящим содержащейся в сообщении информации. Так, к первым можно отнести значения – ‘знак, отметка, клеймо; знак отличия, штандарт (воен.); сигнал; символ; печать, ярлык; фигура, изображение; созвездие и пр.’. К другой группе, которую П. Глэр называет «видимый знак чего-то, что имело место в прошлом» (Glaire, 1968: 1760), относятся «знаки и признаки», трактовка которых действительно опирается на опыт говорящего, закрепленный в языке (ср. русск «знак болезни, усталости» и пр.). Мистического значения «знамение, предвестие, примета» латинское *signum* не имело, для передачи этих понятий (отметим – очень важных для римской культуры) использовались лексемы – *augurium, omen, ostentum, ales, auspoculum, monitus, scaeva*, а также ряд других, связанных со спецификой мантических практик (см. например об этом – Dickie, 2003: 156-162; Винничук, 1988: 473-483; о заимствовании культуры предсказаний бриттами времен поздней Империи – см. Hutton, 1991: 201-246).

В латинских текстах, составленных уже в Ирландии, лексема *signum* употребляется скорее в метафорическом значении – «знак, символ», но прогностического оттенка не имеет. См., например, в описании епископом Тиреханом (VII в.) состязания святого Патрика с друидами:

Et ecce uir sanctus surrexit Patricius et eleuauit manum sinistram Deo caeli et maledixit magum, et cecidit mortuus in medio magorum eius, et exustus est ante faciem omnium in uindictae **signum**. (Bieler, 1979: 156) – *И тогда святой муж Патрикий*

поднялся и вознес левую руку к Богу небесному и проклял мага, тот же пал мертвым среди других магов, и сожжен был среди них в знак его наказания.

Мотивация заимствования и методика исследования (Motivation of borrowing and Methods of investigation)

Ранняя датировка заимствования, относящая его к еще до-христианскому времени, еще не объясняет ни причины семантического сдвига, произошедшего в момент перехода в другую языковую среду, ни самой мотивации заимствования. Как писал М. Хаспельмат, «Все языки обладают достаточными креативными ресурсами для того, чтобы создать новые слова для новых понятий» (Haspelmath, 2009: 46). Однако речь в его работе идет скорее об обозначениях не столько новых понятий, сколько – новых реалий, как относящихся к миру сугубо материальному (электричество, компьютер, автобус), так и миру социо-культурному или экономическому. В нашем же случае мы имеем дело с довольно тонкой областью вне-денотативной мистики, в которой, как можно очень осторожно предположить, именно под влиянием контактов с римской культурой произошли некоторые сдвиги, в частности – появилась идея возможности прорицания локального будущего при помощи трактовки определенных «примет», знаков, явленных взору пророка. Уточнение реализации семантики лексемы в данном случае оказывается возможным только при применении метода контекстуального анализа, результаты которого далеко не всегда адекватно отражены в словарных вхождениях (что особенно актуально для древних языков в целом).

В данной связи естественным образом возникают два разных вопроса. Во-первых, неужели кельты ранее не знали культуры предречений? Во-вторых, почему же, согласно Хаспельмату, при появлении нового понятия не была использована автохтонная лексема с соответствующим семантическим сдвигом?

Ответить на первый не так просто, но скорее – можно. Да, несмотря на то, что о культуре мантики и прорицаний у кельтов писали, например, Цезарь и Страбон, речь в их трудах шла скорее о континентальных кельтах, точнее – о галлах. Гойделлы и бритты, достаточно давно отселившиеся на Британские острова (предположительно – уже в сер. 2-го тыс. до н.э.) обладали иной духовной культурой. Несмотря на то, что лат. *vates* ‘пророк’ часто называется кельтским заимствованием (см. Szemerényi, 1989: 125-128, ср., однако – Ernout, Meillet, 1939: 1076, de Vaan, 2008: 656), обращение к анализу собственно семантики ирландского когната – *faith* демонстрирует несколько иную семантику. Образованное от него абстрактное существительное *faitsinech* обозначает не столько сообщение о разгаданном по каким либо признакам будущем событии, сколько – вербализованное сакральным лицом будущее. Впрочем, вопрос этот сложен и выходит за рамки настоящего семантического очерка.

Ответить на второй вопрос – еще сложнее. Как представляется, наиболее близким семантически к лат. *signum* можно назвать др.ирл. *airde* ‘знак, значок, метка’ (ср. валл. *arwydd* ‘то же’, к обще-кельтскому **weid-* ‘видеть’ – LEIA-A: 41) – описывающее некий зрительно маркированный объект. Почему в ранний период данная лексема не развила в своем семантическом поле значения «предвиденье, знамение», сказать трудно. Видимо, все же отчасти указанный семантический сдвиг в ментальной карте языка произошел скорее под влиянием латинской культуры мантики, и когда потребовалось слово для обозначения понятия «предречение при помощи разгадывания знака», данная семантическая ниша оказалась занятой заимствованной из той же культуры-донора лексемой. В дальнейшем, как мы увидим, именно *airde* окажется синонимичной дублетному заимствованию: *signum* > *signin*.

Исходное значение *sén*

В качестве основного у лексемы *sén* можно фиксировать значение ‘знак, примета, знамение’ (eDIL), повторяю – не унаследованное от языка-донора. См. например: употребление в саге «Похищение быка из Куальнге» (Первая редакция – рук. «Книга Бурой Коровы», XI в.):

Doesmalta dano iarum ceithre cóiced Hérend co mbáatar hí Crúachaib Aíi. Ocus bís teilcset a fáthi ḡ a ndruid ass sein co cend cóicthigis oc irnaidi **seoín** (O’Rahilly, 1976: 1) – *Собрались же тогда четыре пятинны Ирландии, так что были они в Круахане Аи. И был запрет их пророков и их друидов выступить, пока не получат они знамения.*

Ср. также из саги «Плавание Майль Дуйна»:

Luid iarom i tir Corcomruadh do fiarfaighi **seoín** ḡ **solaiḡi** do druid bai ann, do tindscedal denma nói (Stokes, 1888: 458) – *Пошли они тогда в Коркомруад просить знамения и удачи у друида, который был там, чтобы строить корабль.*

Аналогичных примеров можно найти еще много, однако для нас представляют интерес не они, а употребления, в которых лексема *sén* несомненно получает уже новое значение, то есть – совершает в своем семантическом развитии еще один, достаточно предсказуемый переход. Я имею в виду значение «заклинание как действие» (чаще – направленное на благо), иногда реализующееся в составе формулы *sén* ḡ *soladh*. Семантика второй лексемы, как можно предположить, отчасти синонимична первой, она восходит к композиту *so-lith* ‘добрая судьба, добрая доля, удача’. Однако сочетание «доброе знамение и удача» в ряде традиционных нарративов неожиданным образом начинают свою семантику менять на противоположную.

Так, например, пограничное значение «знамение – заклинание» предположительно можно постулировать для употребления формулы в саге «Похищение быка из Куальнге» (редакция в рук. «Лейнстерская книга», XII в.):

... ná léic dochum in Catha co tí nert don **tseón** ḡ don **tsolud** coró éirgea grían i cléithib nímí... (O’Rahilly, 1970: 128-129) – *... не пускай их в сражение, доколе не явятся с полною силой знамения и знаки, да солнце не поднимется на небо* (пер. С. Шкунаева – Михайлова, Шкунаев, 1985: 315).

Предложенный русский перевод представляется в данном случае удачным, однако этот же пример употребления формулы *sén* ḡ *soladh* в Словаре ирландского языка трактуется иначе: *until the charm and spell begin to work* (см. в электронном издании Словаря - eDIL).

Более однозначные прочтения *sén* именно как обозначения уже сакрального речевого акта (квалифицируемые мною как вторичные значения) можно найти в таких примерах как:

Рассказ языческого бога Маннана о «восстании ангелов» и подавлении его при помощи заклинания (сага «Воспитание в Домах Двух чаш»):

ḡ ba dibirt dosum .i. in **sen** tangadar aingil o righ in rigtigh ḡ o coimsidhteoir na cruinne ḡ in **sen** do sgaramarne flaitheas Fodla re Feraib Bolg ḡ in **sen** do sgradar mic Mileadh oireachas Erenn rinn fein aris (Duncan, 1932: 190) – *и будет это изгнанием для него, ибо это заговор который увел ангелов от Царя и Правителя Мира и заговор, которым мы отняли власть в Фодле у Мужей Болг и заговор, которым лишили Сыновья Миля правления Ирландией нас самих.*

Вторичное значение *sén*

В данном случае можно отметить обратную реализацию распространенного метонимического перехода, строящегося по типу «действие» → «результат действия» (‘варенье’, ‘печенье’, см. (Апресян, 1995: 196). Семантический сдвиг от «знака» к «знамению», а затем - к «предречению» представляется логичным, причем – именно в рамках ранней гойдельской духовной культуры, ориентированной, как я уже отмечала, не на перцепцию, но на вербализацию будущего. Но поскольку для автохтонной культуры «предречение»

является синонимичным «заклинанию», то логическим выглядит и следующий семантический переход, невольно произошедший внутри семантического поля латинизма, изначально ничего общего с «заклинанием» не имеющего.

Но все же следует признать, что теоретически сам факт уточнения локальной семантики лексемы, обладающей, как мы видим, достаточно широким семантическим полем в рамках языка в целом, не представляется мне особенно перспективным. Так как, с одной стороны, мы имеем дело с разными текстами, относящимися к разным традициям и составленными разными компиляторами, имеющими собственные идиолекты. С другой, представленная семантическая размытость, возможно, как раз и отражает размытость концептуальную: сама идея получения и разгадывания «знака» оказывается неотделимой от идеи предречения уже как речевого акта, а также – вербализации будущего и влияния на течение событий в целом. Реализацию той же модели семантической деривации, как можно предположить, мы имеем и с употреблением в реальных контекстах лексемы *sén* (а также формулы *sén 7 soladh* в целом).

При этом представляется интересным обратить внимание также на происходящую в семантическом поле лексемы смену коннотаций, демонстрирующую устойчивую эмапатию на бенефактив речевого акта. Иными словами, «благословение» может реализоваться и как противоположное действие в зависимости от того, с чьих позиций оно описывается. Позволим себе привести два, относительно больших примера.

Формула *sén 7 soladh*, употребленная в тексте саги «Воспитание в домах двух чаш» находит, например, неожиданные параллели в среднеирландской компиляции «Разговоры старцев» (*Acallam na Senórach*), относящейся к циклу Финна и в основном повествующей о том, как святой Патрик

распространял новую веру среди героев Ирландии (наиболее полным считается текст из рук. «Книга Лисмора», XV в.). В рукописи нет деления на главы, однако текст логически распадается на отдельные эпизоды (см. – в издании Stokes 1900).

Один из них повествует о том, как в Ирландию к Финну и его воинам прибыли три брата с рыжими волосами, сидящие на рыжих псах. Они пришли мстить за своего отца, Уара, которого убил когда-то давно Кальте, воин фианы. Братья начинают разорять страну, однако Финну помогают обороняться внезапно появившиеся три сына короля Норвегии (*Iruaith*). Действие саги «происходит» (если можно говорить об этом?!) в V в., а упомянутый эпизод отсылает к середине III в. н.э., поскольку в нем действует легендарный король Кормак сын Арта. Однако введение темы скандинавов в данном случае не должно удивлять: данные анахронистические вкрапления в саговые нарративы встречаются очень часто. Говоря строго, топоним *Iruaith* в саге может быть употреблен и в значении «чудесная страна». Именно скандинавов король Кормак просит найти средство, чтобы изгнать из Ирландии разбойников:

In fuighbed sib sén na solad ro díchuirfed na trí náimde út a hEirinn neoch ata ac milled Fiann Eirenn? (Stokes, 1900: 172, l. 6231-32) – Не найдется ли у вас заговора и заклятия, чтобы изгнать из Ирландии этих трех врагов, которые хотят гибели ирландских фениев?

При этом Кормак ссылается на умение скандинавских пришельцев сражаться при помощи магии. Братьев заманивают на поляну, якобы, для решения спора о мести и возмещении ущерба за их отца, но когда они прибывают, им навстречу выходит Дув, сын короля Ируата и произносит заклинание, начинающееся словами:

Eirgid a nert in tséin seo 7 in tsolaid... (Stokes, 1900: 172, l. 6247-48) – Уходи силой этого заговора и заклинания...

Далее следует текст, отправляющий братьев в Ад, после чего три брата бросаются в воды реки, одновременно пронзая друг друга мечами, и погибают.

Иными словами, *sén*, по крайней мере – в ряде контекстов, начинает кодировать магический речевой акт, не только выгодный протагонисту, но и справедливый и законный с позиций как компилятора текста, так и его персонажей. Видимо, именно таким образом можно интерпретировать употребление лексемы *sén* уже в житийной традиции. Так, например, в «Житии» святого Сенана (текст уже ранне-новоирландский, XV в.), в ходе спора друида со святым о владении землей обыгрывается обозначение языческой вербальной магии, называемой *bricht*, и противопоставленной магии «христианской», кодируемой как *sén*:

Luid iarsin co hairm imbai Senán ꝛ ro
chan brechta [i]na agaidh ꝛ doraidh : Facuib
an tir lasin **sén**-sa.

Doraidh Senán [frissem] :

Doro at cenn do **shena**.

is fortsa bus mela.

ba at trucendeilmndina.

istusa. not-bela.

Is treisi an **sén** tucus-salim, ar Senán, ꝛ
is ferr mo dhan. (Stokes, 1890: 68).

*Пошел он туда, где был Сенан, и
пропел заговор против его лица и сказал:
Оставь эту землю от этого заклинания!*

Сказал ему Сенан:

*Ставлю голову против твоего
заклинания.*

И тебе же будет стыд.

*Ты будешь проклят без большого
шума.*

И это ты-же погибнешь.

*Сильнее заклинание, которое я взял с
собой, - сказал Сенан - и лучше мой стих.*

Обратим внимание на то, что друид, который с позиций христианского компилятора является в данном споре стороной не правой, исполняет *bricht*, но сам при этом называет свой речевой акт как – *sén*, видимо, уверенный в своей правоте.

Предварительные выводы

В свое время, анализируя употребление формулы *sén ꝛ soladh* в «Воспитании в Домах Двух Чаш» в сопоставлении с «Разговорами старцев», известный специалист по древнеирландской нарративной традиции А. Ван Хамель пришел к выводу, что ее наличие в относительно поздних и относящихся к разным жанрам текстах демонстрирует ее архаичность и непосредственную связь именно с языческой традицией (см. Van Hamel, 1930: 358-359). В вышедшей недавно работе К. Дал-Хамбро данная идея оспаривается, поскольку, как она пишет, ирландское *sén* является латинским заимствованием и, следовательно, «должно быть связано с христианской традицией» (Dahl Hambro, 2019: 46). Однако, связь латинизмов именно с христианством для ранней ирландской языковой картины мира совсем не очевидна, поскольку, как я уже отмечала выше, распространению новой религии в Ирландии (примерно начало V в.) предшествовал долгий период опосредованных контактов с латинской культурой поздней Империи – через романизованную Британию. Семантический переход «знак → знамение → заклинание» у лексемы мог произойти как уже в рамках собственно ирландской традиции, так и в качестве унаследованного некоего реконструируемого инсультного кельтского «семантического поля» (ср. валл. *swup* ‘заклинание, заговор’, также – латинское заимствование из *signum*). Собственно метонимия здесь оказывается скорее подмененной «контагинацией», то есть – опосредованной связью значений (см. о семантических переходах такого типа - Traugott, Dasher, 2002: 57-59).

В современном ирландском языке лексема приняла форму *séan* и употребляется скорее в значении ‘удача, счастливый знак’ (см. Dinneen, 1927: 1006).

Дублетное заимствование - *sigin*

Лексема *sigin* представляет собой более позднее заимствование из того же лат. *signum* (о чем, в частности, говорит ее

фонетическая приближенность к оригиналу) и гораздо менее частотна в употреблениях. Как правило, она используется в устойчивом сочетании *signa na croichi* ‘крестное знамение’ (как сакральный жест). Фразеологизм предположительно восходит к преданию о том, что римский император Константин Великий перед важным сражением увидел в небе крест и надпись, известную в латинском варианте как – *in hoc signo vinces* («с этим ты победишь», первое свидетельство содержится в греческом жизнеописании Константина, написанном Евсевием Кесарийским). Легенда, как и сам «девиз» была широко распространена в культуре Европейского Средневековья, распространявшись также метонимически на веру в силу «крестного знамения» как символического жеста и связанную с этим фразеологию (см. об этом – Успенский, 2006: 42-53 et passim).

См. например (все примеры намеренно взяты из одного источника: жития святых в рук. XV в. «Книга Лисмора» - Stokes 1890):

со *tard-som signa na croiche tarsin carraic* – он сделал **знак** креста на той скалой;

tabair sighin na croiche don bhachail for a ucht – дай **знак** креста посохом на его грудь (для исцеления)

Но также:

dos-beir sein crois dia bhachaild dara bruinne so n-erracht fochedair – он сделал **знак креста** своим посохом над его головой так что мальчик сразу поднялся

То есть вновь используется раннее заимствование *sén*, но в его другом значении – «знак, крестное знамение», возникшем в результате частичного слияния и конъюнкции семантических полей дублетных заимствований. Но еще интереснее оказываются другие примеры.

Мы уже отмечали выше, что семантически к лат. *signum* оказывается близко др.ирл. *airde* ‘знак, отметка, символ’. И, как оказалось, под влиянием латинской фразеологии именно эта лексема

вошла в состав устойчивого сочетания «крестное знамение», в ряде случаев используемых альтернативно, но бесспорно – синонимично:

luidh Pátraic dia saigit cu tard airrdhi na croichi tarsin crecht ᵱ *ba slan focéair* – Подошел Патрик к ней, сделал **крестное знамение** над ее ранами и они вскоре излечились;

do rat airrdhe na croiche cona laimh – он сделал **крестное знамение** своей рукой...

Кроме указанного словосочетания лексема может употребляться также в значении «знак отличия, значок», то есть – оказывается гораздо более близкой к латинскому источнику. В последнем значении фиксируются и ее современные употребления.

Заключение (Conclusion)

В качестве заключения мы можем сделать вывод, что отмеченная континуальность и не дискретность лингвистических и культурных контактов древнеирландского и латинского языковых страт привела не только к принципиальной невозможности четкой дифференциации хронологии заимствований, но и к возникновению дублетов, семантические поля которых неизбежно окажутся смещенными и пересекающимися. Но в то же время, следует отметить и островную кельтскую компоненту, которая невольно «навязывает» заимствованному понятию свою специфику видения мира, согласно которой, в частности, будущее не угадывается, а – предсказывается посредством вербализации. Так «знак» превращается в «знамение», а потом и в «заклинание».

Список литературы

- Апресян Ю.Д. Избранные труды, Т. I. Лексическая семантика: Синонимические средства языка. М., ЯСК, 1995. 345 с.
- Винничук Л. Люди, нравы и обычаи Древней Греции и Рима. пер. с польск. М.: Высшая школа, 1988. 496 с.
- Королев А.А. Древнейшие памятники ирландского языка. М.: Наука, 1984. 208 с.

Михайлова Т.А., Шкунаев С.В. Похищение быка из Куальнге. Русск. пер., комм. М., «Литературные памятники»: Наука, 1985. 494 с.

Михайлова Т.А. Croch vs cros ‘крест’: о латинских дублетных заимствованиях и развитии христианской метафоры в Ранней Ирландии // Критика и семиотика, 2019, № 2, 9-23.

Михайлова Т.А. Социо-культурная мотивация и семантическое развитие латинских дублетных заимствований в древнеирландском: семья // Известия РАН. Серия литературы и языка, 2020, № 6 (в печати).

Успенский Б.А. Крест и круг. Из истории христианской символики. М.: Языки славянских культур, 2006. 488 с.

Bieler, L. The Patrician Texts in the Book of Armagh. (Ed. and trans.) *Scriptores Latini Hiberniae* 10. Dublin: DIAS, 1979. 288 p.

Charles-Edwards, T.M. *Early Christian Ireland*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 707 p.

Dahl Hambro, C. The Religious Significance of the *sén 7 soladh* in *Altram Tige Dá Medar*, in: *Charm, Charmers and Charming in Ireland from the Medieval to the Modern*. Ed. I. Tuomi et al., Cardiff: University of Wales Press, 2019. P.39-50.

DatSemshift 2.0. – Зализняк Анна А., Бобрик М., Бибаева М., Булах М., Воронов М., Ганенков Д., Грунтов И., Майсак Т., Михайлова Т., Орлова М., Руссо М., Смирнитская А. Каталог семантических переходов в языках мира: URL: datsemshift.ru (дата обращения 03.-7.2020)

Dickie, M.W. *Magic and Magicians in the Greco-Roman World*. London – New York: Routledge, 2003, 371 p.

Duncan, L. (ed.) ‘*Altram Tige Dá Medar*’, *Ériu*, vol. 11, 1932.184-225.

Haspelmath, M. *Lexical borrowing: Concepts and issues // Loanwords in the world's languages : a comparative handbook / ed. by Martin Haspelmath, Uri Tadmor*. Berlin: Walter de Gruyter, 2009. 35-54.

Hutton, R. *The Pagan Religion of the Ancient British Isles. Their Nature and Legacy*. Oxford: Blackwell, 1991. 397 p.

Jackson, K. *Language and History in Early Britain*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1953. 752 p.

Janowitz, N. *Magic in the Roman World. Pagans, Jews and Christians*. London and New York: Routledge, 2001. 145 p.

Koch, J. The Loss of Final Syllables and Loss of Declension in Brittonic, *Proceedings of the Harvard Celtic Colloquium*, Vol. 1, 1981. P.21-51.

Langslow, D.R. “Approaching Bilingualism in Corpus Languages”, *Bilingualism in Ancient Society: Language Contact and the Written Text*. Eds. J.N. Adams, M. Janse and S. Sawain. Oxford: Oxford University Press, 2002. P. 24-53.

Mallory, J.P. *The Origins of the Irish*. London: Thames & Hudson, 2013. 320 p.

McManus, D. A. *Chronology of Latin loanwords in Early Irish*, *Ériu*, vol. 34, 1983. P.21-71.

O’Rahilly C. (ed.) *Táin Bó Cúailnge from the Book of Leinster*. Dublin: DIAS, 1970. 356 p.

O’Rahilly, C. (ed.) *Táin Bó Cúailnge. Recension I*. Dublin, DIAS, 1976. 312 p.

Sandberg-McGowan, A. *Viking Influence on Irish Weaponry and Dress?*, *Celtic Helsingiensia. Proceedings from a Symposium on Celtic Studies*. Ahlqvist A. et al., (eds.). Helsinki: Societas Scientiarum Fennica, 1996. 215-231.

Stokes, W. (ed.), “The voyage of the Mael Duin”, *Revue celtique*, vol. IX, 1888. P.447-495.

Stokes, W. (ed.), *Lives of Saints from the Book of Lismore*. Oxford: At the Clarendon Press, 1890. 411 p.

Stokes, W. (ed.), *Acallam na Senorach, Irische Texte*. 4 Serie, 1 Heft, Leipzig: Verlag von S.Hirzel, 1900. 438 S.

Szemerényi, O. *An den Quellen des lateinischen Wortschatzes: Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft*, Bd. 56, Innsbruck, 1989. 192 p.

Traugott, E.C. & Dasher, R.B., *Regularity in Semantic change*. Cambridge: Cambridge University Press. 2002. 341 p.

Van Hamel, A. G. *The Celtic Grail*, *Revue celtique*, vol. 47, 1930. 341-382.

Список словарей

Dinneen P.S. *Foclóir Gaedhilge agus Béarla – Irish-English Dictionary*. Dublin, Irish Texts Society, 1927. 1344 p.

De Vaan, M. *Etymological Dictionary of Latin and other Italic Languages*. Leiden: Brill, 2008. 825 p..

eDIL – *Electronic Dictionary of the Irish Language*: <http://www.dil.ie>. (accessed 15.06.2020).

Ernout, A. et Meillet, A. Dictionnaire étymologique de la langue latine: histoire des mots. Paris: Klincksieck, 1939. 1184 p.

Glaire, P.G.W. Oxford Latin Dictionary. Oxford: At the Clarendon Press, 1968. 2146 p.

LEIA-A – Lexique étymologique de l'irlandais ancien de J. Vendryes (A : 1959), Paris – Dublin : DIAS, 106 p.

References

Apresyan Yu. D. (1995). *Leksicheskaya semantika: Sinimicheskie sredstva yazyka* [Lexical Semantics: Synonymic means of language], Moscow, Yazyki Russkoy Kultury (in Russian).

Bieler, L. (1979). *The Patrician Texts in the Book of Armagh*. (Ed. and trans.) Scriptores Latini Hiberniae 10. Dublin: DIAS.

Charles-Edwards, T.M. (2004). *Early Christian Ireland*. Cambridge: Cambridge University Press.

Dahl Hambro, C. (2019). "The Religious Significance of the *sén 7 soladh* in *Altram Tige Dá Medar*", in: *Charm, Charmers and Charming in Ireland from the Medieval to the Modern*. Ed. I. Tuomi et al. [p.p.39-50], Cardiff: University of Wales Press, 39-50.

DatSemshift 2.0. – Zaliznyak Anna A., Bobrik M., Bibayeva M., Bulakh M., Voronov M., Ganenkov D., Gruntov I., Maysak T., Mikhaylova T., Orlova M., Russo M., Smirnitckaya A. Katalog semanticheskikh perekhodov v yazykakh mira, Retrieved from: <http://datsemshift.ru>

De Vaan, M. (2008). *Etymological Dictionary of Latin and other Italic Languages*. Leiden: Brill.

Dickie, M.W. (2003). *Magic and Magicians in the Greco-Roman World*. London – New York: Routledge.

Dinneen P.S. (1927). *Foclóir Gaedhile agus Béarla – Irish-English Dictionary*. Dublin, Irish Texts Society.

Duncan, L. (1932). (ed.) 'Altram Tige Dá Medar', *Ériu*, vol. 11, 184-225.

eDIL – Electronic Dictionary of the Irish Language. Retrieved from: <http://www.dil.ie>

Ernout, A. et Meillet, A. (1939). *Dictionnaire étymologique de la langue latine: histoire des mots*. Paris: Klincksieck.

Glaire, P.G.W. (1968). *Oxford Latin Dictionary*. Oxford: At the Clarendon Press.

Haspelmath, M. (2009). "Lexical borrowing: Concepts and issues", *Loanwords in*

the world's languages: a comparative handbook / ed. by Martin Haspelmath, Uri Tadmor. Berlin: Walter de Gruyter, 35-54.

Hutton, R. (1991). *The Pagan Religion of the Ancient British Isles. Their Nature and Legacy*, Oxford: Blackwell, 397 p.

Jackson, K. (1953). *Language and History in Early Britain*. Edinburgh: Edinburgh University Press

Janowitz, N. (2001). *Magic in the Roman World. Pagans, Jews and Christians*. London and New York: Routledge.

Koch, J. (1981). "The Loss of Final Syllables and Loss of Declension in Brittonic", *Proceedings of the Harvard Celtic Colloquium*, 1, 21-51.

Korolev A.A. (1984). *Drevneishie pamyatniki irlandskogo yazika* [Early Irish inscriptions]. Moscow: Nauka (in Russian).

Langslow, D.R. (2002). "Approaching Bilingualism in Corpus Languages", *Bilingualism in Ancient Society: Language Contact and the Written Text*. Eds. J.N. Adams, M. Janse and S. Sawain. Oxford: Oxford University Press, 24-53.

LEIA-A – Lexique étymologique de l'irlandais ancien de J. Vendryes (A : 1959), Paris – Dublin: DIAS.

Mallory, J.P. (2013). *The Origins of the Irish*. London: Thames & Hudson

McManus, D. A. (1983). "Chronology of Latin loan-words in Early Irish", *Ériu*, 34, 21-71.

Mikhailova T.A. (2019). "Croch vs cros 'cross': Latin borrowings and Christian traditional metaphors in Early Ireland", *Kritika i semiotika*, 2, 9-23 (in Russian).

Mikhailova T.A. (2020). "Social and cultural motivations and semantic shifts in Latin doublet borrowings in Old Irish: a case of 'family'", *Izvestia Literaturny i jazika RAN*, in print (in Russian).

Mikhailova T.A., Shkunaev S.V. (1985), *Pokhitshenie byka iz Cualnge* [The Cattle Raid of Cooley], Moscow, Nauka (in Russian).

O'Rahilly C. (1970). (ed.) *Táin Bó Cúailnge from the Book of Leinster*. Dublin: DIAS.

O'Rahilly, C. (1976). (ed.) *Táin Bó Cúailnge*. Recension I. Dublin, DIAS, 312 p.

Sandberg-McGowan, A. (1996). "Viking Influence on Irish Weaponry and Dress?", *Celtic Helsingiensia. Proceedings from a Symposium on Celtic Studies*. Ahlqvist A. et al., (eds.). Helsinki: Societas Scientiarum Fennica, 215-231.

Stokes, W. (1888). (ed.), "The voyage of the Mael Duin", *Revue celtique*, IX, 447-495.

Stokes, W. (1890). (ed.), *Lives of Saints from the Book of Lismore*. Oxford: At the Clarendon Press.

Stokes, W. (1900). (ed.), *Acallam na Senorach, Irische Texte*. 4 Serie, 1 Heft, Leipzig: Verlag von S.Hirzel.

Szemerényi, O. (1989). *An den Quellen des lateinischen Wortschatzes*: Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft, Bd. 56, Innsbruck.

Traugott, E.C. & Dasher, R.B., (2002). *Regularity in Semantic change*. Cambridge: Cambridge University Press.

Uspenskij B.A. (2006). *Krest i krug* [Cross and Circle] Moscow, Yazyki Slavianskoj Kultury (in Russian).

Van Hamel, A. G. (1930). "The Celtic Grail", *Revue celtique*, 47, 341-382.

Vinnichuk, L. (1988). *Ludi, nrawy i obichay Drevnej Grecii i Rima* [People, customs and

believes in Old Greece and Rome], Moscow, Vyschaja Shkola (in Russian).

believes in Old Greece and Rome], Moscow, Vyschaja Shkola (in Russian).

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Михайлова Татьяна Андреевна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела Индоевропейских языков Института языкознания РАН, профессор филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Tatyana A. Mikhailova, Doctor of Philology, Leading Researcher of the Department of Indo-European Languages of the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Professor of the Philological Faculty of Lomonosov Moscow State University

РАЗДЕЛ III. ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ СТРАН ЗАРУБЕЖЬЯ
SECTION III. FOREIGN LITERATURE

УДК 811.221.3

DOI: 10.18413/2313-8912-2020-6-3-0-9

Додыхудоева Л. Р.

**Интертекстуальный диалог в ираноязычном фольклоре
Центральной Азии: источники сложения и особенности
описания персонажей волшебных сказок**

(Серия статей «Литературные языки и литературные традиции:
контакты и влияния» под руководством д.ф.н., профессора
В.Я. Порхомовского и д.ф.н., профессора И.И. Чельшевой,
Институт языкознания РАН, г. Москва)

Институт языкознания РАН,
Б. Кисловский пер.,
1, стр.1, Москва 125009, Россия
E-Mail: leiladod@yahoo.com
ORCID id: 0000-0002-4567-9454

*Статья поступила 1 августа 2020 г.; принята 10 сентября 2020 г.;
опубликована 30 сентября 2020 г.*

Аннотация

В статье проводится анализ персонажей и их функций в ираноязычном сказочном фольклоре Центральной Азии в рамках концепции интертекстуальности. Актуальность исследования обусловлена недостаточной степенью изученности лингвокультур и текстов в аспекте динамики их интертекстуального взаимодействия, а также тем, что интертекстуальный аспект позволяет решить комплекс лингвокультурологических, литературоведческих и когнитивно-дискурсивных проблем. Основные методы: описательный, сравнительно-исторический, сопоставительный, а также элементы когнитивного, этнолингвистического и историко-культурного анализа.

В статье показана динамика интеркультурного взаимодействия памирских и таджикско-персидских фольклорных текстов и персонажей, а также их функций, уделяется внимание функциональному аспекту интертекста, представленному волшебными персонажами и их наименованиями (*перу*, *див*, *существо-с-пядь*, *старуха-оборотень*), рассмотрены особенности их отражения и функций на региональном и локальном уровнях. Установлено, что первые два персонажа широко распространены в произведениях ираноязычного сказочного фольклора Центральной Азии и Ирана, наряду с этим в текстах на памирских, таджикском и белуджском языках они имеют самобытные черты, связанные с регионом распространения. Сфера действия двух других персонажей связана с ограниченным числом ираноязычных сказок горных регионов Таджикистана и Афганистана. При этом первый из этих персонажей

имеет типологические параллели с персонажами сказок «Тысяча и одной ночи», русских, молдавских, армянских и башкирских сказок, а также поэмы А.С. Пушкина «Руслан и Людмила» и индийской эпической поэмы «Рамаяна»; последний персонаж широко представлен не только в ираноязычном, но и в тюркоязычном сказочном фольклоре Центральной Азии. Выявлено, что исследуемые персонажи связаны с персоязычной фольклорной традицией, однако в ходе истории сформировали в регионально-локальных фольклорных традициях самобытные образы на основе контаминации с персонажами памирского и горно-таджикского пантеона.

Ключевые слова: сказочный текст; интертекстуальность; культурный контекст, *пери; див*

Информация для цитирования: Додыхудоева Л.Р. Интертекстуальный диалог в ираноязычном фольклоре Центральной Азии: источники сложения и особенности описания персонажей волшебных сказок (Серия статей «Литературные языки и литературные традиции: контакты и влияния» под руководством д.ф.н., профессора В.Я. Порхомовского и д.ф.н., профессора И.И. Челышевой, Институт языкознания РАН, г. Москва) // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2020. Т.6, №3. С. 112-126. DOI: 10.18413/2313-8912-2020-6-3-0-9

Leyli R. Dodykhudoeva

Intertextual dialogue in the Iranian-language folklore of Central Asia: sources of formation and specific features of the characters in fairy tales

(Series of Papers “Standard Languages and Literary Traditions: Contacts and Influences” directed by Professor Irina I. Chelysheva and Professor Viktor Ya. Porkhomovsky, Institute of Linguistics RAS, Moscow)

Institute of Linguistics,
Russian Academy of Sciences,
bld. 1, 1 B. Kislovsky Ln.,
Moscow, 125009, Russia
E-Mail: leiladod@yahoo.com
ORCID id: 0000-0002-4567-9454

Received 1 August 2020; accepted 10 September 2020; published 30 September 2020

Abstract

The article is focused on the analysis of the characters and their functions in the fairy-tale Iranian-language folklore of Central Asia within the framework of the concept of intertextuality. The relevance of the study is determined by the lack of research of the intertextual interaction of lingua-cultures and texts, as well as by the fact that intertextual perspective provides an interdisciplinary approach that enables to resolve lingua-cultural, literary, and cognitive-discursive problems. Main methods are: descriptive, comparative-historical and typological, as well as elements of cognitive, ethnolinguistic and historical-cultural analysis.

The article shows the dynamics of intercultural interaction between Pamir and Tajik-Persian folklore texts and characters, as well as their functions. Special attention is

paid to the functional aspect of the intertext, represented by magic characters and their designation (*peri, div*, a creature in the size of a span, a werewolf-crone), their specific features and functions at the local and regional levels. The author reveals that the first two characters are widely spread in the Iranian-language fairy-tale folklore of Central Asia and Iran, but in the texts in the Pamir, Tajik and Baluchi languages have distinctive features associated with the region of their distribution. The area of the other two characters is related to a limited number of Iranian-language fairy tales from the mountainous regions of Tajikistan and Afghanistan. The first of these characters has typological parallels among characters some widely known from “A Thousand and one nights”, Russian, Moldovan, Armenian and Bashkir fairy tales, A. Pushkin’s poem *Ruslan and Lyudmila* and the Indian epic poem *Ramayana*; the second personage is widely represented not only in Iranian but also in the Turkic fairy tales of Central Asia. It was confirmed that these characters are associated with the Persian-Tajik folklore tradition, but in the course of history they formed original images in the regional-local folklore traditions based on contamination with the characters of the Pamir and Mountainous Tajik pandemonium.

Keywords: fairy-tale text; intertextuality; cultural context, *peri; div*

How to cite: Dodykhudoeva L.R. (2020). Intertextual dialogue in the Iranian-language folklore of Central Asia: sources of formation and specific features of the characters in fairy tales (Series of Papers “Standard Languages and Literary Traditions: Contacts and Influences” directed by Professor Irina I. Chelysheva and Professor Viktor Ya. Porkhomovsky, Institute of Linguistics RAS, Moscow). *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, 6 (3), 112-126, DOI: 10.18413/2313-8912-2020-6-3-0-9

Введение

Многие народы, населяющие Ближний Восток и Центральную Азию (включая Западную Индию), в древности входившие в состав Ахеменидской империи, восприняли персидский язык как язык администрации, науки и литературы и впоследствии продолжали испытывать влияние персидской культуры, войдя в культурное пространство сообществ, находящихся под ее воздействием (англ. *Persianate societies*). Благодаря торговым, дипломатическим, культурным контактам и ассимиляции были активизированы творческое взаимодействие культур и идей, научное и литературное переводческое движение, передача реалий, языков, культурной лексики и произведений словесного творчества. При этом национальные культуры народов, входящих в эту империю, впитали многие ее составляющие, сохранив самобытное мировоззрение и языковую картину мира,

что особенно красноречиво выражается в словесном творчестве, в частности сказочном фольклоре.

Теоретический обзор литературы

Как известно, Ю. Кристева, на основе идеи «диалога между текстами» М.М. Бахтина обосновала положение о диалоге предшествующей и современной литературы и ввела понятие интертекстуальности (2000). В лингвистическом аспекте интертекстуальность проявляется, когда взаимодействие между текстами становится очевидным посредством применения формальных средств. Эта маркированная интертекстуальность представляет собой «текстуально выраженную интертекстуальность» (Прима, 2014), здесь на первый план выдвигаются языковые формы присутствия «текста в тексте», семантические функции интертекста, где он предстает как факт присутствия в тексте элементов предшествующего текста

и маркируется такими включениями, как имя, цитата, аллюзия (Аксёнова, 2013).

Мы рассматриваем взаимодействие фольклора с социокультурной средой применяя сравнительно-исторический подход А.Н. Веселовского, связанный с такими аспектами, как художественный мир фольклорного произведения и его действующие лица в контексте окружающей реальности, «картина мира» традиции; текст как материальное воплощение художественного мира, связанного с «языковой картиной мира» (1938).

Особый интерес представляет методология сравнения текстов разных культур, разработанная В.Н. Топоровым в работе «Из «Русско-персидского» Дивана. Русская сказка *301А, В и «Повесть о Еруслане Лазаревиче» – «Шах-наме» и авестийский «Зам-язат-яшт» (Этнокультурная и историческая перспективы)» (1997), где представлено исследование иранизмов в широком этнокультурном контексте взаимосвязей восточнославянского и ираноязычного миров, демонстрирующее степень изучения взаимодействия этих культур в разные исторические периоды в данном направлении исследований. Анализируя имена героев и мотивы, автор выделяет архаичные слои произведений, выявляет вероятное время контактов восточных славян с ираноязычными этносами, а также механизмы и условия интеркультурных влияний. Он рассматривает культурный обмен как явление, при котором могут заимствоваться не только отдельные элементы, но и целые их комплексы, образующие текст, и в котором ряд элементов представлен средствами «чужого» языка.

В работах Д.И. Эдельман, выполненных на лингвистических материалах, представлен широкий подход к объяснению наличия в разных культурах близких по форме явлений, для объяснения которых нужно учитывать факторы места и времени возможных

контактов. Автор отмечает, что интерпретация истории сходных слов имеет большой диапазон. Такие слова могут быть как генетически общими (т.е. общими архаизмами или инновациями), так и заимствованными, могут создаваться параллельно по сходным моделям, иметь сходные семантические сдвиги или быть результатом совпадения и просто походить друг на друга (2002: 140, 142). Уточняя положение В.Я. Проппа о следах древних верований в волшебной сказке, Д.И. Эдельман предлагает учитывать сюжеты, привнесенные из другой культурной среды или подвергшиеся вторичной «коррекции». Рассматривая мифологические персонажи, она, в частности отмечает, что «...невозможно исключить более позднее заимствование обозначения дива как (злого духа) в славянские языки из иранской среды (возможно, через тюркское посредство) в виде др.-рус. *Дивъ*, укр. *див* (злой дух) (Фасмер 1, 512)» (Эдельман, 2002: 162; 2005: 533-540; 2009: 129-131).

При рассмотрении роли одного из персонажей иранского происхождения – Дива в «Слове [о полку Игореве]» Т.М. Николаева отмечает, что его роль определяется не самим словом, его этимологией, а функциями этого персонажа в сюжете, где он входит в состав одушевленных существ, «обладающих активной персонифицированной силой», выступающих как «олицетворенные несчастья, вестники и носители беды»; однако роль Дива «неоднозначна», и он, скорее «вестник», чем непосредственный «носитель беды» (Николаева, 1997: 56). Продолжая эту мысль, Д.И. Эдельман в своих исследованиях ставит вопрос о путях проникновения данной лексемы в славянский эпос, понимании образа дива в «Слове», иранском воздействии на этот образ, а также рассматривает на иранском материале особенности амбивалентности этого понятия, отражающего не только «злое начало», но имеющего нейтральный

или позитивный оттенок «божественности» и «благожелательности» (2002; 2005: 533-538; 2009: 129-131).

В целом персидские и таджикские сказки оказали немалое влияние на фольклор не только иранских, но и тюркских народов. По наблюдениям профессора А.Н. Болдырева, характерной чертой памирского сказочного фольклора является распространение таких персонажей, как див и пари. Поверья и рассказы о сказочно прекрасных существах – пари, обитающих в горах, чрезвычайно распространены среди памирцев, у их же соседей таджиков пари фигурируют преимущественно как чисто сказочные персонажи. При этом многие сказки таджикского происхождения обретают в памирской передаче новые сюжетные варианты, дополнительных персонажей или новые их характеристики и т. п. (СНП, 1976: 15, 16).

Как известно, в создании сборника «Тысячи и одной ночи» принимали участие многие народы, в результате чего в нем выделяются индоиранская, багдадская и египетская составляющие. В его основу положен арабский перевод VIII века персидского сборника «Тысяча сказок» («*Hezār Afsān(a)*»), о существовании которого сообщают арабские авторы X века ал-Масуди и Ибн ан-Надим (Фильштинский, 1988: 5). При этом в сформированном в итоге собрании только в одной сказке «История царевича Ахмеда и феи Пари-Бану» выступает персонаж персидского происхождения – *пери* по имени Пари-Бану, обе части имени которой имеют иранское происхождение (Marzolph, 2012: 20). Знаменательно, в этой связи, что Э. Литтманн, проанализировавший этно-национальные составляющие «Тысячи и одной ночи», полагает, что истории, в которых добрые духи и феи взаимодействуют с человеком, в целом имеют персидское происхождение (прив. по: (Marzolph, 2004: 280)).

Основная часть

Основной целью данного исследования является проведение интертекстуального анализа в сравни-

тельно-сопоставительном аспекте обозначений / наименований волшебных персонажей и специфических функций персонажей в сказочном фольклоре на иранских языках. В задачу исследования входит анализ интертекстуальных элементов, точек сходства и расхождения текстов, а также определение интертекстуальных стратегий при переводе.

Методы исследования

Для решения поставленных задач использовались такие методы исследования, как описательный, сравнительно-исторический, сопоставительный, а также элементы компонентного, когнитивного и историко-культурного анализа. Методологическую основу исследования составили теоретические положения, сформулированные в трудах В.Я. Проппа и работах по теоретическим вопросам интертекстуальности.

Для лингвистического анализа привлечены этимологический и этнолингвистический методы, используемые в работах таких известных ученых, как В.Н. Топоров и Д.И. Эдельман. Тексты изучаются в этнолингвистическом аспекте, выявляется культурно значимая лексика, обозначения и/или описания персонажей, характер их функций, устанавливаются этнолингвистические и культурно-исторические параметры терминологии.

Материалы исследования

Материалом исследования служат фольклорно-сказочные тексты на иранских языках, памирских и таджикском. Анализируются сказочные тексты, записанные в разных по времени и социокультурной ситуации условиях. За основу при анализе взята шугнанская сказка «Водарег» (ВД), таджикские тексты той же сказки (АТ), а также их русские переводы. Мы анализируем ключевую лексику наименования / обозначения персонажей этих волшебных сказок и их функциональные особенности. В этой связи рассматриваются дополнительно шугнанские сказки, в частности «Медвежонок» в записи И.И. Зарубина

(СНП) и «Руштик» в современной записи (ПС, 2018) и отдельные тексты на других памирских языках, к анализу привлекаются белуджские сказки Туркмении в записи И.И. Зарубина (БС). Сверх того, рассматривается ряд памирских, таджикских и персидских сказок по русским переводам (СНП; СЛГТ). Сверх того, привлекаются переводы ряда важных в аспекте интертекстуальности сказок, а также прецедентные тексты – «Тысяча и одна ночь» и поэма А.С. Пушкина «Руслан и Людмила». Мы используем русские переводы одной сказки из сборника «Тысяча и одна ночь» – «История царевича Ахмеда и феи Пари-Бану» (по переводу А. Галлана, 1896), «История царевны Нуреннахар и прекрасной джиннии» (по переводу Ж.Ш. Мардрюса, 1903), а также английский перевод Р.Ф. Бертон (1885). Кроме того, привлекаются отдельные русские, молдавские, башкирские и иные сказки сюжетного типа 301.

Результаты исследования

Шугнанский и таджикский варианты сказки «Водарег» объединены системой образов и мотивов, лежащих в основе миропонимания, характерного для данной общности. О тесной связи шугнанской сказки с персидско-таджикским фольклорным корпусом говорят наименования волшебных персонажей, их прозвания в тексте по функции (*див*, *пери*, из рода *пери*, старуха-оборотень) или ключевым чертам внешности (Существо-с-пядь, (Всадник,) одетый в черное).

В целом в ираноязычных сказках во множестве представлены такие сверхъестественные персонажи, как *дивы*, *пери* (обоих полов), *алмасты*, драконы, *джинны*, разного рода демонические существа-оборотни, представляющие потусторонние силы. Иногда черты, характерные для одного из мифических существ, приписываются другому. В иранской традиции *див* превратился со временем в главного представителя злых

сил, враждебных человечеству, его древнеиранские атрибуты оказались смазаны, включив дополнительные характеристики, изначально характеризующие демонов арабской традиции, таких как *гуль*, *джинн* и *ифрит* (Marzolph, 2012: 24). С другой стороны, то же можно сказать и о таком персонаже, как *пери*. Этот образ, изначально представляя силы добра, сместился к образу грозной волшебницы, а в сказочной ираноязычной традиции обрел черты роковой красавицы верной в любви и помогающей герою. Знаменательно в это связи, что по верованиям памирцев, представители волшебного мира (*пери*, *дивы* и др.) – «великие», «хозяева», живут в параллельном с ними мире и обитают в заброшенных строениях и на летних пастбищах, вступая в контакт с человеком (Литвинский, 1981: 93-100).

Чудесный помощник

1 Пери: По всему региону Центральной Азии и Ирана распространены поверья, связанные с *пери* (*пару*) – красавицами, покровительствующими земному человеку, оказывающими ему помощь и одаряющими его счастьем и богатствами, враждебными тому, кто их отвергает. Пери часто являются персонажами волшебных сказок. На Западном Памире они встречаются в основном в сказочном фольклоре (СНП: 16).

Обозначение в шугнанском тексте сказки ВД одноименного персонажа термином *пери* сведено к минимуму (ш. *pari* ‘пери, красавица’ из *parī ‘пери’, первоначально ‘прекрасное потустороннее существо’, в Авесте ‘ведьма, колдунья’, в народной мифологии без отрицательного оттенка (Эдельман, 2009: 133)); лишь однажды служанка указывает, что героиня происходит из рода *пери* (употребляя композит, включающий эту лексему: ш. *parizod* в значении ‘пери’ или ‘из рода пери’). В таджикском тексте объяснение происхождения героини, того что она – девушка-пери (*паридухтар*) дано во

внутреннем комментарии, пояснении к тексту, сразу после введения этого действующего лица; однако по всему тексту сказки она обозначается по имени. Второй раз данный термин употребляется, когда дочь шаха объясняет юноше, что героиня – пери-воительница.

Девушка-пери в данной сказке предстает в облике юноши, являя типично мужской пример поведения. И в шугнанском, и в таджикском вариантах сказки нашла отражение активная жизненная позиция героини, олицетворяющей черты девы-воительницы и сверхъестественного существа, *пери*. Такое поведение стало возможно именно благодаря указанным ипостасям персонажа, так как в патриархальном обществе поддерживается традиционное соотношение в проявлении мужского и женского начала. При этом в ираноязычных сказках имеется немало примеров женщин, которые могут служить выдающимися образцами, а в классическом персидском эпическом произведении «Шахнаме», где представлена легендарная история Персии и ее богатырей, ее автор Фирдоуси вывел ряд выдающихся женских образов, известных своей активной позицией в обществе.

Чудесный противник

Противником героя в сказке «Водарег» выступает сверхъестественный персонаж, обитатель мира иного, примечательный своими внешними данными и отчасти характером поведения.

2 Див: В ираноязычных сказках этот персонаж, как правило, выступает в отрицательной роли, хотя изредка может олицетворять и доброе начало. В ираноязычном фольклоре больше выступает «злое» начало *дива*, что связано с «бродячими сюжетами», негативным образом дива в эпической поэме «Шахнаме» Фирдоуси, где описаны несколько дивов (белый, красный и черный), выступающие против иранских богатырей (Эдельман, 2005: 538). В

большинстве персидско-таджикских сказок *див* предстает как огромный, страшный, лохматый. Однако представления о нечистой силе у жителей юго-восточного Таджикистана, Западного Памира и Ягноба, где были записаны наши сказки, иные, хотя *див* также враждебен людям, имеет огромные размеры, устрашающий вид и обладает сверхъестественной силой.

В нашей таджикской сказке противник героя непосредственно назван *дивом*. При этом он выделяется своими внешними характеристиками, так как мал ростом и носит длинную бороду – «(существо) с пядь, борода в сто пядей». Убить его непросто, когда герой наносит удар, желая отсечь ему голову, он умножается в количестве, что вообще говоря более характерно для драконов, имеющих семь и более голов. В образе *дива*, выведенного в данной сказке, сочетаются мотивы злого духа, потустороннего существа и человеческие черты. С одной стороны, это сверхъестественные приемы дива в борьбе: «связывание» героя по рукам и ногам, явление пятисот *дивов* из одного, жизнь головы отдельно от тела, ее способность говорить, особенности воздействия крови этого существа на окружающие предметы, обитание *дива* в подземном мире в замке без ворот. С другой стороны, *дива* характеризуют вполне будничные человеческие качества, такие как дерзость, жестокость, прожорливость. Кроме того, он занимается хозяйством, владеет сокровищами. *Див* похитил девушку и семь лет держал ее взаперти, одновременно обеспечивая ее необходимым и проявляя о ней заботу².

При этом взаимодействие локальных профилей персонажей в тексте и элементов, общих для всей иранской

² Ср. белуджскую сказку, где *див* мучает похищенную девушку, то отделяет ее голову от тела, то «складывает вместе, вторично читает заклинание и девушку вновь делает человеком» (БС 1932, 44).

культуры, имеет сложные переплетения. По представлениям жителей региона Западного Памира и Ягноба, *дивы* могут быть покровителями отдельных людей или целых цеховых объединений, например, «Белая Див» (*деви сафед*) или Бабушка (*биби*), покровительница пряж (Эдельман, 2005: 536-537), что отражено и в фольклорных сюжетах. Во многих случаях описания *дивов* в сказках сближены с описаниями людей, см., например, указание в ваханских сказках числа и возрастной группы ('сорок молодых дивов'), социального статуса *дива* ('повелитель (шах) дивов') или бытовых подробностей ('в этом котле див ел пищу') (Пахалина, 1975: 42, 44, 96).

3 «(Существо размером с) пядь»: Соответствующий по функциям *диву* персонаж в шугнанском тексте сказки ВД прямо не назван таковым. Данный персонаж выделяется как своими внешними характеристиками, так и наименованием, основанным на описании его внешнего вида – «(Существо размером с) одну пядь» (Як-ваджаб, ЯВ). Это – существо неизвестного происхождения с длинными усами и бородой, имеющими волшебную силу. В сказке дается его описание, так как рассказчик затрудняется в определении его происхождения. Этот отрицательный персонаж, как и *див*, живет в подземном замке, куда ведет вход через глубокую пещеру, владеет богатствами, похищает молодых девушек. О его отношении к миру иному говорят, как его сверхъестественные силы, так и то, что его душа находится вне тела. В шугнанском тексте, как и в таджикском, это существо наделено рядом сверхъестественных качеств, его голова, отсеченная от тела, может двигаться и говорить. Как и *див* таджикской сказки, оно набрасывается на еду, не считаясь с приличиями, уничтожает всю приготовленную героями пищу, ведет хозяйство, владеет немалым числом скота, хранит 40 ключей от 40 комнат.

Описанные в сказке внешние черты позволяют предположить влияние на наш персонаж действующего лица одной из сказок сборника «Тысяча и одна ночь», в которой приведен сходный внешне персонаж³. В переводе сказки «История царевича Ахмеда и феи Пари-Бану» по тексту А. Галлана, царевичу поручено найти «диковинного человека» ростом в полтора фута с бородой в пятьдесят футов, носящего на плече железную полосу весом в пятьсот фунтов. Это оказался брат его жены Пари-Бану (1896). В другом раннем переводе этой сказки, данный персонаж описан как «карлик-джинн – страж сокровищницы» героини сказки, «джинн особой породы» с бородой в три фута, высотой в полтора фута, головой величиной с туловище и тяжелой дубиной на плече (1903). В английском переводе Р.Ф. Бертона (Burton, 1885) он носит прозвание Шаббар⁴. Внешность персонажа в переводах сказки в целом совпадает, отчасти сходятся и его функции – брата или приближенного стража сокровищ Пари Бану, оберегающего ее интересы, уничтожая недругов своим грозным оружием.

В русском паремиологическом материале представлено немало единиц, характеризующих возраст, рост и наличие длинной бороды или усов. Особенно подчеркивается несоответствие маленького роста и больших размеров бороды: «сам с ноготок, а борода с локоток», «старичок с кувшин, борода с аршин», «мужичок с ноготок, борода с

3 О знакомстве населения Западного Памира со сказками «Тысяча и одной ночи», в частности данной сказкой, говорит, записанная в 1952 г. в Ишкашине Т.Н. Пахалиной сказка «Царевич Амад», являющаяся ее вольным изложением (СНП, 1976).

4 Араб. *наб(б)ут*. Основанием прозвания персонажа в данной сказке, вероятно, послужило персидское название этого оружия, широко распространенного в индоиранском мире (*шашипар* букв. 'шесть перьев', 'род боевой дубинки, палицы', рус. *шестопер*, букв. 'шесть перьев').

локоток», «сам с пядь, борода с локоть» и др.

Персонажи, сходные по внешнему виду и функциям с героем нашей сказки, присутствуют в таких русских сказках, как, например, «Зорька, Вечорка и Полуночка» или «Три царства: медное, серебряное, золотое» о старике (/ мужике) «сам с ноготь (или с четверть), борода с локоть» и ряде других (Афанасьев, 1984). Представленный в русских народных сказках «старичок сам с ноготок, борода с локоток», как и в наших ираноязычных текстах, обладает сверхъестественной силой и отличается ненасытностью в пище, поедая предназначенную для героев еду. Близкий персонаж описан в сказках «Иван-царевич и Сам с ноготь борода с локоть» (тип 301) и «Кожа медвежья-лицо человежье и Сам с ноготок борода с локоток» – «Сам с ноготок-борода с локоток, а усы семь четвертей» (усеченный тип 301) [ВСПГ: №15(22), 14(43)].

По данным А.В. Козьмина, сходный сюжетный тип, представленный в русской сказке «Три подземных царства» (зафиксированный в указателе под номером 301 А, В), является самым популярным в русской сказочной традиции (Козьмин, 2006: 158–159), этот «всемирно распространенный сюжет представлен в восточнославянском фольклорном материале большим, чем какой-либо другой, количеством записей. Русских вариантов – 144 (из них 12 в сборнике Афанасьева), украинских – 58, белорусских – 32. <...> (Лызлова, 2019: 27). Именно в русской сказке типа 301 В.Н. Топоров предполагал наличие индоиранских параллелей, в частности с «Шах-наме» Фирдоуси (1995: 181).

Близкие нашему персонажу герои упоминаются в 12 армянских сказках: «Человек-с-вершок-борода-с-три-вершка» (Гуллакян, 1979: 59), в башкирских, где встречается человекообразное существо – демонический старик «сам с вершок, борода тысяча вершков» (Хайрнурова,

2013), и в молдавских, где силы зла представляет в сказке «Крестник божий» «чудище мужичок-с-ноготок-борода-с-локоток».

В приведенном ряду можно рассматривать и сходный внешне и по функции персонаж, выведенный у А.С. Пушкина в поэме «Руслан и Людмила», где наделенный «силой роковой», заключенной в огромной бороде, и способностью перемещаться по воздуху «карла Черномор» похищает молодую жену героя. На непосредственное использование А.С. Пушкиным эпической сказки о Еруслане Лазаревиче указывает созвучие имен главных героев. К тому же известно, что на сюжет поэмы оказали влияние персонажи как русских сказок, так и сказок «Тысяча и одной ночи», к которым А.С. Пушкин проявлял большой интерес.

По соображениям С.В. Жарниковой, Черномор – персонаж русской народной мифопоэтической традиции, мог прийти в поэму А.С. Пушкина из волшебной сказки, попав туда из мифа или эпоса. В качестве прообраза сюжетной схемы «Руслана и Людмилы» автор рассматривает древнеиндийский эпос «Рамаяна», где демон похищает жену героя, после ряда испытаний Рама находит демона, убивает его и возвращает свою жену (Жарникова, 2000: 129).

Поскольку восточные сюжеты (индоиранского или арабского происхождения) тесно переплетены и трудно вычленимы, многие образы и термины смешаны, что особенно ярко выражается в переводах.

Так, во французском издании Ж.Ш. Мардрюса сказки «История царевича Ахмеда и феи Пари-Бану» и ее русском переводе под названием «История царевны Нуреннахар и прекрасной джиннии» (1903) по отношению к перси Пари-Бану употребляется арабский термин *джинн(ия)*; в современных русских переводах этой сказки данный персонаж называется феей или волшебницей.

Персонаж, сходный с ее братом, квалифицируется как «карлик-джинн».

В наших ираноязычных сказках данное действующее лицо получает отрицательные черты и функции, сходные с *дивом*, а его образ сдвигается в негативную область.

4 Старуха-оборотень: Примером модификации сюжетного типа рассматриваемой сказки, является введение нового персонажа, связанного с местными верованиями, что придает сказке особый локальный колорит. Такой дополнительной ипостасью «чудесного противника» выступает злокозненная старуха или старуха-оборотень. По замечанию А.З. Розенфельд, «образ лукавой старухи» – один из «наиболее популярных персонажей средневековой персидской литературы» в целом (1956: 7). Она может называться просто старухой (ш. *kampir*) или иметь особое обозначение. Одним из них является *алмасты* (в памирских языках *almasti* ‘фантастическое существо’, т. *алм/басти* ‘то же’, рус. *албастый, лобастый, албаст(a)* (Стеблин-Каменский, 1999: 80) или ведьма-оборотень (ш. *almastizan*, букв. ‘алмасты-женщина’ или *almasti-kampir*, букв. ‘алмасты-старуха’⁵). Ведьма-оборотень под видом старухи изображена в шугнанской сказке «Медвежонок» (СНП: 74-84); аналогичный вариант представлен в литературном переложении близкой по сюжету сказки «Руштик» (ПС, 2018: 4-28). В горных регионах Центральной Азии имеется немало рассказов о подобных персонажах. А.Л. Грюнберг записал мунджанскую быличку о встрече человека с *алмасты*, где говорится, что если остричь этому существу волосы, то оно не может покинуть человека, который сделал это (1972: 144-145). В данном случае, термины *алмасты* и *джинн* в тексте употребляются как синонимы. Этот персонаж можно сопоставить с рядом

фантастических существ соседних или культурно значимых регионов, например, с существом, представленным в кховарском фольклоре Гиндукуша, – *halmasti* ‘небесная собака, вредящая новорожденным’ (Стеблин-Каменский, 1999: 81) и с мифологическими персонажами Ближнего Востока – ассирийским демоном Ламашту (Климов, Эдельман, 1979).

Другой термин, принятый для обозначения оборотня, – *аджина* ‘существо, подстерегающее путников, в образе старухи’. В припамирских таджикоязычных районах – это обросшее шерстью и принимающее различные обличья маленькое человекообразное существо (Кисляков, 1989: 254); сообщество *аджина* возглавляет предводитель, «старший», он одет в черное и носит седую бороду (Муродов, 1975: 98). Данный персонаж зафиксирован у памирских народов И.И. Зарубиным (1960) и А.А. Бобринским (1908), а также известен у узбеков Ферганы и Таджикистана.

Оба существа издавна известны в данном регионе и имеют доисламское происхождение, их черты нередко смешиваются. При этом в образе *аджина* обнаруживаются позднейшие наслоения за счет контаминации с образом *джинна* и наложения ряда более поздних черт, присущих исламу. Считается, что термин *аджина* есть форма множественного числа от арабского *джинн*. Внешний облик этого существа: небольшой рост, огромная голова, копна всклокоченных волос женских особей и седая борода и волшебная сила «старших» вызывают в памяти образ карлика-джинна из «Тысячи и одной ночи». С другой стороны, такие черты как дерзость, невежество и прожорливость оборотня в образе старухи сближают эту женскую реализацию с ЯВ из сказки «Водарег».

Заключение

В ираноязычном сказочном фольклоре Центральной Азии (в частности

5 Ср. Алмауз кампыр узбекских сказок с носом-крючком, лохматыми волосами, костлявыми руками с железными когтями.

памирских и таджикских сказках) представлены фантастические существа, отражающие мифологические и религиозные представления ряда ираноязычных народов.

На основе проведенного анализа выявлено, что:

- изучаемые персонажи связаны с персоязычной (таджикоязычной) фольклорной традицией и пришли в региональные и локальные традиции через нее. Самобытность персонажей и отличающие их черты и функции позволяют предположить контаминацию с регионально-локальными персонажами памирского и горно-таджикского пантеона;

- два персонажа (*перу*, *див*) широко распространены в произведениях ираноязычного сказочного фольклора Центральной Азии и Ирана, наряду с этим в текстах на памирских, таджикском и белуджском языках они имеют самобытные черты, связанные с регионом распространения;

- сфера действия персонажа «старуха-оборотень» (*алмасты*) связана со сказочной традицией всего региона Центральной Азии, включая горные регионы. Этот персонаж имеет типологические параллели с мифологическими персонажами Ближнего Востока и Памиро-Гиндукушского региона;

- сфера действия двух других персонажей – Существо-с-пядь и старуха-оборотень (*аджина*) связана с более ограниченным числом ираноязычных сказок регионов Таджикистана и Афганистана. При этом последний термин контаминирован с арабским термином *джинн*, представленным в персидских и в целом ираноязычных сказках;

- персонаж Существо-с-пядь имеет типологические параллели с персонажами одной из сказок «Тысяча и одной ночи» и поэмы А.С. Пушкина «Руслан и Людмила» и имеет ряд сходений с героем индийской эпической поэмы «Рамаяна», а также персонажами русских, армянских, молдавских и башкирских сказок;

- введение нового персонажа, новой черты или нового обозначения персонажа является эффективным творческим приемом повествования при создании фольклорного произведения.

Сокращения

рус. – русский

т. – таджикский

ш. – шугнанский

Источники

АТ – Афсонаҳои тоҷикӣ (Таджикские сказки) / сост. Р. Амонов, Д. Обидов; отв. ред. Д. Рахимов. Душанбе: Дониш, 2008. (на тадж. яз.)

БС – Белуджские сказки / собранные И.И. Зарубиным. Труды Ин-та Востоковедения АН СССР. IV. Ленинград: Изд-во АН СССР, 1932.

ВД – Додыхудоева Л.Р. Волшебная сказка «Водарег» в иранском фольклоре Центральной Азии: тексты и структура повествования. 1 // Родной язык. М., 2020. 1. С. 66–84.

ВСПГ – Великорусские сказки Пермской губернии / сборник Д.К. Зеленина. 1908-1954 URL: <https://www.you-books.com/book/D-K-Zelenin/Velikorusskie-Skazki-Permskoj-Gubernii> (дата обращения 21.06.2020).

История царевича Ахмеда и феи Пари-Бану // Тысяча и одна ночь. Арабские сказки знаменитой Шехерезады / переведено с перс. А. Голандом. Т. 1-3. 4 изд. М.: Издание книгопродавца С.И. Леухина, 1896. Т. 1.

История царевны Нуреннахар и прекрасной джиннии // Тысяча и одна ночь. Арабские рассказы Шахразады. Первый полный рус. перевод по изданию Ж.Ш. Мардруса с поясн. примечаниями и новейшими илл-ми. Т. 1-4. СПб, 1902-1903.

ПС, 2018 – Памирские сказки на шести языках / сост. Ёрали Бердов, ред. Г. Ризвоншоева. Хорог, 2018.

СЛГТ – Сказки и легенды горных таджиков. Сост., пер. с тадж. и коммент. А.З. Розенфельд и Н.П. Рычковой.

Вступит, ст. А.З. Розенфельд. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1990. (Сказки и мифы народов Востока).

СНП – Сказки народов Памира. М.: Наука, 1976.

Prince Ahmad and the Fairy Peri-banu // Supplemental Nights to the book of the Thousand Nights and a Night. With Introduction Explanatory Notes on the Manners and Customs of Moslem Men and a Terminal Essay upon the History of the Nights / by Richard F. Burton. Vol. III. (1886-1888). London; USA: Printed by the Burton Club For Private Subscribers Only. P. 419-490.

Список литературы

Аксёнова Н.С. Интертекстуальность в литературоведении и лингвистике: проблема выбора подхода // Электронный журнал «Вестник МГОУ». М. URL: <http://www.evestnik-mgou.ru>. 2013. № 1. (дата обращения 21.07.2020).

Афанасьев А.Н. Народные русские сказки. Под ред. Л.Г. Бараг, В.Н. Новиков. Т. I. М., 1984.

Бобринской А.А. Горцы верховьев Пянджа. М., 1908.

Веселовский А.Н. Статьи о сказке. 1868-1890. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. Т. 16. (Сер. V. Фольклор и мифология; Т. 1) URL: <http://feb-web.ru/feb/skazki/default.asp?feb/skazki/critics/95-1938.html> (дата обращения 21.07.2020).

Грюнберг А.Л. Языки Восточного Гиндукуша. Мунджанский язык: тексты, словарь, грамматический очерк. М.: Наука, Ленинградское отделение, 1972.

Гуллакян С.А. О персонажах армянских волшебных сказок // Вестник Ереванского государственного университета. Филология. Ереван, 1979. С. 49–62.

Жарникова С.В. Дорогами мифов (А.С. Пушкин и русская народная сказка) // Этнографическое обозрение. М., 2000. 2. С. 128-140.

Зарубин И.И. Материалы и заметки по этнографии горных таджиков. Долина Бартанга // Сб. Музея антропологии и этнографии при Императорской Академии

наук. Т. V. Пг.: Типография Императорской Академии наук, 1917. С. 97-148.

Зарубин И.И. Шугнанские тексты и словарь. М.; Л., 1960.

Кисляков Н.А. Материалы по древним верованиям горных таджиков // Страны и народы Востока. XXVI. 3. М.: Главная редакция восточной литературы, 1989. С. 249-268.

Климов Г.А., Эдельман Д.И. К этимологии Albasty // Советская тюркология. Баку. 1979. № 3. С. 57-63.

Козьмин А.В. Популярность сказочных сюжетов // Проблемы структурно-семантических указателей. М.: Изд-во РГГУ, 2006. С. 156–166.

Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму. М.: Прогресс, 2000. С. 427–458.

Литвинский Б.А. Семантика древних верований и обрядов памирцев // Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье (история и культура). М., 1981.

Лызлова А.С. Сказки о трех царствах (медном, серебряном и золотом) в лубочной литературе и фольклорной традиции // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск, 2019. Т. 17. С.26-44

Муродов О. Традиционные представления таджиков об аджина // Советская этнография. М.: 1975. № 5. С. 96-105.

Николаева Т.М. «Слово о полку Игореве»: Поэтика и лингвистика текста; «Слово о полку Игореве» и пушкинские тексты. М., 1997.

Пахалина Т.Н. Ваханский язык. М., 1975.

Прима А.М. Интертекстуальность как глобальная текстовая категория // Jazyk a kultúra. 17-18 / 2014. URL: <http://ff.unipo.sk>jak>prima> (дата обращения 21.07.2020).

Розенфельд А.З. Предисловие // Персидские сказки. Пер. и предисл. А.З. Розенфельд. М.: Изд-во Худ лит-ры, 1956.

Стеблин-Каменский И.М. Этимологический словарь ваханского языка. СПб.: Петербургское востоковедение, 1999.

Топоров В.Н. Из «русско-персидского» дивана. Русская сказка *301 А, В и «Повесть о Еруслане Лазаревиче» – «Шах-наме» и авестийский «Зам-язат-яшт» (Этнокультурная и историческая перспективы) // Этноязыковая

и этнокультурная история Восточной Европы / Под ред. В.Н. Топорова. М.: Индрик, 1995. С. 142-200.

Фильштинский И.М. Бессмертное творение многих народов и поколений // Царевич Камар аз-Заман и царевна Бодур. Избранные сказки, рассказы и повести из «Тысячи и одной ночи» / пер. с араб. М.А. Салье, сост., вступ. ст. и примеч. И.М. Фильштинского. М.: Правда, 1988.

Хайрнурова Л.А. Традиционные формулы в фольклорном тексте. Автореф. дисс... на соискание ученой степени к. филол. наук. Уфа, 2013.

Эдельман Д.И. Иранские и славянские языки: Исторические отношения. М., 2002.

Эдельман Д.И. Еще раз о славянском диве и иранских дэвах // Язык. Личность. Текст. Сборник статей к 70-летию Т.М. Николаевой. М.: ЯСК, 2005. С. 533-539.

Эдельман Д.И. Сравнительная грамматика восточноиранских языков. Исторические отношения. Лексика. М., 2009.

Marzolph, U. The Persian Nights. Links between the Arabian Nights and Persian Culture // *Fabula* 45. 2004. P. 275–293. URL: <https://www.degruyter.com/view/journals/fabl/45/3-4/fabl.45.issue-3-4.xml> (дата обращения 21.07.2020)

Marzolph, U. The Good, the Bad, and the Beautiful: The Survival of Ancient Iranian Ethical Concepts in Persian Popular Narratives of the Islamic Period // *Early Islamic Iran. (The Idea of Iran, vol. 5)*. ed. E. Herzog, S. Stewart. London; New York 2012. P. 16-29.

AT – *Afsonahoi tojiki* [Tajik Fairy Tales] (2008), comp. R. Amonov, D. Obidov; otv. ed. D. Rahimov. Dushanbe: Donish. (in Tajik).

BS – *Belujskiye skazki* [Balochi Fairy Tales] (1932), coll. by I.I. Zarubin. Proceedings of Institute of Oriental Studies of the USSR Academy of Sciences. IV. Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. (in Russian).

VD – Dodykhudoeva L.R. (2020) “Volshebnyaya skazka «Vodareg» v iranskom fol’klore Tsentral’noy Azii: teksty i struktura povestvovaniya. 1”, *Rodnoy Yazyk*. M. 1, 49–84. (in Russian).

VSPG – *Great Russian fairy tales of the Perm province. Collection by D.K. Zelenin*. (1908-1954). (in Russian). URL: <https://www.you-books.com/book/D-K->

Zelenin/Velikoruskie-Skazki-Permskoj-Gubernii (Retrieved: 21.06.2020).

“Istoriya tsarevicha Akhmeda i fei Pari-Banu” (1896), *Tsyachya i odna noch’. Arabskiye skazki znamenitoy Shekherezady* [“One Thousand and One Nights”]. Arabian Tales of the Famous Scheherazade], tr. From Persian by A. Goland. Vol. 1-3. 4th ed. M.: The publication of the bookseller S.I. Leukhin, 1896. Vol. 1 (in Russian).

“Istoriya tsarevny Nurennahar i prekrasnoy dzhinnii” (1903), *Tsyachya i odna noch’. Arabskiye razskazy Shakhrazady* [“A Thousand and One Nights”]. Arabian Tales of Shahrazada] (1902-1903), 1y polnyy russkiy perevod po izdaniyu Zh.Sh. Mardryusa s poyasn. primechaniyami i noveyshimi ill-mi. T. 1-4. SPb. (in Russian).

PS, 2018 – *Pamir Fairy Tales in Six Languages*, comp. by Yorali Berdov, ed. G. Rizvonshoeva (2018). Khorog. (in Shughnani/Russian/English).

SLGT – *Skazki i legendy gornyh tajikov* [Tales and legends of mountain Tajiks] (1990), comp., tr. from Tajik and comments A.Z. Rosenfeld and N.P. Rychkova. Introd. A.Z. Rosenfeld. Moscow: Nauka. Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury (Fairy Tales and Myths of the Peoples of the East). (in Russian).

SNP – *Skazki narodov Pamira* [Fairy Tales of the peoples of the Pamirs] (1976), Moscow: Nauka. (in Russian).

“Prince Ahmad and the Fairy Peri-banu” (1885), *Supplemental Nights to the book of the Thousand Nights and a Night*. With Introduction Explanatory Notes on the Manners and Customs of Moslem Men and a Terminal Essay upon the History of the Nights / by Richard F. Burton. Vol. III. London, 1886-1888, 419-490.

References

Aksyonova, N.S. (2013). “Intertextuality in Literature and Linguistics: the Problem of Choosing an Approach”, *Electronic journal “Vestnik MGOU”*. Retrieved from <http://www.evestnik-mgou.ru>. 2013. № 1.

Afanas’yev, A.N. (1984). *Narodnyye russkiye skazki* [Russian folk tales] in L.G. Barag, V.N. Novikov. T. I. (ed.) Moscow. (in Russian).

Bobrinskoy, A.A. (1908). *Gortsy verkhov’ye Pyandzha* [Mountaineers of the upper reaches of the Pyanj], Moscow. (in Russian).

Veselovskiy, A.N. (1938). *Stat’i o skazke* [Articles about a fairy tale]. 1868-1890. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR. V. 16. (Serie V.

Folklore and Mythology, 1 (in Russian). Retrieved from: <http://feb-web.ru/feb/skazki/default.asp?feb/skazki/critics/95-1938.html> (in Russian).

Gryunberg A.L. (1972). *Yazyki Vostochnogo Gindukusha. Mundszhanskiy yazyk: teksty, slovar', grammaticheskiy ocherk* [Languages of the Eastern Hindu Kush. language: texts, dictionary, grammar sketch]. Moscow: Nauka, Leningradskoe otdelenie. (in Russian).

Gullakyan, S.A. (1979). "O personazhakh armyanskikh volshebnykh skazok", *Bulletin of Erevan state University*, 49–62. (in Russian).

Zharnikova, S.V. (2000). "By the roads of myths (A.S. Pushkin and a Russian folk tale)", *Etnograficheskoye obozreniye*, 2, 128-140. (in Russian).

Zarubin, I.I. (1917). "Materials and notes on the ethnography of mountain Tajiks. Bartang Valley", *Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography Sb. Muzeya antropologii i etnografii Imperial Academy of Sciences*, V, 97-148 (in Russian).

Zarubin, I.I. (1960). *Shugnanskiye teksty i slovar'* [Shughnani texts and dictionary], Moscow; Leningrad. (in Russian).

Kislyakov, N.A. (1989). "Materials on the ancient beliefs of mountain Tajiks", *Countries and peoples of the East*, XXVI, 3, 249-268. (in Russian).

Klimov, G.A., Edel'man, D.I. (1979). "Towards the etymology of Albasty//Almasty", *Soviet Turkology*, 3, 57-63. (in Russian).

Koz'min, A.V. (2006). "Popularity of fairy tales", *Problems of structural and semantic indicators*, 156–166. (in Russian).

Kristeva, Yu. (2000). "Bakhtin, word, dialogue and novel", *French semiotics: From structuralism to poststructuralism*, 427–458. (in Russian).

Litvinskiy, B.A. (1981). "Semantics of ancient beliefs and rituals of the Pamirians", *Central Asia and its neighbours in antiquity and the Middle Ages (history and culture)*, Moscow. (in Russian).

Lyzlova, A.S. (2019). "Tales of the three kingdoms (copper, silver and gold) in popular literature and folklore tradition", *Problems of historical poetics*, 17, 26-44 (in Russian).

Murodov, O. (1975). "Traditional views of Tajiks about adzhina", *Soviet Ethnography*, 5, 96-105. (in Russian).

Nikolayeva, T.M. (1997). «Slovo o polku Igoreve»: *Poetika i lingvistika teksta; «Slovo o*

polku Igoreve» i pushkinskiye teksty ["The Word about Igor's Campaign": Poetics and Linguistics of the Text; "Word about Igor's Host" and Pushkin's texts. Moscow. (in Russian).

Pakhalina, T.N. (1975) *Vakhanskiy yazyk [Wakhi language]*, Moscow. (in Russian).

Prima, A.M. (2014). "Intertextuality as a global text category", *Jazyk a kultura*. 17-18/2014. (in Russian). Retrieved from: <http://ff.unipo.sk/jak/prima>

Rozenfel'd, A.Z. (1956). "Predisloviye", *Persidskiye skazki [Persian Tales]*, Translated by A.Z. Rozenfel'd. Moscow: Izd-vo Khudozhestvennoy literatury. (in Russian).

Steblin-Kamenskiy, I.M. (1999). *Etimologicheskiy slovar' vakhanskogo yazyka [Etymological Dictionary of the Wakhan Language]*, SPb.: Peterburgskoe vostokovedenie. (in Russian).

Toporov, V.N. (1995). "From the "Russian-Persian" sofa. Russian fairy tale * 301 A, B and "The Tale of Eruslan Lazarevich" - "Shah-name" and Avestan "Zam-yazat-yasht" (Ethnocultural and historical perspectives)", *Ethno-linguistic and ethno-cultural history of Eastern Europe*, 142-200. (in Russian).

Fil'shtinskiy, I.M. (1988). *Bessmertnoye tvoreniye mnogikh narodov i pokoleniy*", *Tsarevich Kamar az-Zaman i tsarevna Bodur. Izbrannyye skazki, rasskazy i povesti iz «Tysyachi i odnoy nochi»* [Prince Kamar al-Zaman and Princess Bodur. Selected Fairy Tales, Stories and tales from the "Thousand and One Nights"], tr. from Arab. M.A. Sal'ye, comp., introd. & comm. I.M. Fil'shtinskiy. Moscow: Pravda. (in Russian).

Khayrnurova, L.A. (2013). *Traditsionnyye formuly v fol'klornom tekste* [Traditional formulas in folklore text], Abstract of Ph.D. dissertation. Ufa. (in Russian).

Chernyavskaya, V.Ye. (2009). *Lingvistika teksta [Linguistics of the text]*, Moscow: Librokom (in Russian).

Edel'man, D.I. (2002). *Iranskiye i slavyanskiye yazyki: Istoricheskiye otnosheniya* [Iranian and Slavic Languages: Historical Relations]. Moscow. (in Russian).

Edel'man, D.I. (2005). *Yeshche raz o slavyanskom dive i iranskikh devakh*", *Yazyk. Lichnost'. Tekst. Sbornik statey k 70-letiyu T.M. Nikolayevoy* [Language. Personality. Text. Collection of articles for the 70th anniversary of T.M. Nikolaeva], Moscow: YASK, 533-539. (in Russian).

Edel'man, D.I. (2009). *Sravnitel'naya grammatika iranskih yazykov. Leksika* [Comparative grammar of Iranian Languages: Vocabulary]. Moscow. (in Russian).

Marzolph, U. (2004). "The Persian Nights. Links between the Arabian Nights and Persian Culture", *Fabula* 45, 275–293. Retrieved from: <https://www.degruyter.com/view/journals/fabl/45/3-4/fabl.45.issue-3-4.xml>

Marzolph, U. (2012). "The Good, the Bad, and the Beautiful: The Survival of Ancient Iranian Ethical Concepts in Persian Popular Narratives of the Islamic Period", *Early Islamic Iran. (The Idea of Iran, vol. 5)*, 16-29.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Додыхудоева Лейла Рахимовна, старший научный сотрудник сектора иранских языков отдела индоевропейских языков, Институт языкознания РАН

Leyli R. Dodykhudoeva, Senior Researcher, Iranian Languages Sector, Department of Indo-European Languages, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences.

УДК 811.11

DOI: 10.18413/2313-8912-2020-6-3-0-10

**Древнеанглийско-латинские языковые контакты
(на материале «Грамматики» Эльфрика)**
(Серия статей «Литературные языки и литературные традиции:
контакты и влияния» под руководством д.ф.н., профессора
В. Я. Порхошовского и д.ф.н., профессора И. И. Чельшевой,
Институт языкознания РАН, г. Москва)

Яковенко Е. Б.

Институт языкознания РАН
Большой Кисловский пер. 1 стр. 1,
Москва, 125009, Россия
E-mail: yakovenko_k@rambler.ru
ORCID id: 0000-0003-4372-7704

*Статья поступила 5 июля 2020 г.; принята 10 сентября 2020 г.;
опубликована 30 сентября 2020 г.*

Аннотация

Настоящее исследование посвящено древнеанглийско-латинским языковым контактам, имевшим место на рубеже X-XI вв. и нашедшим отражение в письменных памятниках данного периода, в частности, в переведенной на древнеанглийский язык латинской грамматике Эльфрика. В свете той значимости, которую приобретает проблема языковых контактов и языковых изменений в современной лингвистике, исследование представляется вполне актуальным.

В центре внимания данной работы оказывается метаязык «Грамматики» Эльфрика, рассматриваемый в традиционном (структурно-семантическом) и социолингвистическом ключе. Структурно-семантический анализ терминологии Эльфрика позволяет выделить в ее составе латинские вставки (кодовые переключения), созданные самим Эльфриком семантические и словообразовательные кальки, перифрастические обороты. Широкое использование этих терминов, простота и ясность описания делают «Грамматику» выдающимся образцом древнеанглийской научной прозы.

Социолингвистический подход к изучению данного памятника строится на теории У. Лабова, предлагающего различать языковые «изменения сверху» (“change from above”) и «изменения снизу» (“change from below”). Подвергая «Грамматику» Эльфрика анализу на предмет ее корреляции с оригинальным текстом, распространения в соответствующей культурной среде, особенностей ее терминологии, мы доказываем, что данное произведение проявляет признаки «изменений сверху», оказывая влияние на английский язык и культуру Англии.

В результате исследования мы приходим к выводу, что письменный памятник переводного характера, демонстрирующий широкое использование окказионального словообразования и переключения кодов, может служить достаточным подтверждением языковых изменений.

Ключевые слова: языковые контакты; языковые изменения; теория У. Лабов; «изменения сверху»; «изменения снизу»; переключение кодов.

Информация для цитирования: Яковенко Е. Б. Древнеанглийско-латинские языковые контакты (на материале «Грамматики» Эльфрика) (Серия статей «Литературные языки и литературные традиции: контакты и влияния» под руководством д.ф.н., профессора В. Я. Порхомовского и д.ф.н., профессора И. И. Чельшевой, Институт языкознания РАН, г. Москва) // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2020. Т.6, №3. С. 127-138. DOI: 10.18413/2313-8912-2020-6-3-0-10

Old English-Latin Language Contacts (a case of Ælfric's Grammar)
(Series of Papers "Standard Languages and Literary Traditions: Contacts and Influences" directed by Professor Irina I. Chelysheva and Professor Viktor Ya. Porkhomovsky, Institute of Linguistics RAS, Moscow)

Yekaterina B. Yakovenko
Institute of Linguistics,
Russian Academy of Sciences
1, bld. 1 B. Kislovsky Ln.
Moscow, 125009, Russia
E-mail: yakovenko_k@rambler.ru
ORCID id: 0000-0003-4372-7704

Received 5 July 2020; accepted 10 September 2020; published 30 September 2020

Abstract

This study is devoted to Old English-Latin language contacts that took place at the turn of the 10th and 11th c. and were reflected in several written records of that period, in particular, in Ælfric's *Grammar* translated from Latin into Old English. Due to the importance that the problem of language contacts and language change is gaining in modern linguistics, the study seems to be quite relevant.

The paper focuses on the metalanguage of Ælfric's "Grammar" viewed structurally and semantically, on the one hand, and sociolinguistically, on the other. The structural and semantic analysis of Ælfric's terminology allows to single out in it Latin insertions (code-switches), semantic and morpheme-for-morpheme translations created by Ælfric and periphrastic expressions. The wide use of these terms, their simplicity and transparence have made the "Grammar" an outstanding sample of Old English scientific prose.

The sociolinguistic approach to the "Grammar" is based on the theory of W. Labov who distinguishes "change from above" and "change from below". Subjecting Ælfric's *Grammar* to a detailed analysis as for its correlation with the original text, spread in the cultural milieu, and peculiarities of its terminology, we conclude that this work manifests some features of "change from above", thus influencing the English language and the culture of England.

The results of the research allow us to claim that a translation displaying widespread use of occasional word formation and code switching can serve as a sufficient witness of language change.

Key words: language contacts; language change; Labov's theory; change from above; change from below; code switching

How to cite: Yakovenko Ye.B. Old English-Latin Language Contacts (a case of Ælfric's Grammar) (Series of Papers "Standard Languages and Literary Traditions:

Contacts and Influences” directed by Professor Irina I. Chelysheva and Professor Viktor Ya. Porkhomovsky, Institute of Linguistics RAS, Moscow)
Research Result. Theoretical and Applied Linguistics, 6 (3), 127-138, DOI: 10.18413/2313-8912-2020-6-3-0-10

Введение

В англо-саксонской культуре особое место принадлежит ученому монаху Эльфрику (Ælfric) (ок. 955 – ок. 1010) – наиболее известному автору конца древнеанглийского периода. Его перу принадлежат два сборника гомилий (проповедей на библейские темы), жития святых, частичный перевод Ветхого Завета и учебные пособия, предназначенные для изучения латинского языка в монастырских школах: древнеанглийский перевод латинской грамматики, латинско-древнеанглийский глоссарий и латинский разговорник, переведенный позднее на древнеанглийский язык Эльфриком Батой. Личности Эльфрика и его культурному наследию посвящено множество работ (White, 1898; Gneuss, 2009; Hill, 2009; Magennis, 2009; Anderson, 2015; Stephenson, 2015), и он по праву считается выдающейся фигурой англосаксонской эпохи, “a prolific and wide-ranging author, an accomplished stylist and arguably the most significant intellectual figure of his age” (Magennis & Swan, 2009: 1).

Из перечисленных выше трудов Эльфрика безусловный интерес в лингвистическом плане представляет его «Грамматика», восходящая к фундаментальным трудам Присциана “*Institutiones grammaticae*”, “*De Institutione de nomine et pronomine et verbo*” и Доната – “*Ars maior*” and “*Ars minor*”. Эти сочинения, несомненно, были известны Эльфрику, однако непосредственным источником его перевода стала сокращенная анонимная грамматика “*Excerptiones de Prisciano*”, вобравшей в себя основные моменты грамматического учения Присциана и Доната. «Грамматика» Эльфрика представляет собой свободный перевод латинского текста с экспликацией грамматического материала на древнеанглийском языке. В период Бенедиктинской реформы,

направленной на усиление роли церкви и повышение компетентности священнослужителей, появление книги такого рода было совершенно необходимо: до этого времени преподавание латыни осуществлялось исключительно посредством латинской грамматической терминологии, что приводило к низкой эффективности процесса обучения и, в конечном счете, слабым владением клириками латинским языком.

«Грамматику» Эльфрика начали изучать в лингвистике вскоре после выхода в 1880 г. ее критического издания, подготовленного австрийским и немецким лингвистом Ю. Цупицей (AG). В современных работах исследуются различные ее аспекты: место в истории лингвистических учений (Клейнер, 1985; Law, 1987; 1993; Gneuss, 1989; 2009) корреляция с латинским источником (Porter, 2002; Menzer, 1999), принципы обучения иностранному языку (Hall, 2009), используемые Эльфриком переводческие стратегии (Williams, 1958; Mensah & Toupin, 2005; Toupin, 2009; Chapman, 2010; Kastovsky, 2008; 2010). Различные способы передачи Эльфриком иноязычной терминологии упоминаются в работах по переключению кодов в древнеанглийских текстах (Timofeeva, 2010; Schendl, 2011; 2017).

В данном исследовании предпринимается попытка соединить традиционное (структурно-семантическое) описание терминологии Эльфрика с ее обсуждением с позиций современной социолингвистики. Для этого в работе применяются, наряду с общим методом описания, контекстуальный анализ, семантический, словообразовательный, контрастивный анализ языкового материала и его социолингвистическая интерпретация.

Исследование направлено на решение следующих проблем:

1) изучение структурных, семанти-

ческих и функциональных особенностей грамматической терминологии Эльфрика;

2) определение влияния терминологии Эльфрика на лексическую систему английского языка;

3) решение вопроса, может ли письменный памятник переводного характера, демонстрирующий широкое использование окказионального словообразования и переключения кодов, быть подтверждением языковых изменений.

Основная часть

Языковые контакты и понятие «изменения сверху» (change from above)

Понятие «изменения сверху» (change from above) было введено У. Лабовым (Labov 2006 [1966]) и подробно исследовано в социолингвистике. Противопоставляя изменения сверху и изменения снизу, Лабов определял первые как сознательные, целенаправленные процессы: “A change from above is exerted by overt pressure upon formal styles of speech, with results that are sporadic or unsystematic from a linguistic point of view. A change from below occurs below the level of conscious attention, affecting all members of a word class...” (Labov, 2006: 240). Изменения сверху, указывал Лабов, распространяются вниз от социального класса с наивысшим статусом; используемые этим классом элементы могут быть заимствованы из другого – более престижного – языка или диалекта. Такого рода изменения обычно связаны с поверхностными и изолированными чертами языка (Labov, 2010: 185).

В целом разделяя концепцию Лабова, Р. Уордхау подчеркивает, что изменения сверху связаны с вопросом престижа, но не обязательно инициируются в рамках социальной группы, занимающей самое высокое положение в обществе: они обычно начинаются в нескольких более низких по социальному рангу группах (Wardhaugh, 2010: 216).

Теория Лабова разделяется в социолингвистике не всеми: так, Р. Хики, вводя понятие лексической диффузии, утверждает, что данное явление действует в соответствии со статусом слов,

задающих языковые изменения, в лексической системе (Hickey, 1999: 235). С. Дюбуа и Б.Хорват определяют изменения сверху и изменения снизу как адаптации и инновации, подчеркивая социальный характер первых и собственно языковой характер вторых (Dubois & Horvath, 1999: 302). Дж. Милрой предлагает различать изменения, происходящие в самих языковых системах, и инновации, представленные носителями языков. По его мнению, отдельные носители внедряют в язык инновации, которые могут при определенных обстоятельствах перерасти в языковые изменения (Milroy, 1999: 23). Это утверждение имеет большое значение для нашего исследования: ниже будет продемонстрирован инновационный характер лингвокреативной деятельности Эльфрика.

Терминология Эльфрика и ее функционирование в тексте

Главным достоинством «Грамматики» Эльфрика, несомненно, является ее метаязык, демонстрирующий большое разнообразие с точки зрения ее образования, корреляции с латинскими эквивалентами, семантики, функционирования в тексте и др. Эта терминология была рассмотрена отдельными исследователями (Gneuss, 2009; Tourpin, 2009; Chapman 2010; Kastovsky, 2008; 2010) и подробно описана в нашей более ранней работе (Яковенко 2017), поэтому в данной работе мы считаем достаточным привести лишь краткий обзор ее структурно-семантических и функциональных особенностей.

С точки зрения происхождения термины, созданные или используемые Эльфриком, подразделяются на:

I. Латинские слова и словосочетания, представляющие собой результат переключения кодов: *praepositio* «предлог», *dativus* «дательный» и т.п. Подобные единицы иногда относят к латинским заимствованиям, но, поскольку они используются в тексте в неассимилированном виде и не являются частью древнеанглийской языковой системы, мы решительно возражаем против того, чтобы

считать их заимствованиями, и видим в них иноязычные вставки (single code-switches) (подробнее о термине «переключение кодов» (code switching), получившем широкое распространение в лингвистике, см., напр. Treffers-Daller, 2005, 1469-1482).

II. Слова и словосочетания, демонстрирующие явления, отличные от переключения кодов:

1) семантические кальки – единицы, уже существующие в древнеанглийском языке и приобретающие в «Грамматике» новые, узкоспециальные значения по аналогии со своими латинскими эквивалентами: *synn* (лат. *genus*) первоначально «род, племя», у Эльфрика – «грамматический род», *sweg* (лат. *accentus*) первоначально «удар, толчок», у Эльфрика – «ударение» и др.;

2) словообразовательные кальки, или поморфемные переводы: лат. *consonantes* «согласные» – др.-а. *samod swēgende* (букв. «созвучные, звучащие вместе с [другим звуком]», лат. *participium* «причастие» – др.-а. *dæl nīmend* (букв.: «принимающее участие») и др.

3) выражения перифрастического характера: лат. (*nomina*) *collectiva* «собираательные существительные» – др.-а. *þā getācniad on ānfealdum getele mycele meniu* (букв. «те, которые обозначают большое количество во множественном числе»).

По данным Д.Чепмена, в «Грамматике» Эльфрика используется в общей сложности около двухсот терминов различного характера (Chapman, 2010: 422-423); латинские термины употребляются параллельно их древнеанглийским эквивалентам.

С точки зрения семантики в метаязыке Эльфрика можно выделить термины преимущественно грамматического, реже фонетического характера. Фонетические термины называют типы звуков и их отдельные артикуляционные характеристики; единственным упоминаемым элементом просодики выступает ударение. Грамматические термины используются для обозначения частей речи, их разрядов и отдельных

грамматических категорий (падеж, число, род, время, наклонение и др.) В книге вводятся также некоторые понятия стилистики, выражаемые всегда латинскими терминами (*barbarismus*, *tropi* и др.).

С точки зрения морфемной структуры и словообразования термины Эльфрика могут быть простыми и производными. Семантические кальки – как правило, простые непродуцированные единицы: *hīw* «вид», *hād* «лицо». Словообразовательные кальки, как правило, воспроизводят морфемную структуру своих латинских прототипов. Важно, что они образованы по продуктивным моделям древнеанглийского словообразования; среди них выделяются префиксальные и/или суффиксальные образования (*gemet* «наклонение; размер (в стихосложении)», *tīdlīc* «временной, темпоральный», *gebīdednys* «склонение») и разнообразные композиты, образованные главным образом соединением именных основ (*stæfgefēg* «слог», *ordfruma* «этимология»).

В «Грамматике» наблюдаются различные способы включения терминов в текст. Иногда Эльфрик сочетает латинское предложение с его последующим переводом на древнеанглийский, что может быть охарактеризовано как внешнее переключение кодов:

“DUO PARTICIPIA VENIUNT A VERBO ACTIVO *twegen dālas, ðe synd gecwede dæl nīmende, cumad of ðam dædlīcum worde*” (AG, 152).

«Duo participia veniunt a verbo activo две части, то есть два так называемых причастия, образуются от активного глагола» (перевод здесь и далее наш – Е.Я.).

Однако чаще Эльфрик прибегает к т.н. внутреннему переключению, при котором за латинским термином следует его толкование на родном языке, или же к комбинации внешнего и внутреннего переключения:

“PARTES ORATIONIS SUNT OCTO *eahta dālas synd lēdenspræce: NOMEN, PRONOMEN, VERBUM, ADVERBIUM, PARTICIPIUM, CONIUNCTIO, PRAEPOSITIO, INTERIECTIO.*”

NOMEN is nama, mid ðâm wê nemnað ealle ðing ægðer gē synderlice gē gemænelice. [...] PRONOMEN is ðæs naman speljend, sê spelað þone naman, þæt ðû ne ðurfe tuwa hine nemnan. VERBUM is word, and word getacnað weorc, oððe ðrowunge oððe gefafunge. [...] ADVERBIUM is wordes gefêra, forðan de hê næfd nâne fulfremednysse, butan hê mid ðâm worde bêo. [...] PARTICIPIUM ys dæl nimend. hê nymð ânne dæl of naman and oðerne od worde, of naman he nymð casus, þæt is, declining, and of worde hê nymð tîde and getâcnuunge, of him bâm hê nymð getel and hiw. [...] CONIUNCTIO is geðeodnys oððe fêging. þes dæl ne mæg nâht þurh hine sylfne, ac hê gefêgð tîgædere ægðer gē naman gē word. [...] PRAEPOSITIO is foresetnyss. sê byð geðeod naman and worde and stent æfre on foreweardan. [...] INTERIECTIO is betwuxâworpennyss. se dæl lîð betwux oðrum wordum and geswutelað þæs môdes styrunge (Ibid., 9).

“PARTES ORATIONIS SUNT OCTO В латинском языке восемь частей речи: NOMEN, PRONOMEN, VERBUM, ADVERBIUM, PARTICIPIUM, CONIUNCTIO, PRAEPOSITIO, INTERIECTIO. NOMEN – это имя, которым мы называем все вещи, единичные или общие. [...] PRONOMEN – это представитель имени, который представляет имя, чтобы его не нужно было называть дважды. [...] VERBUM – это глагол, и глагол обозначает действие, страдание или разрешение [...] ADVERBIUM – это спутник глагола, он выражает законченный смысл, лишь когда сопровождает глагол. [...] PARTICIPIUM –

это то, что принимает участие. Оно берет одну часть от существительного и другую от глагола. От существительного оно берет падеж, то есть склонение, а от глагола оно берет время и значение, и от них обоих оно берет число и вид. [...] CONIUNCTIO – это союз, или связка. Эта часть речи ничего не может сама по себе, но она связывает вместе имена и глаголы. [...] PRAEPOSITIO – это предлог. Он подчинен имени и глаголу и стоит всегда впереди. [...] INTERIECTIO – это междометие. Оно стоит между другими словами и обозначает чувства».

Приступая к своему сочинению,

Эльфрик прекрасно осознавал всю сложность стоящей перед ним задачи. Создаваемое им пособие не должно было быть ни глоссами к латинскому тексту, ни перечнем парадигм. Ученики Эльфрика были, по всей вероятности, подростками или молодыми людьми, проходящими обучение в монастырских школах. «Грамматика» вводила их в мир латыни, подготавливая к чтению более сложных трудов. С учетом возраста говорящих и уровня их подготовки Эльфрику приходилось соблюдать баланс между простыми объяснениями и научными рассуждениями, и, хотя этот баланс не раз смещался в ту или иную сторону, его труд характеризуется точным и прозрачным языком, целостностью и последовательностью описания.

Используя параллельные ряды латинских и соответствующих им древнеанглийских терминов и различные способы их инкорпорации в текст, Эльфрик создал уникальное сочинение, определить характер которого довольно затруднительно (подробнее см. Яковенко 2017: 262-263). Хотя «Грамматика» по своей сути компилятивна, в ней хорошо ощутим авторский подход и утверждение собственного метода преподавания латыни. «Грамматика» не является описанием исключительно латинского языка: примеры, приводимые автором, несут также информацию о фонетическом и грамматическом строе английского языка конца XI в. В целом, очень приблизительно, труд Эльфрика может быть охарактеризован как свободный перевод грамматического сочинения с латинского языка с включением экспликации, примеров и комментариев на языке перевода.

Дискуссия

Исследуя роль Эльфрика в английской культуре, мы должны различать ценность его «Грамматики» и ценность его терминологии. Первое не вызывает сомнений: книга Эльфрика, являясь первым переводным грамматическим сочинением на древнегерманском языке, демонстрирует способность

передавать лингвистическую мысль новыми средствами. «Грамматика» распространялась в многочисленных списках: количество дошедших до наших дней копий определяется как пятнадцать (Hall 2009 : 197-198; Chapman 2010: 421) или шестнадцать (Kleist 2009: 391) и вполне позволяет согласиться с мнением о том, что труд Эльфрика превосходил по своей популярности любое другое сочинение англо-саксонской эпохи (Sisam, 1953: 301; Hall, 2009: 197-198).

Распространенная в Англии вплоть до XII в., «Грамматика» вышла затем из употребления. Затем, после нескольких веков забвения, она вновь приобрела известность – теперь уже не в качестве учебного пособия, а как ценное свидетельство развития лингвистической мысли в англосаксонскую эпоху. По данным Г.Гнойса (Gneuss 2007: 246ff), фрагменты «Грамматики» и глоссария Эльфрика были включены в “Old English-Latin Dictionarium” У.Сомнера (W.Somner) (1659) и “ Rudiments of Grammar for the English-Saxon Tongue” Э.Элстоуб (E.Elstob) для англо-саксонского языка» (1715) задолго до выхода первого критического издания самой «Грамматики» в 1880 г.

Значимость терминологии Эльфрика представляется, при всем уважении к ее создателю, довольно спорной. С одной стороны, ее появление было объективной необходимостью: как показывает О.Тимофеева в своем исследовании (Timofeeva, 2010), в конце англосаксонской эпохи близость с Римом не ощущалась так сильно, латинско-английские контакты были ослаблены, и уровень владения английским языком в среде духовенства был явно недостаточен. Существовавшие в тот период грамматики латинского языка либо страдали чрезмерной краткостью, либо, наоборот, были перегружены излишними деталями (Gneuss, 2009: 23).

С другой стороны, нельзя сказать, что использование терминов, предложенных Эльфриком, было обширным. Большинство из них никогда не использовалось за пределами грамматики,

во всяком случае, свидетельства этого отсутствуют (Gneuss 1989: 10). Исследуя ранние европейские грамматики, В.Ло была склонна рассматривать терминологию Эльфрика не более чем глоссарий к латинскому грамматическому метаязыку (Law 1987: 63).

Тем не менее, термины Эльфрика были не просто инструментарием, используемым в экспликативных целях, или примерами авторского словотворчества. Иллюстрируя различные приемы перевода и свидетельствуя о семантических процессах и процессах словообразования, они способствовали, по крайней мере, в свое время, росту словарного запаса древнеанглийского языка. Даже если позже они были вытеснены другими терминами, сама попытка их создания была беспрецедентной.

Решая основную проблему данной статьи – является ли терминология Эльфрика примером изменения сверху – мы полагаем, что эта проблема должна рассматриваться с различных точек зрения.

С точки зрения социолингвистики слова, созданные Эльфриком, имели все предпосылки для развития в дальнейшем в полноценные термины. Они возникли в соответствующей культурной среде, поскольку англосаксонское духовенство было самой образованной социальной группой, способной обеспечивать межъязыковые контакты, и стали результатом контакта менее престижного языка с более престижным, какой была латынь.

С точки зрения когнитивной семантики появление этих терминов вполне ожидаемо. Возникнув как ответная реакция на латинско-древнеанглийские языковые контакты, они сформировали обширный лексический слой или, скорее, терминологическую систему, способствующую углублению научных представлений о языке. Морфологически слова Эльфрика, созданные на исконном материале, соответствовали структуре древнеанглийского языка и словообразовательным тенденциям, развивавшимся в

тот период.

С переводческой точки зрения использование Эльфриком грамматического метаязыка представляется оправданным, какая бы стратегия культурного трансфера (переключение кодов, семантические и словообразовательные кальки, перифрастическое истолкование) при этом ни применялась и каким бы способом ни осуществлялась инкорпорация терминов в основной текст. Балансируя между семантическими и словообразовательными кальками и латинскими вставками-переключениями, Эльфрик интуитивно применил две основные переводческие тенденции – доместикацию и форенизацию перевода, – развившиеся затем повсеместно и образовавшие важнейшую переводческую дилемму.

Тем не менее, отсутствие широкого использования этих терминов не позволяет нам определить их как безусловный пример изменений сверху. Термины Эльфрика являются скорее инновациями в языке, в которых проявились семантические, морфологические, словообразовательные и другие особенности древнеанглийского языка. Очевидно, что при иных обстоятельствах (то есть, если бы не Нормандское завоевание, вследствие которого значительная часть древнеанглийского лексикона оказалась вытесненной французскими и латинскими заимствованиями) единицы метаязыка Эльфрика могли бы развиваться в полноценные термины, закрепившись в языковой системе.

Заключение

Несмотря на то, что термины Эльфрика носили в целом окказиональный характер и большая часть их оказалась утраченной в последующие периоды, они сыграли немаловажную роль в развитии лексической системы английского языка.

Во-первых, даже если большинство терминов, предложенных Эльфриком, остаются *hara* *legomena*, они отражают потенциал древнеанглийской лексической системы. В этом отношении любые новые лексические единицы представляют

большую ценность, поскольку они служат для означивания новых объектов и фрагментов картины мира.

Во-вторых, термины Эльфрика, используемые в сочинении предписывающего характера (каким является грамматика), выходят за рамки авторского словотворчества. Переведенные или образованные Эльфриком таким образом, чтобы быть понятными изучающим латынь, они предназначены для публичного использования; многочисленные копии грамматики Эльфрика свидетельствуют о ее авторитете и, косвенно, о распространении этих терминов по крайней мере в учебной среде.

В связи с вышесказанным представляется, что письменные языковые контакты могут, в частности, проявляться в появлении заимствованной или калькированной терминологии в отдельной области знания. Это дает нам основания утверждать, что лингвистическая терминология Эльфрика демонстрирует признаки изменений сверху, обусловленных взаимодействием языковых контактов и индивидуальной лингвокреативной деятельности автора. Сама «Грамматика», являясь образцом англосаксонской научной прозы, оказывает несомненное влияние на английский язык и культуру страны.

Источники и принятые сокращения

AG – *Ælfric's Grammar*. Zupitza, Julius. (ed.). (1880). *Sammlung Engliſher Denkmäler in kritiſchen Ausgaben. Ælfrics Grammatik und Glossar. Erste Abteilung: Text und Variante. Bd 1.* Berlin: Weidmannsche Buchhandlung.

Список литературы

Клейнер Ю.А. Латинская грамматическая традиция в Англии VII–XI вв. (Беда, Алкуин, Эльфрик) // *История лингвистических учений. Средневековая Европа.* М., 1985. С. 62–76.

Яковенко Е.Б. Между авторством и переводом: «Грамматика» Эльфрика как первый опыт переводной грамматики на древнеанглийском языке // *Грамматические категории германских языков в антропоцентрической перспективе.* Коллективная монография. М.: Канцлер, 2017. С. 257–264.

Anderson George K. The Literature of the Anglo-Saxons. Princeton: Princeton Legacy Library, 1962.

Chapman D. Uterque Lingua/Ægðer Gereord: Ælfric's Grammatical Vocabulary and the Winchester Tradition. In: The Journal of English and Germanic Philology. Vol. 109, No. 4 (October 2010), 2010, P. 421-445.

Gneuss, H. The Study of Language in Anglo-Saxon England. The T. Northcote Toller Memorial Lecture delivered in the John Rylands University Library of Manchester on 6 March 1989. Bulletin John Rylands Library, 1989 (single print).

Gneuss, H. 2007. The First Edition of the Source of Ælfric's Grammar. In: Anglia - Zeitschrift für englische Philologie, Vol. 123, Iss. 2, 246-259.

Gneuss, H. Ælfric of Eynsham: His Life, Times, and Writings. Kalamazoo, Mich.: Medieval Institute Publications, Western Michigan University, 2009.

Hall, Th. Ælfric as Pedagogue. In: Hugh Magennis & Mary Swan (eds.), A Companion to Ælfric, Leiden: Brill, 2009, P. 193-216.

Hickey, R. Developments and Change in Dublin English. In: Ernst Håkon Jahr (ed.). Language Change: Advances in Historical Sociolinguistics. Berlin, New York: De Gruyter, 1999, P. 209-244.

Hill, J. Ælfric: His Life and Works. In Hugh Magennis & Mary Swan (eds.), A Companion to Ælfric, Leiden: Brill, 2009, P. 35-66.

Hunt, Tony. Teaching and Learning Latin in Thirteenth-century England. Vol. I. Cambridge: D.S.Brewer.

Kastovsky, D. Semantics and Vocabulary. In Richard M. Hogg (ed.), The Cambridge History of the English Language. Vol. I. The Beginnings to 1066, Cambridge: Cambridge University Press, 2008, P.290-408.

Kastovsky, D. Translation Techniques in the Terminology of Ælfric's Grammar: Semantic Loans, Loan Translations and Word-formation. In Merja Kytö, John Schill and Harumi Tanabe (eds.), Language Change and Variation from Old English to Late Modern English. Series: Linguistic Insights: Studies in Language and Communication. Bern: Peter Lang, Vol. 114, 2010, 163-174.

Kleist, A. Assembling Ælfric: Reconstructing the Rationale behind Eleventh- and Twelfth-Century Compilations. In Hugh Magennis & Mary Swan (eds.), A Companion to Ælfric, Leiden: Brill, 2009, P. 369-398.

Labov, W. The Social Stratification of English in New York City. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press, 2006 [1966].

Labov, W. Principles of Linguistic Change. Volume 3: Cognitive and Cultural Factors. Chichester: Wiley-Blackwell, 2010.

Law, V. Anglo-Saxon England: Ælfric's «Excerptiones de arte grammatica anglice». In: Histoire. Épistémologie. Langage, Vol. 9, NN 9-1, 1987, P. 47-71.

Law, V. The Historiography of Grammar in Early Middle Ages In Vivien Law (ed.), History of Linguistic Thought in Early Middle Ages, Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins. 1993, P.1-24.

Magennis, H. Ælfric's Scholarship. In Hugh Magennis & Mary Swan (eds.), A Companion to Ælfric, Leiden: Brill, 2009, P.5-34.

Magennis, H., Swan M. Introduction. In Hugh Magennis & Mary Swan (eds.), A Companion to Ælfric, Leiden: Brill, 2009. P. 1-4.

Menzer M. Ælfric's Grammar: Solving the Problem of the English-Language Text. In Neophilologus, Vol. 83, Issue 4, 1999, P. 637-652.

Menzer M. Ælfric's English "Grammar". In The Journal of English and Germanic Philology, Vol. 103, n° 1, 2004, P.106-124.

Milroy J. Toward a Speaker-Based Account of Language Change. In: Ernst Håkon Jahr (ed.). Language Change: Advances in Historical Sociolinguistics. Berlin, New York: De Gruyter, 1999, P. 21-36.

Porter David W. (ed). Excerptiones de Prisciano. The Source for Ælfric's Latin-Old English Grammar. Cambridge: D.S.Brewer, 2002.

Schendl H. Beyond Boundaries: Code-Switching in the Leases of Oswald of Worcester. In: Herbert Schendl & Laura Wright (eds.). Code-Switching in Early England, Boston, Berlin: De Gruyter. 2011, P.47-94.

Schendl H. Code-Switching in Anglo-Saxon England: A Corpus-Based Approach. In: Päivi Pahta, Janne Skaffari, Laura Wright (eds.). Multilingual Practices in Language History. English and Beyond, Boston, Berlin: De Gruyter, 2017, 39-61.

Sisam K. Studies in the History of Old English Literature. Oxford: Clarendon Press, 1953.

Stephenson R. The Politics of Language: Byrhtferth, Ælfric, and the Multilingual Identity of the Benedictine Reform. Toronto; Buffalo; London: University of Toronto Press, 2015.

Timofeeva O. Anglo-Latin Bilingualism before 1066: Prospects and Limitations. In Alaric

Hall, Olga Timofeeva, Ágnes Kiricsi and Bethany Fox (eds.), *Interfaces between Language and Culture in Medieval England: A Festschrift for Matti Kilpiö*, Leiden: Brill, 2010, P.1-36.

Toupin F. Exploring Continuities and Discontinuities Between Ælfric's and its Antique Sources. *Neophilologus*, 94 (2), 2009, P. 333-352.

Toupin F., Mensah M. *La Grammaire d'Ælfric : traduction et commentaire linguistique*. Paris: AMAES (Publications de l'AMAES 27), 2005.

Treffers-Daller J. Code Switching / Sprachwechsel. In: Ulrich Ammon, Norbert Dittmar, Klaus J. Mattheier, Peter Trudgill (eds). *Sociolinguistics: An International Handbook of the Science of Language and Society*, Vol. 2. Berlin; New York: De Gruyter, 2005, P. 1469-1482.

White Caroline L. *Ælfric: A New Study of His Life and Writings*. Yale Studies in English II. Ed. Albert S. Cook. Boston; New York; London: Lamson, Wolfe and Co., 1898.

Wardhaugh R. *An Introduction to Sociolinguistics*. Chichester: Wiley-Blackwell, 2010.

Williams Edna Rees. *Ælfric's Grammatical Terminology*. In *Publications of the Modern Language Association*, Vol. 73, n° 5, 1958, P.453-462.

References

Kleiner Yu. A. (1985). "Latin Grammar Tradition in England in the 7-11th centuries (Bede, Alcuin, Ælfric)", *History of Linguistics. Medieval Europe*, 62-76

Yakovenko E.B. (2017). "Between an Original and a Translation: Ælfric's Grammar as the First Grammar Work Translated into Old English", *Grammatical Categories of Germanic Languages in the Anthropocentric Perspective. A Collective Monograph*. Moscow: Kancler, 257-264.

Anderson, George K. (1962). *The Literature of the Anglo-Saxons*. Princeton: Princeton Legacy Library.

Chapman, D. (2010). "Uterque Lingua / Ægðer Gereord: Ælfric's Grammatical Vocabulary and the Winchester Tradition", *The Journal of English and Germanic Philology*, 109, No. 4 (October 2010), 421-445.

Gneuss, H. (1989). *The Study of Language in Anglo-Saxon England*. The T. Northcote Toller Memorial Lecture delivered in the John Rylands University Library of Manchester on 6 March 1989. *Bulletin John Rylands Library*, (single

print).

Gneuss, H. (2007). *The First Edition of the Source of Ælfric's Grammar*, *Anglia - Zeitschrift für englische Philologie*, 123, 2, 246-259.

Gneuss, H. (2009). *Ælfric of Eynsham: His Life, Times, and Writings*. Kalamazoo, Mich.: Medieval Institute Publications, Western Michigan University.

Hall, Th. (2009). *Ælfric as Pedagogue*. In: Hugh Magennis & Mary Swan (eds.), *A Companion to Ælfric*, (p.p.193-216), Leiden: Brill.

Hickey, R. (1999). *Developments and Change in Dublin English*. In: Ernst Håkon Jahr (ed.). (p.p. 209-244), *Language Change: Advances in Historical Sociolinguistics*. Berlin, New York: De Gruyter, 209-244.

Hill, J. (2009). *Ælfric: His Life and Works*. In Hugh Magennis & Mary Swan (eds.), *A Companion to Ælfric*, (p.p. 35-66.), Leiden: Brill.

Hunt, T. (1991). *Teaching and Learning Latin in Thirteenth-century England*. Vol. I. Cambridge: D.S.Bewer.

Kastovsky, D. (2008). *Semantics and Vocabulary*. In Richard M. Hogg (ed.), *The Cambridge History of the English Language*. Vol. I. *The Beginnings to 1066*, (p.p. 290-408), Cambridge: Cambridge University Press.

Kastovsky, D. (2011). "Translation Techniques in the Terminology of Ælfric's Grammar: Semantic Loans, Loan Translations and Word-formation", *Language Change and Variation from Old English to Late Modern English. Series: Linguistic Insights: Studies in Language and Communication*, 114, 163-174.

Kleist, A. (2009). "Assembling Ælfric: Reconstructing the Rationale behind Eleventh- and Twelfth-Century Compilations". Hugh Magennis & Mary Swan (eds.), *A Companion to Ælfric*, 369-398. Leiden: Brill.

Labov, W. (2006) [1966]. *The Social Stratification of English in New York City*. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press.

Labov, W. (2010). *Principles of Linguistic Change*. Volume 3: *Cognitive and Cultural Factors*. Chichester: Wiley-Blackwell.

Law, V. (1987). "Anglo-Saxon England: Ælfric's «Excerptiones de arte grammatica anglice»", *Histoire. Épistémologie. Langage*, 9, NN 9-1, 47-71.

Law, V. (1993). *The Historiography of Grammar in Early Middle Ages*. In Vivien Law (ed.), *History of Linguistic Thought in Early Middle Ages*, 1-24. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins.

- Magennis, H. (2009). *Ælfric's Scholarship*. In Hugh Magennis & Mary Swan (eds.), *A Companion to Ælfric*, (p.p.5-34), Leiden: Brill
- Magennis, H. & Swan, M. (2009). *Introduction*. In Hugh Magennis & Mary Swan (eds.), *A Companion to Ælfric*, 1-4. Leiden: Brill.
- Menzer M. (1999). *Ælfric's Grammar: Solving the Problem of the English-Language Text*. In *Neophilologus*, Vol. 83, Issue 4, 637–652.
- Menzer, M. (2004). *Ælfric's English "Grammar"*. In *The Journal of English and Germanic Philology*, Vol. 103, n° 1, 106-124.
- Milroy, J. (1999). *Toward a Speaker-Based Account of Language Change*. In Ernst Håkon Jahr (ed.). *Language Change: Advances in Historical Sociolinguistics* (p.p.21-36), Berlin, New York: De Gruyter
- Porter, David W. (ed). (2002). *Excerptiones de Prisciano. The Source for Ælfric's Latin-Old English Grammar*. Cambridge: D.S.Brewer.
- Schendl, H. (2011). *Beyond Boundaries: Code-Switching in the Leases of Oswald of Worcester*. In: Herbert Schendl & Laura Wright (eds.). *Code-Switching in Early England* (pp. 47-94), Boston, Berlin: De Gruyter.
- Schendl, H. (2017). *Code-Switching in Anglo-Saxon England: A Corpus-Based Approach*. In: Päivi Pahta, Janne Skaffari, Laura Wright (eds.).(p.p. 39-61), *Multilingual Practices in Language History. English and Beyond*, Boston, Berlin: De Gruyter.
- Sisam, K. (1953). *Studies in the History of Old English Literature*. Oxford: Clarendon Press.
- Stephenson, R. (2015). *The Politics of Language: Byrhtferth, Ælfric, and the Multilingual Identity of the Benedictine Reform*. Toronto; Buffalo; London: University of Toronto Press.
- Timofeeva, O. (2010). *Anglo-Latin Bilingualism before 1066: Prospects and Limitations*. In Alaric Hall, Olga Timofeeva, Ágnes Kiricsi and Bethany Fox (eds.), *Interfaces between Language and Culture in Medieval England: A Festschrift for Matti Kilpiö*, (p.p. 1-36), Leiden: Brill.
- Toupin, F. (2009). "Exploring Continuities and Discontinuities Between Ælfric's and its Antique Sources", *Neophilologus*, 94 (2), 333-352.
- Toupin, F. & Mensah, M. (2005). *La Grammaire d'Ælfric: traduction et commentaire linguistique*. Paris: AMAES (Publications de l'AMAES 27).
- Treffers-Daller, J. (2005). *Code Switching, Sprachwechsel. Sociolinguistics: An International Handbook of the Science of Language and Society*, Ulrich Ammon, Norbert Dittmar, Klaus J. Mattheier, Peter Trudgill (eds)., 2, 1469-1482.
- White, Caroline L. (1898). *Ælfric: A New Study of His Life and Writings. Yale Studies in English II*, Ed. Albert S. Cook. Boston; New York; London: Lamson, Wolfe and Co.
- Wardhaugh, R. (2010). *An Introduction to Sociolinguistics*. Chichester: Wiley-Blackwell.
- Williams, Edna Rees. (1958). "Ælfric's Grammatical Terminology", *Publications of the Modern Language Association*, 73, 5, 453-462.
- Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.**
- Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.**
- Яковенко Екатерина Борисовна**, доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник ФГБУН «Институт языкознания» Российской академии наук
- Yekaterina B. Yakovenko**, Doctor of Philology, Associate Professor, Leading Research Fellow, Institute of Linguistics, RAS